XXXII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации» (шифр –МКАА) 2 октября 2026 года

2026

АНО ДПО «Университет ИТБО»

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ XXXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации» (шифр –МКАА) 2 октября 2026 года

УДК 001.1
ББК 94,31
С 32
ISBN
DOI 10.34755/IROK.2026.19.40.028
«Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации» (шифр –МКАА)» 2 октября, (2026, Москва). Сб. материалов XXXII Международной научно-практической конференции, Издательство «АНО ДПО «Университет ИТБО», 2026 – 215с.

Рецензент: *Новиков Петр Николаевич - доктор педагогических наук, профессор, действующий член Академии профессионального образования, главный научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации», старший научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации*
Рецензент - Домаков Вячеслав Вениаминович - д.э.н., д.т.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)
Рецензент - Зенченко Светлана Вячеславовна - доктор экономических наук, профессор, Северо –Кавказский федеральный университет.

В сборнике представлены материалы научных исследований, посвященные комплексному анализу процессов цифровизации и их влияния на ключевые сферы жизни современного общества. Авторы рассматривают широкий круг вопросов, связанных с внедрением сквозных цифровых технологий в экономику, государственное управление, образование, науку и культуру.

Особое внимание в работах уделено социально-экономическим последствиям четвертой промышленной революции, трансформации рынка труда, проблемам обеспечения информационной безопасности, а также правовым и этическим аспект регулирования цифровой среды. В статьях анализируются как глобальные тренды, так и специфика региональных моделей адаптации к условиям цифровой реальности.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, аспирантам, студентам, а также представителям органов государственной власти и практикующим специалистам, интересующимся актуальными проблемами и перспективами развития глобального цифрового общества.

Материалы конференции опубликованы в журнале, индексируемом в РИНЦ «Экономика и безопасность» в разделе «Конференции» https://voenvestnik.ru/arhiv-konferenczij.html, будут размещены в eLibrary.ru и проиндексированы в РИНЦ.

Статьи публикуются в авторской редакции.

СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА

Председатель:

Новиков Петр Николаевич *- доктор педагогических наук, профессор, действующий член Академии профессионального образования, главный научный сотрудник ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации; Центр развития профессиональных квалификаций, член Научного комитета.*

Члены:

Марьясин Антон Маркович *- руководитель научного центра Методологии бухгалтерского учета, Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России, к.э.н.;*

Сон Мей Кхан *– PHD, профессор, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли (GDUFS), КНР;*

Тернер Анна *– профессор, Университет Пардубице, Чехия;*

Алиев Шафа Тифлис оглы *– доктор экономических наук, профессор Сумгаитского Государственного Университета, Руководитель Центра Исследования Экономики Карабаха UNEC (Азербайджанский Государственный Экономический Университет). Азербайджанская Республика;*

Атантаев Истанбек Акматович *- доктор экономических наук, профессор, Кыргызский государственный технический университет им. И.Раззакова;*

Исмаилова Наргиза Ризвановна *- кандидат экономических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына;*

Дылдаев Мирлан Муктарович *- доктор географических наук, профессор, Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева;*

Есеналиева Бактыгул Баховна – *доктор экономических наук, доцент, зав.кафедрой «Налоги и налогообложение», Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына;*

Ибодуллаев Аброржон Ахроржонович *- доктор философии по экономическим наукам (PhD, Ташкентский финансовый институт (г. Ташкент, Республика Узбекистан);*

Абдиев Мурат Журатович *- доктор экономических наук, профессор, Ошский технологический университет им. М.М Адышева, Киргизская республика;*

Киварина Мария Валентиновна *- доктор экономических наук, профессор кафедры цифровой экономики и управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;*

Боташева Асият Казиевна – *доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет;*

Шахбанов Рамазан Бахмудович *- доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (08.00.05);*

Шарапова Валентина Михайловна*- доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»;*

Халифаева Анжела Курбановна *- доктор юридических наук, Заслуженный юрист РД, ФГБОУ ВО "Дагестанский государственный университет";*

Зенченко Светлана Вячеславовна *- доктор экономических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;*

Шаталова Ольга Ивановна *- д.э.н., профессор, профессор кафедры государственного, муниципального управления и менеджмента, Ставропольский филиал РАНХИГС;*

Стефанова Наталья Александровна- *кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики»;*

Ханова Зоя Гаджиалиевна *– доктор психологических наук, профессор, советник Постоянного представительства Республики Дагестан при Президенте РФ;*

Гуриева Лира Константиновна *– доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный деятель науки РСО-Алания, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования "Северо-Осетинский государственный университет";*

Ларионов Максим Викторович *- доктор биологических наук, доцент, профессор Балашовского института (филиала) ФГБОУ ВО "Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского";*

Бабаева Зоя Шапиулаховна *- доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (08.00.05).*

Гуриева Светлана Дзахотовна *– доктор психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»;*

Бисалиев Рафаэль Валерьевич *– доктор медицинских наук, профессор, психиатр, нарколог, психотерапевт, главный врач клиники РЕАМЕД, Татарстан;*

Тотров Иорь Николаевич *– доктор медицинсих наук, доцент, заведующий кафедрой, Северо-Осетинская государственная медицинская академия;*

Мишаков Виктор Юрьевич *– доктор технических наук, доцент, почетный работник текстильной и легкой промышленности РФ, заведующий кафедрой "Коммерции и сервиса" ФГБОУ ВО "Российский Государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);*

Беджанова Татьяна Ефимовна *- кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет».*

Направления конференции:

Педагогические науки
Юридические науки
Биологические науки
Биотехнологии
Ботаника
Ветеринария
Военные науки
Географические науки
Геология
Урбанистика
Информационные технологии
Инженерное дело
Искусствоведение
Исторические науки
Культурология
Лесоводство
Математические науки
Медицинские науки
Науки о Земле
Океанология
Политические науки
Психологические науки
Рыбное хозяйство. Охота
Сельскохозяйственные науки
Социологические науки
Журналистика
Технические науки
Туризм
Фармакология, фармация
Физические науки
Филологические науки
Философские науки
Химические науки
Экология и природопользование
Экономические науки
Этнография

Оглавление

Педагогические науки

Чжан Мэнцзя *Основные направления современной китайской музыки….10-14*
Чжан Жэньи *Фортепиано в музыкальном образовании китайских школьников:путь от церковных до детских музыкальных школ……..…15-23*
Подрядова М.В. *Ключевые проблемы освоения процесса инвестирования в фондовый рынок слушателями образовательных программ финансовой направленности (по опыту АНО ДПО «Институт современных технологий и финансов "Монтериум"»)……24-28*
Митрахович О. В*. Модельные основания формирования мотивации к изучению уголовной ответственности у студентов колледжа……29-34*
Симонова М.Н. *Управление образовательными системами в эпоху цифровой трансформации: вызовы, стратегии и перспективы корпоративного образования……..35-39*
Чжан Хайянь *Цифровая модель обучения переводу в контексте философских идей Платона……40-44*

Юридические науки

Филимонова О.С. *Разграничение полномочий Президента и Правительства Российской Федерации в механизме стратегического планирования: конституционно-правовые аспекты……45-50*
Наумова Т.В. *Дублирование функций и размывание ответственности при разграничении полномочий между муниципальным районом и поселением……51-57*
Арзуманян Д. А*. Трансформация форм государственного управления в цифровую эпоху: административно-правовые и региональные аспекты……58-63*
Верес В. С. *Административная ответственность за нарушение правил розничной продажи алкогольной продукции: анализ актуальной судебной практики……64-67*

Биологические науки

Баурин Ю.С., Кобзева О.И., Шишова М.А. *Морфология и биологические особенности магонии падуболистной (Mahonia aquifolium (Pursh) Nutt.) в условиях резко континентального климата г. Оренбурга (ботанический сад ОГУ имени В.А. Бондаренко)……68-72*

Политические науки

Шапошникова Е. А. *Общественная оценка эффективности деятельности отечественных политических партий……73-78*
Шапошникова Е. А. *Оценка уровня доверия населения политическим*

партиям……79-83

Психологические науки

Волосникова А. В. *Информационная перегрузка и её влияние на учебную деятельность студентов: психолого-педагогический анализ и условия преодоления……84-88*
Вержиковская Д.С. *Когнитивный компонент как фактор конкурентоспособности молодого педагога……89-92*
Ершова Р.В., Свиридова М.К. *Критерии эффективности психологических программ развития стрессоустойчивости: многомерная модель оценки результатов……93-100*
Белова А.С. *Анализ факторов, обуславливающих повышение личностной тревожности у подростков……101-107*

Информационные технологии

Белоусов А. А. *Применение методов машинного обучения для выявления аномалий в данных о потреблении ресурсов строительного объекта…108-111*
Ребро О.В., Данилова А. К. *Геймификация в образовании: влияние игровых механик на мотивацию к обучению у студентов……112-117*

Филологические науки

Курбанов И.А. *Сопоставительное исследование перевода метафор (на материале англоязычного романа Д.Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и его переводов на русский язык)……118-128*

Исторические науки

Голенко В.В. Сравнительный анализ трактовки православия в теории официальной народности С.С. Уварова и в теории ранних славянофилов……129-140

Химические науки

Романеева О.И., Вишневский В.В., Крайник И. И. *Получение защитных гидрофобных полимерных покрытий на основе глицидилметакрилата и его сополимеров……141-147*
Хакимова Д.К., Мирзоева Б.М. *Идентификация гидрофторида лития тензиметричеким методом……148-152*

Экономические науки

Касюгин М. Н. *Мастер-план как инструмент устойчивого развития города: механизмы реализации и цифровой мониторинг……153-157*
Рябова В.П., Замолотдинова К.П., Белухин В. В. *Трансформация финансового управления под влиянием законодательных изменений….158-164*

Безруков А.В., Чан Тхи Хуэ *Современные тенденции в асимметриях взаимодействия волатильности цен на золото и фондового рынка в России и Вьетнаме……..165-174*
Курганская И.Ю. *Современные ограничения развития эндаумент-фондов в благотворительной сфере России……175-179*
Сянни Чен, Ран Чжан, Бэньсян Лу, Лю *Искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами в Китае: возможности и риски…180-185*
Абдуллаев М. Ф*. Платформенные решения для оборота данных как драйвер инновационного развития в отраслях российской экономики……186-192*
Петрова А.Р., Шарипова Е. А. *Информационные системы как инструмент повышения качества управленческих решений в инвестиционно-строительной деятельности……193-196*

Физическая культура и спорт

Петрушин А.В*. Значение и важность лыжного спорта в формировании здорового образа жизни……197-200*
Михайлов А.П., Дудус А. Н., Забродин А. С*. Спортивное плавание, прикладное плавание, прыжки в воду как эффективное средство развития вестибулярного аппарата……201-205*
Лукьянова К. В., Волкова Л.М. *Влияние утренней зарядки на работоспособность студентов……206-209*

Медицинские науки

Миронова Е.В. *Изучение информированности школьников об инфекциях, предающихся половым путем……210-214*

Педагогические науки

УДК 37.016:78
DOI 10.34755/IROK.2026.10.19.039

*Чжан Мэнцзя***,**
аспирант, Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
Россия, Санкт-Петербург

Zhang Mengjia **,**
Postgraduate student, Russian State Pedagogical
University named after A. I. Herzen
Russia, Saint Petersburg

Основные направления современной китайской музыки

The main trends in modern Chinese music

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых тенденций и стилевых направлений в музыке Китая, начиная с конца XX века и до наших дней. В работе исследуется сложный процесс формирования новой музыкальной идентичности, возникающей на пересечении глубоких традиций национальной культуры и глобальных художественных влияний. Основное внимание уделяется синтезу традиционного и современного, академическому авангарду и новым техникам композиции, популярной музыке и массовой культуре, электронной музыке, региональному и этническому многообразию. В статье делается вывод, что современная китайская музыка представляет собой динамичную, полистилистическую систему. Ее главной особенностью является постоянный диалог между наследием и новаторством, локальным и глобальным, элитарным и массовым, что отражает сложные социокультурные трансформации современного Китая.
Ключевые слова: музыкальная культура, современная китайская музыка, компоиторы Китая, направления, стили.
Annotation. The article is devoted to an analysis of the key trends and stylistic directions in Chinese music from the end of the 20th century to the present day. The work examines the complex process of forming a new musical identity that emerges at the intersection of deep traditions of national culture and global artistic influences. The main focus is on the synthesis of the traditional and the modern, academic avant-garde and new composition techniques, popular music and mass culture, electronic music, and regional and ethnic diversity. The article concludes

that modern Chinese music is a dynamic, poly-stylistic system. Its main feature is the constant dialogue between tradition and innovation, the local and the global, the elite and the mass, which reflects the complex sociocultural transformations of modern China.

Key words: musical culture, modern Chinese music, Chinese composers, trends, styles.

Современная китайская музыка демонстрирует динамичное развитие в нескольких ключевых направлениях, отражающих синтез традиций и инноваций. Музыкальное творчество современных китайских композиторов (условно, со второй половины XX века по настоящее время) — это уникальный синтез, для которого характерны несколько ключевых особенностей.

Синтез Востока и Запада - это самая главная и определяющая черта. Композиторы виртуозно сочетают западный музыкальный язык -современные техники композиции XX-XXI веков (сериализм, алеаторика, сонорика, минимализм), симфонический оркестр, классические формы (симфония, концерт). Китайская философская и эстетическая основа музыкального искусства Китая связана с идеями даосизма (пустота/наполненность, простота), конфуцианства (гармония, порядок), буддизма. Важны концепции "ци" (энергия, дыхание) и "инь-ян".

Китайский музыкальный язык строится на традиционных ладах (например, пентатоника), тембрах китайских инструментов (пипа, эрху, гуцинь, шэн, дизи), цитатах или стилизациях народных мелодий, принципах развития, заимствованных из пекинской оперы или инструментальных традиций [1].

Например, Тань Дунь в "Плаче бумажного змея" использует жесты и тембры, ассоциирующиеся с китайским искусством, но в рамках современного оркестра. Его музыка к фильму "Крадущийся тигр, затаившийся дракон" — блестящий синтез подобного направления. Чэнь Циган в "Стихах династии Тан" для оркестра соединяет масштабные оркестровые полотна с тонкой лирикой, навеянной классической поэзией.

Тембр в китайской музыке выступает как главный носитель смысла, он часто важнее мелодии или гармонии. Композиторы создают сложные звуковые ткани, имитирующие природные явления (ветер, вода, горы) — ключевые элементы китайской пейзажной живописи. Расширенные техники игры активно используются как для западных, так и для китайских инструментов (например, игра за подставкой, щипки струн внутри рояля, нестандартное дыхание для духовых) [5].

Композиторы редко цитируют подлинные народные темы буквально. Вместо этого они создают оригинальную музыку, которая ощущается как аутентично китайская благодаря использованию ладов, тембров и ритмических паттернов. Так, композитор Го Вэньцзин — мастер сложной,

изысканной тембровой палитры. Его пьесы часто звучат как абстрактные звуковые ландшафты с глубокой внутренней логикой.

Для композиторов старшего поколения, переживших Культурную революцию, музыка стала способом осмысления сложного прошлого. Опера Цюй Сяосун "Речные заводи" и симфонии — это масштабные размышления о судьбе, истории и человеческом духе. Музыка Ван Силин часто несёт в себе меланхолию и глубину, отсылая к традиционной культуре, которая была подвергнута испытаниям.

Две главные тенденции — авангардные устремления и обращение к национальным корням — активно взаимодействуют и переплавляются в творчестве современных авторов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что эстетика Новой волны по - прежнему оказывает огромное воздействие на развитие музыки. Современные китайские композиторы продолжают эксперименты по расширению палитры выразительных возможностей музыкального искусства, внедряя в партитуры шумы, природные звуки, микшируя тембры европейских оркестровых и китайских народных инструменто [4].

Молодое поколение композиторов (родившиеся в 70-80-х гг. и позже) выросло в открытом мире и свободно ориентируется в глобальном контексте. Индивидуализм в их произведениях меньше ориентирован на "национальную идентичность" как обязанность. Китайские корни становятся одним из многих источников вдохновения наряду с общечеловеческими темами, поп-культурой, технологиями, активным использованием электроники, интерактивных систем, видео-арта. Музыка Тяньцзин Вэнь (например, "Ветви сливы") сочетает предельно современный язык с хрупкой, почти графической красотой, отсылающей к каллиграфии.

Многие сочинения технически невероятно сложны. Это породило плеяду блестящих исполнителей-виртуозов (как китайских, так и западных), специализирующихся на современной музыке. Сама эстетика звукоизвлечения часто отличается от западной — большая внимание к шумам и призвукам, что идёт от традиционного музицирования.

Современная китайская академическая музыка — это динамичное, многогранное явление. Она прошла путь от необходимости утверждать национальную идентичность в рамках западных форм до свободного диалога на равных с мировым музыкальным процессом, где китайская культурная парадигма стала не экзотическим украшением, а самостоятельным и мощным языком высказывания [3].

Неофольклоризм и китайский музыкальный романтизм - это самое известное на международном уровне направление. Композиторы берут за основу древние философские концепции, народные мелодии и тембры традиционных инструментов, но обрабатывают их с помощью богатой палитры западной романтической и импрессионистской гармонии. Сюда относится творчество Тань Дунь — особенно его ранние работы («Костёр»,

«Слёзы шамана»). Чэнь И, Го Вэньцзин, Чжоу Лун. Характерные черты произвдеений этого направления - яркая изобразительность, использование пентатоники, квази-традиционных ритмов, сонористические эффекты, имитирующие звучание гуциня, пипы или китайских ударных.

Пост-авангард и экспериментализм расцвел в 1980-е гг. — «Новая волна» - поколение, показавшее себя после открытия границ, жадно впитало техники европейского послевоенного авангарда. Это был сознательный разрыв с романтической традицией. Например, творчество Цюй Сяосун, Чэнь Циган (ученик Мессиана), Шэнь Ган, Мо Фань, для которых характерны использование серийной техники, алеаторики, соноризма, расширенных техник игры. Часто это интеллектуальная, структурная музыка, но с постепенным возвратом к тональности и китайскому эстетическому чувству (например, «Пустота» и «Тишина» в трактовке Цюй Сяосуна) [2].

Минимализм и «новая консонантность» - это направление, развивающееся с 1990-х, обращается к повторяющимся паттернам, гипнотическим ритмам и чистой, просветлённой гармонии, часто связано с буддийской или даосской эстетикой простоты и созерцания (Хуан Аньлунь, Ян Цзин, Ли Хуаньчжи).

Стирание границ между академической и популярной музыкой, между китайскими и глобальными жанрами.происходит в произведениях того же Тань Дунь в поздних работах («Музыка воды», «Интернет-симфония»), Лю Сольян — сочетание рока, джаза и китайского фолька, Дунь Даньцзюнь. Характерные черты - цитирование поп-культуры, использование электроники, мультимедийность, соединение рок-состава с симфоническим оркестром, элементы джаза.

Электроакустическая и компьютерная музыка активно развивается в специализированных центрах (например, в Центральной консерватории в Пекине или Шанхайской консерватории). Чжан Сяофу, Цинь Вэньцзюнь, Ян Лицин занимаются созданием электронных композиций или акустической музыки с живой электроникой, где западные и китайские инструменты трансформируются через процессоры.

Современные композиторы, для которых синтез культур — данность, свободно перемещаются между жанрами, работая в области академической музыки, саунд-арта, кино и игр (Тяньцзяо Ин, Хао Вэйя, Вэнь Ло). Для произведений характернығГлобальный музыкальный язык, интерес к актуальным темам (урбанизм, экология, гендер), часто — мультидисциплинарные проекты.

Следует отметить, что даже в самых авангардных работах ощущается китайская философская или эстетическая подоснова (инь-ян, пустота-наполненность, культура каллиграфии). Стилевое направление современных китайских композиторов невозможно свести к одному знаменателю. Это динамичная система, где сосуществуют тональный неофольклоризм, интеллектуальный авангард, медитативный минимализм и смелый

постмодернистский кроссовер. Их объединяет не стиль, а общая миссия: найти уникальный голос для китайской культуры в глобальном современном искусстве.

Современное китайское композиторское творчество активно развивается под руководством Коммунистической партии Китая, следуя принципам социалистической культуры и инновационным путем, сочетающим национальные особенности и дух времени. Китайские композиторы глубоко изучают и извлекают суть традиционной китайской музыки, интегрируя ее с современными композиционными техниками, создавая произведения с уникальными китайскими характеристиками. Актуально применение современных музыкальных техник и концепций, диалог и обмен между китайской и западной музыкой, расширение музыкального языка и форм выражения.

Правительство Китая активно инвестирует в музыкальное образование, создает благоприятные условия для обучения и творчества композиторов, и предоставляет возможности для обмена и демонстрации через различные музыкальные фестивали и конкурсы. Подтверждение этого - активное участие в международных музыкальных мероприятиях, продвижение китайских музыкальных произведений на мировую арену, повышение влияния китайской культуры в мире.

Библиографический список:

1. Ван Гуанци. О новом культурном движении // Исторические изыскания : собр. ст. по китайской музыке Нового и Новейшего времени / под ред. Чжан Цзинвэй. Шанхай: Шанхайская консерватория, 2004. – 439 с.
2. Чжан Сяньлян. Авторское мышление современных китайских композиторов как сочетание элементов традиционной китайской музыки и западной композиторской техники / Чжан Сяньлян // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – 2017. – № 2. – С.118 - 126.
3. Шао Минян, Петрова А. М. Жанр китайской художественной песни и его влияние на развитие современной музыкальной культуры / Шао Минян, Петрова А. М. // Вестник музыкальной науки. – 2024. – Т. 12. – № 2. С. 123–129.
4. Ян Цзиньпэн. Новая волна в китайской музыкальной культуре / Ян Цзиньпэн // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. –2023. – № 3 (86). – С.135 – 146.
5. Янь Цзянань. Национальные особенности музыки китайского композитора Сюй Чанцзюня / Янь Цзянань // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2020. – № 2. – С. 55–63.

УДК 37.016:78
DOI 10.34755/IROK.2026.21.45.040

Чжан Жэньи,
аспирант, Российский государственный
педагогический университет имени А. И. Герцена
Россия, Санкт-Петербург

Zhang Renyi,
Postgraduate student, Russian State Pedagogical
University named after A. I. Herzen
Russia, Saint Petersburg

Фортепиано в музыкальном образовании китайских школьников: путь от церковных до детских музыкальных школ

Piano in music education for chinese schoolchildren: from church to children's music schools

Аннотация. В статье перечислен ряд имен миссионеров из стран Европы и вклад каждого из них для популяризации клавесина и фортепиано в Китае (Италия, Германия, Португалия, Франция). Показана роль церковных школ Китая в формировании модели музыкального образования, включающая обучение игре на фортепиано. Охарактеризован вклад диаспоры русских эмигрантов конца XIX – начала XX вв. в становление начального этапа обучения игре на фортепиано в Китае на основе традиций русского фортепианного искусства. Представлена структура современных музыкальных учебных заведений, в которых китайские школьники осваивают основы игры на фортепиано.
Ключевые слова: миссионеры; клавесин; фортепиано; русская диаспора; церковные школы; детские музыкальные школы
Annotation. The article lists several missionaries from European countries and the contributions each made to the popularization of the harpsichord and piano in China (Italy, Germany, Portugal, France). It also demonstrates the role of Chinese church schools in shaping the model of music education, including piano instruction. It also describes the contribution of the Russian emigrants of the late 19th and early 20th centuries to the development of basic piano instruction in China, drawing on Russian piano traditions. The structure of modern music schools where Chinese students learn the basics of piano is presented.
Key words: missionaries; harpsichord; piano; Russian diaspora; church schools; children's music schools

Введение. В Китае год от года возрастает интерес к обучению игре на фортепиано. Как известно, клавесин, как прообраз фортепиано, был завезен в Китай европейскими миссионерами. Имена некоторых миссионеров из стран Европы не были известны широкому кругу специалистов, и упоминание их вклада в распространение фортепиано в Китае подчеркивает актуальность данной статьи. Теоретическая значимость статьи заключается в выстраивании исторической ретроспективы становления системы музыкального образования с обучением игры на фортепиано – от церковных и женских школ и до детских музыкальных школ и школ искусств.

Цель статьи – выстроить в исторической ретроспективе процесс обучения китайских детей игре на фортепиано в преемственности разных форм организации учебного процесса.

Методы: анализа и обобщения научных источников по проблеме исследования; сравнительно-исторический анализ процесса обучения китайских детей игре на фортепиано; сопоставление и систематизация исторических сведений; периодизация процесса становления организационных форм обучения китайских школьников игре на фортепиано;

Результаты: выстроена краткая историческая ретроспектива становления организационных форм обучения китайских детей игре на фортепиано с момента появления этого инструмента в стране и до современности.

Область применения: материалы статьи имеют практическую значимость для проведения научных исследований по истории становления системы музыкального образования в Китае; для лекционных и практических занятий со студентами средних специальных и высших учебных заведений по истории фортепианного образования в Китае, заданий для самостоятельной работы студентов.

Освоение фортепиано в музыкальной культуре Китая было процессом очень длительным и с неравномерной интенсивностью в разные исторические периоды. На рубеже XVI-XVII вв., в 1601 году, в период правления династии Мин (1368 – 1644 гг.), клавесин (как прообраз фортепиано) был привезен итальянским миссионером Маттео Риччи (1552–1610 гг.) в подарок китайскому императору Шэньцзуну. Император Канси из династии Цин (1644-1912 гг.) был первым, кто научился играть на клавесине [4, с.10; 7]. Для популяризации этого инструмента музыкант сочинил восемь песен со словами и партитурой на китайском языке под названием «Canzone del manicordiodi Europa voltate in lettera cinese» [14, с. 8-15]. На тринадцатом году правления императора Чунчжэнь династии Мин (1640 г.) клавесин все еще числился среди музыкальных инструментов дворца. Император хотел послушать его, и попросил об этом немецкого миссионера Иоганна Адама Шалля фон Белла (1591-1666 гг.). Позднее Шалль фон Белл написал книгу по теории игры на клавишном инструменте [13, с. 2-16]. Впоследствии обязанности

императорского клавесиниста исполнял португальский миссионер Томас Перейра (1645-1708 гг. гг.), который хорошо разбирался в музыке, обучал императора и его ближайшее окружение игре на клавесине и участвовал в дворцовых церемониях. В последующие годы французский миссионер Пфистер Луи (1833–1891 гг.) в труде «Краткая биография и сочинения иезуитов в Китае с 1522 по 1773 годы» обобщил исторические и теоретические сведения, и подробно описал вхождение клавесина в церемониальную культуру китайского императорского двора [9, с. 401-408; 14, . с. 35].

В историю китайской фортепианной школы также вошел известный итальянский пианист Марио Пачи (1878-1946 гг.), который обучался у Джованни Сгамбати (1841-1914 гг.), ученика Ф. Листа. В 1904 году М. Пачи прибыл в Шанхай как педагог по фортепиано. Он полностью унаследовал методы обучения К. Черни и Ф. Листа. В начале XX века М. Пачи обучил большое количество пианистов в Китае, среди которых известны имена Шэнь Яцинь, Юй Бяньминь, Чжу Гунъи, Чжоу Гуанжэнь и Фу Цун. В обучении М. Пачи делал акцент на независимости пальцев и тренировке силы кончиков пальцев, что значительно повлияло на становление техники игры на фортепиано в Китае.

Сложность обучения китайских учеников игре на клавесине (а впоследствии и на фортепиано) была обусловлена целым рядом факторов, важнейшим среди которых исследователи называют различия в музыкально-эстетических концепциях китайской и западноевропейской культур: если для первой характерен линеарный и одноголосный тип изложения и развития музыкального материала, то для второй – полифонический и многоголосный тип изложения и развития музыкального материала. Вероятно поэтому, инструмент долгое время использовался в качестве аккомпанирующего инструмента для обслуживания торжественных императорских церемоний и не имел массового распространения в музыкальной жизни страны. Китайские исследователи отмечают, что уровень владения фортепиано у европейских миссионеров был относительно низким, и они обладали лишь базовым уровнем игры на фортепиано, их методы обучения были очень простыми, обучению не хватало стандартизации и систематического подхода, обучение было поверхностным и ограниченным по объему. Большинство миссионеров обладали лишь базовым уровнем игры на фортепиано и использовали учебные материалы, привезенные из-за рубежа [1; 4, с. 11].

В конце правления династии Цин многовековой государственный уклад подвергся потрясениям, которые были вызваны опиумными войнами в период с 1839 по 1869 гг., движением «Сто дней реформ» в 1889 г., а также настойчивым стремлением западных держав и Японии провести преобразования по своему образцу во всех сферах китайского общества – смена конституционного строя, переход на западные технологии в промышленности и военном деле, выстраивание рыночной экономики и

системы образования. Отразилось это и на способах внедрения теории и практики обучения игре на фортепиано.

В церквях и церковных школах, созданных по всему Китаю, влияние западной музыки не ограничивалось богослужением и пением гимнов. В религиозные праздники проводились специальные концерты, на которых исполнялись музыкальные произведения на фортепиано. Кроме того, некоторые церковные школы поздней династии Цин, такие как школа для девочек Мактайер в Шанхае, предлагали курсы фортепиано [6, с. 28].

Ранние китайские церковные школы в Пекине и Шанхае были одними из первых, кто включил фортепиано в свою учебную программу. По мере того, как в церковных школах распространялась западная музыкальная культура, в них постепенно складывалась модель школьного музыкального образования, в котором фортепиано играло большую роль. В тот исторический период музыкальные занятия, включая обучение игре на фортепиано, предлагались в нескольких церковных школах, таких как: школа Моррисона в Гонконге (основана в 1842 году), государственная школа Сюйхуэй в Шанхае (основана в 1850 году), женская школа Цинсинь в Шанхае (основана в 1861 году), женская школа Мактайер в Шанхае (основана в 1893 году) и женская школа Святой Марии в Шанхае (основана в 1903 году). Это были одни из первых церковных учебных заведений в Китае, предлагавших обучение игре на фортепиано.

В 1904 году «Имперские правила для школ» (называемые также «Положениями о школах»), разработанные коллективом авторов в составе Чжан Байси, Чжан Чжидун и Жун Цин, способствовали внедрению новой системы образования по всей стране, и установили в числе обязательных уроки музыки и пения в начальных и средних школах. В учебники по пению были включены разделы по базовой теории музыки и базовым знаниям игры на органе и фортепиано. Это обеспечило государственную поддержку преподавания игры на фортепиано, сделав его важным компонентом музыкального образования и завоевав признание среди китайского народа. Обучающие курсы игры на фортепиано были предусмотрены в некоторых современных школах, таких как: Нанкинская высшая педагогическая школа Лянцзян, основанная в 1906 году; Тяньцзиньская женская школа Чжунси, основанная в 1909 году; Пекинская музыкальная академия Сишику, основанная в 1910 году; и Пекинская педагогическая школа, основанная в 1912 году.

Педагогами по фортепиано были преимущественно иностранные специалисты и китайские музыканты, вернувшиеся из-за рубежа и активно участвовавшие в разработке и реализации первых программ обучения игре на фортепиано (Ли Шутун, Гао Ляньке). Обучение осуществлялось на основе европейских и американских базовых учебников для начального этапа обучения игре на фортепиано. Школы всех типов активно продвигали обучение игре на фортепиано, а их методы и содержание обучения были

полностью заимствованы с Запада, тем самым сформировав первый опыт преподавания игры на фортепиано. С этого периода обучение игре на фортепиано стало считаться в Китае важной частью музыкального образования [4, с. 11; 5, с.235; 15; 16].

Отдельную главу в историческую летопись становления начального этапа обучения игре на фортепиано в Китае вписала деятельность диаспоры русских эмигрантов в Харбине: Г.Г. Баранова-Попова, выпускница киевской консерватории, открывшая в Харбине в 1918 г. первую музыкальную школу с двумя отделениями – хорового пения и теории музыки и сольфеджио; П.Н. Машин, который в 1921 г. совместно с группой русских эмигрантов-музыкантов – преподавателей музыки Харбинских коммерческих училищ КВЖД (С.М. Тавгиридзе, Ю.К. Плотницкая, Е.П. Дружинина, Р.Г. Карпова, Л.Я. Зандер-Житова,) и при поддержке местной общественности основал музыкальную школу, которая впоследствии стала называться *первой музыкальной школой Харбина*, забрав первенство открытия у школы Г.Г. Барановой-Поповой; скрипач У. Гольдштейн и его жена, пианистка В. Диллон, которые в 1925 г. организовали Высшую музыкальную школу им. А. Глазунова; русская пианистка А. Фокина-Сидорова, открывшая в 1934 г. музыкальную студию [3; 10; 11; 12, с. с. 9].

Вклад диаспоры русских эмигрантов конца XIX – начала XX вв. в становление фортепианной школы трудно переоценить: через свою просветительскую и педагогическую деятельность они знакомили китайскую публику с высокой культурой звука, методикой работы над техникой и художественной выразительностью исполнения, помогала постигать эмоциональные и смысловые грани музыкального образа, расширяла горизонты художественного кругозора, прививала любовь к искусству. На этом этапе начального обучения музыке был заложен фундамент для работы в 1952-1966 гг. советских пианистов с китайской молодежью, но уже в условиях высших музыкальных учебных заведений.

Таким образом, системный подход к обучению игре на фортепиано начал постепенно выстраиваться с конца XIX века, то есть когда владение этим инструментом стало утрачивать свою социально-привилегированную значимость и приобретать массовый характер. Новые возможности этого инструмента раскрылись с распространением нового жанра в китайской музыкальной культуре – это школьные песни, особенно в период «Движения за реформы» (1989 г.). Тогда фортепианная музыка стала важной составной частью на школьных уроках пения, а позднее приобрела статус самостоятельной музыкальной дисциплины. Жанр «школьные песни» разнообразил китайскую музыкальную культуру новыми литературно-поэтическими сюжетами, красивыми мелодическими интонациями, познакомил с жанрами и стилями европейской музыки. Так случилось потому, что школьные песни были призваны восполнить дефицит музыкальных произведений на уроках музыки и праздничных мероприятиях в китайских

школах. «Школьные песни» (или «художественные песни») создавались приглашенными для работы в Китае учителями из стран Европы ввиду дефицита специалистов среди местного населения. Поэтому, как правило, «школьные песни» создавались на европейские мелодии (или их фрагменты) и тексты из зарубежных опер и иных вокальных жанров [8]. Жанр *школьные песни* настолько полюбился китайскому народу, что многие начали заниматься с частными преподавателями фортепиано в свое свободное время, тем самым открыв еще одно направление фортепианного образования в Китае – любительское музицирование. Повсеместное увлечение фортепиано способствовало воспитанию первого поколения китайских пианистов, таких как Чжу Гунъи, Фу Цун и Чжоу Гуанжэнь [5, с. 234].

Для удовлетворения потребностей населения в музыкальном образовании расширяется сеть учебных заведений начального звена, к которым относятся музыкальные школы и школы искусств с музыкальными отделениями [2, с.13]. В дальнейшем детские музыкальные школы, из-за большого количества желающих обучаться, создаются при консерваториях и многопрофильных университетах. Благодаря этому в Китае фортепиано, некогда доступное исключительно членам семьи императора и кругам придворной знати, вошло в дома большого количества обычных людей.

Музыкальное образование детей и молодежи в современном Китае осуществляется в музыкальных школах двух типов. Первый тип – это специализированная музыкальная школа, которая нацеливает обучающихся на профессиональное музыкальное обучение. Второй тип – это средняя детская музыкальная школа, в которой обучение направлено на воспитание всесторонне развитых любителей музыки, продолжительностью семь лет и может быть дополнено средним музыкальным образованием сроком четыре года, При этом выпускники детских музыкальных школ могут поступать в специализированные музыкальные школы, а выпускники специализированных музыкальных школ – в средние музыкальные школы.

В специализированных музыкальных школах учащиеся проживают на территории кампуса. Учащиеся-пианисты в течение одиннадцати лет обучения одновременно изучают фортепиано и программу общего обязательного образования. Эти школы являются филиалами консерваторий и расположены в крупных городах по всей стране, обеспечивая контингент учащихся для консерваторий [5, с.4].

Расширение сети детских музыкальных школ в Китае дало поразительные результаты: китайские пианисты начинают участвовать в международных конкурсах и завоевывают мировое признание, появляются все новые поколения профессиональных китайских пианистов. Среди известных в 50-80-е гг. XX века – имена Чжу Яфэнь, Чжоу Гуанжэнь и Цзинь Ши, Лю Шикунь и Инь Чэнцзун, Конг Сяндун, Сюй Чжун. Среди более поздних поколений – имена Ланг Лан, Ли Юнди, Чэнь Са и Шэнь Вэньюй.

Выполненный ретроспективный анализ становления процесса обучения игре на фортепиано показал, что клавесин (а впоследствии и фортепиано) заинтересовал китайских императоров, и благодаря этому несколько столетий числился среди музыкальных инструментов, участвующих в обслуживании придворных церемоний. С конца XIX века фортепиано включают не только в музыкальное сопровождение богослужений, но и учебный процесс церковных школ. Благодаря этому фортепиано постепенно приобретает статус самостоятельного музыкального инструмента для обучения, и входит как обязательный учебный предмет в содержание школьного музыкального образования. Обучение игре на фортепиано строилось по европейскому образцу.

Новый этап в обучении китайской молодежи игре на фортепиано связан с деятельностью русской диаспоры пианистов-эмигрантов из России, продемонстрировавшей высокую культуру звука русской пианистической школы, органичность техники и художественной выразительности исполнения. Образцом для создания XX веке в Китае сети образовательных учебных заведений, в учебном процессе которых предусмотрено обучение игре на фортепиано, – это учебные заведения начального звена, которым относятся музыкальные школы и школы искусств с музыкальными отделениями, а также специализированные музыкальные школы при китайских консерваториях и школы общего музыкального развития – послужила система дополнительного образования в области музыкального искусства, созданная в СССР и успешно функционирующая в современной России.

Список литературы

1. Ван Аньчао. Историческое исследование раннего китайского фортепианного образования. – Наньнин, Журнал Гуаньсийского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 142-148.

2. Го Хуа. Развитие музыкальной культуры учащегося-музыканта средствами русской фортепианной педагогики конца XIX – начала XX веков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: специальность: 13.00.02. – теория и методика обучения и воспитания: защищена 30.05.2018 / Го Хуа, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет»; научный руководитель Уколова Л.И. – Волгоград, Москва, 2018. – 32 с.

3. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Первая харбинская музыкальная школа [Официальный сайт]. URL: https://www.domrz.ru/map/kharbin/pervaya-kharbinskaya-muzykalnaya-shkola-/ (дата обращения: 09.06.2026).

4. Дуань Сяоцзюнь. Исследование китайских учебников на начальном этапе обучения игре на фортепиано для детей; диссертация на

соискание академической степени магистра образования; специальность: Музыковедение; Хэбейский педагогический университет; научный руководитель: Пэй Цзяньвжй. – Шицзячжуан, 2009. – 58 с.

5. Ке Ган. Предварительное исследование различий между китайским и российским фортепианным образованием // Китайская музыка. – 2010. – № 2. – С. 234–237.

6. Ли Сийин. Исследование развития теории преподавания фортепиано в Китае XX века: диссертация на соискание академической степени доктора; направление исследований: История китайской музыки; специальность: Музыка и танец; Харбинский педагогический университет; научный руководитель: профессор Тао Юбин. – Харбин, 2017. – 255 с.

7. Ли Юе. Историографический очерк развития общего музыкального образования в Китае с древнейших времен до рубежа XIX-XX веков / Вестник Кем ГУКИ. – 2017. – № 40. – С. 215-225.

8. Лэй Цань. Историческая ретроспектива становления и развития жанра школьной песни в Китае // Сборник научных трудов XVIII Международной научно-практической конференции / ред.-сост. Н.И. Верба, научн. редактор Р.Г. Шитикова. – Санкт-Петербург, 2023. – Вып. 18. – С. 174-183

9. Маттео Риччи, Николас Триго. Заметки Маттео Риччи о Китае. – Пекин: Чжунхуа, 1983. – 450 с.

10. Первая музыкальная школа Харбина // Семейные истории: URL: http://www.famhist.ru/famhist/harbin/00084a59.htm (дата обращения: 15.06.2026).

11. Ранний период развития искусства в послереволюционном Харбине // Семейные истории [Официальный сайт]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/ harbin/00095251.htm#0005c9fd.htm (дата обращения: 15.06.2026).

12. Сюй Бо. Феномен фортепианного исполнительства в Китае на рубеже XX-XXI веков: диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения: специальность: 17.00.02 – музыкальное искусство: защищена 21.12.2011 / Сюй Бо. Ростовская государственная консерватория (академия) имени С.В. Рахманинова; научный руководитель Тараева Г.Р. – Ростов-на-Дону, 2011. – 149 с.

13. Ся Е. Краткая история древней китайской музыки. – Шанхай: Шанхайская музыка, 1989. – 165 с.

14. Тао Ябин. Китайско-западные музыкальные обмены в период династий Мин и Цин. – Шанхай: Издательство «Восточно-китайского педагогического университета», 2001. – 135 с.

15. Цай Рен, Тан Инъин. Семьдесят лет исследований китайской теории фортепианного искусства // Китайское музыковедение. – 2019. – № 4. – С. 128–134.

16. Чжоу Вэйминь. История и развитие фортепианного образования в Китае // Китайская музыка. – 2010. – Вып. 2. – С. 144-150.

УДК 37.013.8:336.76

Подрядова М.В.,
Ведущий преподаватель АНО ДПО «Институт современных технологий и финансов "Монтериум"» научный сотрудник, финансовый консультант
г.Москва, Россия

Ключевые проблемы освоения процесса инвестирования в фондовый рынок слушателями образовательных программ финансовой направленности (по опыту АНО ДПО «Институт современных технологий и финансов "Монтериум"»)

Аннотация. В статье рассматриваются три ключевые проблемы, возникающие среди слушателей – взрослого населения РФ – образовательных программ при освоении навыков эффективного инвестирования на российском фондовом рынке. Среди трудностей выделяются завышенные ожидания обучающихся быстрых финансовых результатов, сложность фундаментального анализа инвестиционных активов, страх практического применения полученных знаний на реальных рынках и другие индивидуально обусловленные. На основе педагогического опыта преподавателей АНО ДПО «Институт современных технологий и финансов "Монтериум"» предлагаются практико-ориентированные решения, направленные на преодоление указанных барьеров посредством формирования у обучающихся осознанного отношения к процессу инвестирования, структурирования теоретической и практической информации, поэтапной подготовки, что позволяет совершать в процессе обучения реальные действия на рынке, работать с активами с позиции инвестора и не создает информационного и эмоционального перегруза.

Ключевые слова: инвестиционное образование, фондовый рынок, финансовый интеллект, фундаментальный анализ, практико-ориентированное обучение.

Podryadova M.V.,
Lead Lecturer at the Autonomous Non-Profit Organization of Additional Professional Education «Institute of Modern Technologies and Finance "Monterium"», Research Fellow, Financial Consultant
Moscow, Russia

Key Challenges in Mastering the Investment Process in the Stock Market by Students of Finance-Oriented Educational Programs (Based on the Experience of the Autonomous Non-Profit Organization of Additional Professional Education «Institute of Modern Technologies and Finance "Monterium"»)

Annotation. The article examines three key challenges faced by students – adult learners in the Russian Federation – enrolled in educational programs aimed at developing effective investment skills in the Russian stock market. The identified difficulties include students' excessive expectations of achieving quick financial results, the complexity of fundamental analysis of investment assets, fear of applying acquired knowledge in real market conditions, as well as other individually determined factors. Based on the teaching experience of lecturers at the Autonomous Non-Profit Organization of Additional Professional Education «Institute of Modern Technologies and Finance "Monterium"», the article presents practice-oriented solutions aimed at overcoming these barriers through the development of students' conscious approach to the investment process, the structuring of theoretical and practical information, and step-by-step training. This approach enables learners to perform real market-related activities during the educational process, work with assets from an investor's perspective, and avoid information and emotional overload.

Key words: investment education, stock market, financial intelligence, fundamental analysis, practice-oriented learning.

Повышение финансовой грамотности населения является одной из приоритетных задач государственной политики РФ [4]. В последние годы растёт интерес граждан к инвестированию на российском фондовом рынке и освоению инструментов управления личным капиталом [3]. Однако развитие инвестиционной активности сопровождается распространением обещаний быстрых результатов, «секретных схем» и мгновенной прибыли [1]. Мошеннические проекты, агрессивный маркетинг и поверхностные образовательные продукты формируют искажённое представление об инвестициях как о простом способе обогащения.

При этом качественное инвестиционное образование требует фундаментальной подготовки, освоения большого объёма информации и практики. Разрыв между ожиданиями и реальностью становится одной из причин разочарования и прекращения обучения. Институт «Монтериум» применяет системный подход к преодолению этих барьеров, объединяя работу с экономическими инструментами, психологическими установками и практическими навыками. В статье рассматриваются три ключевые проблемы освоения фондового рынка слушателями образовательных программ и подходы к их решению.

На основании педагогического опыта преподавателей института «Монтериум» выявлены следующие проблемы:

1. Завышенные ожидания быстрых результатов и страх начала обучения.
2. Сложность фундаментального анализа и большой объём новой информации.
3. Страх практического применения знаний.

Рассмотрим каждую из них.

Проблема завышенных ожиданий быстрых результатов формируется ещё до начала изучения инвестиционных инструментов. Современное информационное пространство создаёт представление об инвестициях как о способе быстрого обогащения без специальной подготовки. Рекламные кампании, деятельность отдельных «гуру» и мошеннические проекты, обещающие доходность 100 % годовых и выше, формируют ожидание мгновенного результата без системной работы.

При столкновении с реальным объёмом материала, необходимым для осознанного инвестирования, возникает когнитивный диссонанс. Ожидание лёгкости вступает в противоречие с необходимостью освоения новой терминологии, анализа отчётности компаний и оценки рисков. Многие, оплатив обучение, не приступают к освоению курса, ссылаясь на отсутствие времени, сложные обстоятельства или ощущение «это не для меня». Срабатывает защитный механизм на границе зоны комфорта. Решение проблемы начинается с анализа исторических данных, когда демонстрируется доходность различных классов активов в соотношении с уровнем риска. Формируется понимание, что доходность около 20 % годовых является хорошим результатом, а обещания 100 % годовых – признаком мошенничества. Инвестиции рассматриваются не как способ мгновенного обогащения, а как системный процесс управления капиталом, требующий дисциплины и ответственности. Такой подход переводит слушателя из роли пассивного «покупателя обещаний» в позицию субъекта, отвечающего за собственные финансовые решения.

Вторая проблема связана со сложностью фундаментального анализа и большим объёмом новой информации. Она проявляется при переходе от общей мотивации к конкретным знаниям. Фундаментальный анализ компаний требует работы с бухгалтерской отчётностью, финансовыми мультипликаторами, отраслевыми показателями и макроэкономическими факторами. Слушатель сталкивается с большим количеством новых терминов (EBITDA, P/E, ROE и др.), что часто воспринимается как барьер. На этом этапе часть слушателей прекращает обучение, не переходя к практике.

Один из подходов преподавателей института «Монтериум» заключается в поэтапном структурировании информации – от простого к сложному [2]. Материал разбивается на логические блоки, закрепляемые практическими заданиями. Слушатели получают обратную связь от преподавателей. Ошибки разбираются совместно, без критики, что снижает тревожность и поддерживает вовлечённость в процесс обучения.

Структурирование информации через призму интегральной матрицы (экономика, психология, коммуникация, история и философия) позволяет воспринимать материал как систему взаимосвязанных элементов. Это снижает когнитивную нагрузку и превращает сложный материал в последовательный алгоритм.

Третья проблема – страх практического применения знаний – возникает после освоения теории, когда слушатель сталкивается с необходимостью реальных действий. Анализ компаний, работа с данными и принятие инвестиционных решений вызывают опасения из-за возможных финансовых потерь. Многие остаются на уровне теоретических знаний, не переходя к практике.

Предлагаемое решение включает проведение практических эфиров, в ходе которых преподаватели демонстрируют анализ компаний и подбор активов в портфель. Слушатели наблюдают процесс работы, задают вопросы и получают обратную связь. Это позволяет перейти от абстрактного изучения рынка к взаимодействию с экспертами и практическим применением знаний.

Важным этапом обучения является составление первого инвестиционного портфеля. План формируется с учётом финансовых целей и индивидуального риск-профиля, после чего проходит проверку преподавателями. Полученные замечания устраняются до принятия итогового варианта. Такой подход формирует уверенность в осознанности первых инвестиционных решений, развивает навыки самоконтроля и ответственности.

Таким образом, выявленные проблемы – завышенные ожидания быстрых результатов, сложность фундаментального анализа и страх практического применения знаний – являются основными барьерами формирования инвестиционной культуры населения. Их преодоление требует не только передачи технических знаний, но и работы с психологическими установками и практическими навыками. Методология института «Монтериум», основанная на комплексном подходе, позволяет формировать реалистичные ожидания, снижать сложность освоения инвестиционного анализа и обеспечивать переход к практическим действиям. В результате образовательный процесс выстраивается таким образом, чтобы слушатель переходил от искажённых ожиданий к осознанному и ответственному инвестированию.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является изучение конкретных методик и инструментов, применяемых в образовательной практике АНО ДПО «Институт современных технологий и финансов “Монтериум”» в сфере управления инвестициями.

Библиографический список:

1. В России разоблачили новую финансовую пирамиду // Аргументы и факты. – 2026. – URL: https://aif.ru/money (дата обращения: 28.09.2026).
2. Идрисова С.Ф. Совершенствование образовательных практик формирования инвестиционных компетенций частного инвестора // Сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2026. С. 46-59. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=91998712&selid=91998722 (дата обращения: 28.09.2026).

3. Инвестиции россиян растут рекордными темпами // РБК. – 2026. – URL: https://www.rbc.ru/finances (дата обращения: 28.09.2026).
4. О Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы: распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р (ред. от 18.09.2024) // Правительство России: официальный сайт. – URL: http://government.ru/docs/all/112087/ (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 377:34

Митрахович Олеся Вячеславовна,
преподаватель,
Инженерная школы одежды (колледж)
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Модельные основания формирования мотивации к изучению уголовной ответственности у студентов колледжа

Аннотация: статья посвящена рассмотрению модельных оснований формирования мотивации к изучению уголовной ответственности у студентов колледжа. Представлена авторская педагогическая модель на основе триады «когнитивный интерес – личностный смысл – профессиональная релевантность», включающая целевой, методологический, технологический, критериально-оценочный и результативный блоки. Модель обладает диагностичностью и адаптивностью, может применяться в практике преподавания правовых дисциплин в колледжах.

Ключевые слова: мотивация, уголовная ответственность, студенты колледжа, педагогическая модель, когнитивный интерес, личностный смысл, профессиональная релевантность.

Mitrakhovich Olesya Vyacheslavovna
teacher, Engineering School of Clothing (College) of the St. Petersburg State
University of Industrial Technologies and Design,
St. Petersburg, Russia

Model foundations for fostering motivation to study criminal liability among college students

Annotation: the article is devoted to examining the model foundations for fostering motivation to study criminal liability among college students. An author's pedagogical model is presented, based on the triad "cognitive interest – personal meaning – professional relevance," which includes target, methodological, technological, criterion-assessment, and result blocks. The model is diagnostic and adaptable and can be applied in the practice of teaching legal disciplines in colleges.

Keywords: motivation, criminal liability, college students, pedagogical model, cognitive interest, personal meaning, professional relevance.

В практике среднего профессионального образования (СПО) сложился устойчивый стереотип: правовые дисциплины можно преподавать через заучивание статей. Студент, способный воспроизвести норму Уголовного кодекса, считается подготовленным. Однако реальность свидетельствует об обратном: знание закона еще не гарантирует законопослушного поведения.

Особенно тревожно это выглядит в контексте уголовного права, где возрастной порог ответственности (16 лет, а за отдельные составы – с 14 лет) делает учебную аудиторию одновременно и субъектом правовых отношений.

Парадокс заключается в том, что студент колледжа, достигая возраста привлечения к ответственности, зачастую воспринимает нормы уголовного права как нечто внешнее, отвлеченное, не имеющее к нему прямого отношения. Страх наказания, если и возникает, то оказывается неустойчивым мотивом, не способным сформировать глубокое правосознание. Восполнить этот разрыв призвана педагогическая модель, которая переводит изучение уголовной ответственности из плоскости формального информирования в плоскость личностного принятия.

Прежде чем говорить о модели, важно понять природу того феномена, который мы намерены формировать. Мотивация в психолого-педагогическом измерении не является линейным процессом. Она проявляется одновременно в нескольких ипостасях: как внутреннее состояние, активизирующее человека; как последовательная смена этапов, ведущих к цели; как конкретные действия, в которых это состояние реализуется; и, наконец, как система, придающая устойчивость поведению при изменении внешних обстоятельств.

Это означает, что педагогическая работа с мотивацией не может ограничиваться разовыми акциями – интересной лекцией или ярким примером. Она требует системного воздействия, охватывающего все уровни: от когнитивного осмысления до поведенческих паттернов. Особенно это важно при изучении уголовной ответственности, где студент должен не просто запомнить санкции статей, но и внутренне согласиться с их справедливостью, увидеть в них защиту своих прав и интересов, а также осознать, как это знание соотносится с его будущей профессией.

В педагогической науке модель понимается не как упрощенная копия объекта, а как идеальная конструкция, отражающая его сущностные характеристики: В.И. Загвязинский [1, с. 43-44], А.М. Новиков [2], Е.А.Сахарчук [3, с. 157], В.А. Штофф [4, с. 19] и др. Это своего рода чертеж, который позволяет увидеть внутренние связи педагогического процесса и управлять им. В гуманитарных дисциплинах, к которым относится и методика преподавания права, используются преимущественно символические модели – вербальные или графические.

Разработанная нами модель формирования мотивации к изучению уголовной ответственности обладает следующими характеристиками:

– *динамичность* – она воспроизводит не статичное состояние, а процесс развития мотивации от эпизодического интереса к устойчивому побуждению;

– *стохастически-детерминистский характер* – она задает обязательную последовательность педагогических действий, но допускает вариативность индивидуальных траекторий студентов;

– *дискретность* – предусматривает выделение качественно различных уровней сформированности мотивации, что позволяет диагностировать динамику;

– *символическая форма* – представлена в единстве понятийного описания и структурной схемы.

Модель выполняет четыре ключевые функции: описательную (фиксацию структуры процесса), объяснительную (раскрытие механизмов мотивации), прогностическую (предвидение вероятных исходов) и нормативно-проективную (задание образца педагогической деятельности).

Центральной идеей модели является триада, пронизывающая все ее компоненты: когнитивный интерес – личностный смысл – профессиональная релевантность. Это не просто три разных аспекта мотивации, а три последовательных этапа ее углубления, каждый из которых опирается на предыдущий и подготавливает следующий.

Когнитивный интерес представляет собой глубинное, устойчивое стремление студента к постижению сущности уголовно-правовых норм и механизмов их применения. Он возникает тогда, когда абстрактная норма права начинает «работать» на конкретном материале – в кейсах, дискуссиях, разборе реальных ситуаций. Без такого интереса изучение права превращается в механическое запоминание.

Личностный смысл формируется тогда, когда студент проецирует правовые нормы на свою систему ценностей. Уголовная ответственность перестает быть чем-то внешним и начинает восприниматься как защита его жизни, здоровья, свободы и достоинства. Особое значение здесь имеет акцент на гуманистической природе уголовного права – статьях об освобождении от ответственности, учете условий жизни и воспитания, психического развития несовершеннолетних.

Профессиональная релевантность связывает изучаемый материал с будущей трудовой деятельностью студента. Независимо от профиля колледжа, знание границ правомерного поведения становится частью профессиональной компетенции. Моделируя ситуации будущей профессиональной среды, преподаватель показывает студенту, что уголовное право – это не абстракция, а инструмент, который будет сопровождать его на протяжении всей карьеры.

Только симультанное развитие всех трех компонентов позволяет осуществить переход от внешнего принуждения к внутренней устойчивой мотивации.

Сама модель представляет собой целостную систему, состоящую из пяти взаимосвязанных блоков: целевого, методологического, технологического, критериально-оценочного и результативного. Их взаимодействие подчинено единой логике, задаваемой триадой.

Целевой блок задает генеральную цель – формирование устойчивой мотивации к изучению уголовной ответственности – и конкретизирует ее

через задачи, охватывающие четыре сферы: мотивационно-ценностную (развитие познавательного интереса и ценностного отношения к праву), когнитивную (овладение системой знаний), деятельностно-практическую (формирование профессионально-ориентированных умений и включение в квазипрофессиональную деятельность) и оценочно-рефлексивную (развитие самооценки и рефлексии). Данный блок выполняет направляющую, интегрирующую, мотивационную и регулятивную функции.

Методологический блок представляет собой научно-теоретический фундамент модели и выстроен как трехуровневая иерархия. Так, *философский уровень* составляют принципы диалектики: всеобщей связи (взаимозависимость блоков), развития (сопоставление входной и итоговой диагностики), противоречия (разрешение конфликта между внешней и внутренней мотивацией через задачи с моральной дилеммой), перехода количества в качество (накопление решенных задач ведет к смене уровня мотивации), детерминизма (причинно-следственные связи между педагогическими действиями и изменениями) и историзма (последовательность модулей от запретительных норм к освобождению от ответственности).

Общенаучный уровень интегрирует системный, личностно-деятельностный, контекстный и аксиологический подходы, каждый из которых вносит свой вклад: системный обеспечивает целостность, личностно-деятельностный утверждает активную субъектную позицию студента, контекстный наполняет содержание личностным и профессиональным смыслом, аксиологический задает ценностную рамку, представляя уголовную ответственность как защиту фундаментальных ценностей.

Конкретно-педагогический уровень включает принципы организации образовательного процесса, сгруппированные по трем направлениям: принципы профессионального контекста (профессиональная направленность, связь теории с практикой), принципы активизации познания (сознательность, доступность, проблемность) и принципы личностного принятия (опора на внутреннюю мотивацию, субъектность, рефлексия).

Технологический блок является исполнительным компонентом модели. Его содержательная часть представлена программой, реализуемой в рамках учебной дисциплины «Правовое обеспечение профессиональной деятельности» и включающей три модуля: модуль формирования когнитивного интереса (базовые знания о структуре УК РФ, возрастных порогах, конкретных составах преступлений через проблемные ситуации из повседневной жизни), модуль формирования личностного смысла (акцент на гуманистической природе права и возрастном пороге ответственности) и модуль формирования профессиональной релевантности (моделирование ситуаций будущей профессиональной деятельности).

Процессуальная часть включает диагностический этап (изучение исходного уровня мотивации) и организационный этап, на котором

реализуется программа с использованием активных методов: кейс-метода, эвристической беседы, мозгового штурма, дискуссий, инсценировок, проектов, эссе. Педагогические средства варьируются от нормативно-правовых документов и учебных пособий до материалов СМИ, фото- и видеоматериалов, сценариев деловых игр. Организационные формы охватывают лекции, семинары, практические занятия, деловые и ролевые игры, встречи с представителями комиссии по делам несовершеннолетних.

Критериально-оценочный блок обеспечивает диагностическое сопровождение. В соответствии с триадой выделены три критерия:

– когнитивный – отражает познавательный интерес, проявляющийся в стремлении к постижению норм и правоприменительных механизмов;

– эмоциональный – фиксирует личностный смысл, ценностное отношение и эмоциональный отклик;

– поведенческий – отражает профессиональную релевантность, готовность действовать в соответствии с законом.

Блок выполняет нормативную, диагностическую, разграничительную и интегративную функции.

Результативный блок является заключительным. Он фиксирует не только достигнутый уровень сформированности мотивации, но и динамику ее развития – равномерную, скачкообразную или стагнационную. Это позволяет своевременно корректировать педагогические воздействия. Блок выполняет диагностическую, рефлексивную, корректирующую, прогностическую и управленческую функции.

Главное отличие представленной модели от простого перечня педагогических рекомендаций заключается в системном характере связей между блоками. Целевой блок задает вектор, который технологический блок реализует через содержание и методы. Методологический блок определяет нормативные рамки. Критериально-оценочный блок разрабатывает инструментарий, опираясь на задачи целевого блока и принципы методологического. Технологический блок предоставляет материал для оценки, а результативный блок применяет диагностические процедуры и при необходимости инициирует коррекцию во всех остальных блоках.

В итоге замыкается управленческий цикл: цель → реализация → оценка → коррекция. Модель превращается из статичной схемы в саморегулируемый педагогический механизм, способный адаптироваться к индивидуальным особенностям студентов и изменяющимся условиям образовательной среды.

Таким образом, разработанная модель формирования мотивации к изучению уголовной ответственности у студентов колледжа представляет собой целостную, научно обоснованную систему, объединенную концептуальной триадой «когнитивный интерес – личностный смысл – профессиональная релевантность». Ее ключевое преимущество заключается в том, что она позволяет преодолеть разрыв между формальным изучением

уголовно-правовых норм и их осознанным принятием, переводя студента от внешнего принуждения к внутренней устойчивой мотивации.

Модель обладает диагностичностью, реалистичностью и адаптивностью, что обеспечивает ее практическую применимость в образовательном процессе колледжей различных профилей. Наличие прямых и обратных связей между блоками гарантирует управляемость и прогнозируемость педагогических результатов, а опора на триаду обеспечивает содержательное единство всех уровней модели.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная модель может быть использована преподавателями правовых дисциплин для перестройки образовательного процесса, а также служить основой для разработки методических рекомендаций по формированию правосознания студентов в системе среднего профессионального образования. В конечном счете, речь идет не просто о повышении успеваемости, а о формировании гражданина, способного к осознанному законопослушному поведению.

Библиографический список:

1. Загвязинский В.И., Закирова А.Ф. Педагогический словарь. – М.: Академия, 2008. – 352 с.

2. Новиков А.М. Методология образования. – М.: Эгвес, 2006. – 488 с.

3. Сахарчук Е.А. Моделирование как метод педагогического исследования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 155–159.

4. Штофф В.А. Моделирование и философия. – М.: Наука, 1966. – 302 с.

УДК 378.046.4
DOI 10.34755/IROK.2026.97.99.031

Симонова М.Н., аспирант кафедры педагогики
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Россия, Белгород

Управление образовательными системами в эпоху цифровой трансформации: вызовы, стратегии и перспективы корпоративного образования

Management of educational systems in the era of digital transformation: challenges, strategies and prospects of corporate education

Аннотация. Статья посвящена управлению корпоративным образованием в условиях цифровой трансформации. Корпоративное обучение превращается в стратегический актив непрерывного обучения. Рассматриваются эволюция моделей корпоративных университетов, управленческие вызовы, стратегии интеграции обучения с бизнес-целями и преодоление разрывов в навыках. Особое внимание уделено технологическим трендам: искусственному интеллекту, нейросетям, микрообучению, адаптивному обучению и цифровым корпоративным образовательным платформам. Эффективное управление такой системой требует единства стратегического целеполагания, технологической инфраструктуры и педагогического дизайна, а также индивидуализации обучения и гибридных форматов.

Ключевые слова. Корпоративное образование, корпоративный университет, развитие персонала, цифровизация обучения, нейросети.

Annotation. The article examines the management of corporate education in the context of digital transformation. Corporate learning is turning into a strategic asset of continuous learning. It considers the evolution of corporate university models, management challenges, strategies for integrating learning with business goals, and overcoming skill gaps. Special attention is paid to technological trends: artificial intelligence, neural networks, microlearning, adaptive learning, and digital corporate educational platforms. Effective management of such a system requires the unity of strategic goal-setting, technological infrastructure, and pedagogical design, as well as individualization of learning and hybrid formats.
Key words. Corporate education, corporate university, staff development, digitalization of training, neural networks.

Повышение динамичности рыночных процессов и стремительное обновление профессиональных стандартов требуют от организаций внедрения систем перманентного повышения квалификации. Именно способность к непрерывному развитию персонала выступает основным фактором, обеспечивающим лидерские позиции, при этом человеческий капитал приобретает статус главного источника долгосрочных конкурентных преимуществ [6]. Современная экономика кардинально изменила роль корпоративного образования: из вспомогательной функции оно трансформировалось в стратегический актив, напрямую влияющий на конкурентоспособность и устойчивость компании.

Управление образовательными системами в корпоративной среде представляет собой сложную, многогранную задачу, требующую интеграции принципов педагогического дизайна, стратегического менеджмента и операционного управления. Актуальность темы обусловлена необходимостью быстрого реагирования на вызовы цифровой трансформации, преодоления масштабных пробелов в навыках сотрудников и обеспечения измеримой отдачи от инвестиций в обучение. В условиях, когда корпоративные университеты демонстрируют не только количественный, но и качественный рост, усиливая своё влияние на развитие компаний, вопросы эффективного управления этой специфической образовательной системой выходят на первый план [6]. Эволюция корпоративного образования привела к переходу от классических иерархических моделей управления к гибким, сетевым и технологически насыщенным образовательным системам [3]. Если ранее корпоративный университет представлял собой внутренний тренинг-центр с фиксированной программой, то сегодня он становится платформой для непрерывного обучения и развития, центром компетенций и катализатором организационных изменений внутри компании. Как показывают данные исследования «Корпоративные университеты России» (Катькало В.А., Шумкова Н.В., 2023), наблюдается значительный качественный рост корпоративных университетов, проявляющийся в усилении их влияния на развитие компаний и активном внедрении технологий искусственного интеллекта. Этот переход требует от руководителей образовательных систем пересмотра управленческих парадигм. Уходит в прошлое модель, при которой руководство и департамент развития и обучения персонала единолично определяли, когда и что должны изучать сотрудники. На смену ей приходит децентрализованная и демократизированная модель, в которой каждый сотрудник может играть роль в идентификации ключевых учебных потребностей и создании учебного контента. Это делает обучение более релевантным и значительно ускоряет его разработку, позволяя субъектным экспертам делиться институциональными знаниями и снижая риски их утери. Как отмечает В. Ш. Каганов, «корпоративное обучение принципиально отличаются от индивидуального и ведомственного профессионального обучения. Эти отличия касаются как целей, методов реализации и круга субъектов обучения, структуры их интересов, так и методов оценки результатов обучения, и способов

дальнейшего их использования» [4]. При этом одной из центральных управленческих задач становится преодоление разрывов в навыках. Центральной управленческой задачей современного корпоративного обучения является преодоление разрывов в навыках. Исследования фиксируют снижение уверенности руководителей в долгосрочных перспективах компаний вследствие исчерпания экстенсивных моделей роста и необходимости перехода к качественному развитию персонала. Кадровая стратегия трансформируется: приоритет смещается с поиска новых сотрудников (с 42% до 13%) на удержание и развитие действующих специалистов (60%) [1]. Ключевая педагогическая проблема заключается в противоречии между потребностью бизнеса в качественном развитии персонала и несформированностью у руководителей компетенций, необходимых для управления этим процессом.

Разрешение выявленного противоречия требует пересмотра педагогических подходов к управлению корпоративными образовательными системами. Как отмечает М.В. Кларин, в понимании внутрикорпоративного образования превалирует так называемый «управленческий» подход над «учебным»: «корпоративное образование осмысливается, планируется и организуется как составная часть процесса управления организацией, её человеческими ресурсами» [5]. Это означает, что система корпоративного обучения не может развиваться изолированно, она соподчиняется целям более сложных систем, таких как управление персоналом и стратегическое развитие компании в целом. В этой связи особую значимость приобретает категория «образовательного заказа», который формируется менеджментом предприятия в соответствии со стратегическими целями корпорации. Именно в точке образовательного заказа осуществляется синтез планируемых экономических показателей и решений, влияющих на всю систему управления персоналом. Данный подход согласуется с позицией В.Ш. Каганова, который рассматривает корпоративное обучение как самостоятельную сферу общественных отношений, инициируемую и реализуемую предпринимательской структурой в целях достижения своих профильных интересов [4].

Цифровая трансформация корпоративных образовательных систем предъявляет новые требования к управленческим механизмам. Как показывают исследования Е.Д. Козловой, цифровые корпоративные образовательные платформы (ЦКОП) приобретают стратегическую значимость как ресурс развития человеческого капитала, что обосновывает необходимость их интеграции в систему управления знаниями компании [7]. При этом платформа перестаёт быть исключительно технологическим решением и приобретает признаки института, с закреплённой логикой взаимодействия, ролевой структурой и механизмами обратной связи. Организационная модель управления ЦКОП в зрелых компаниях включает три взаимосвязанных уровня: стратегический (задаёт вектор развития платформы как части корпоративной системы управления человеческим капиталом), управленческий (обеспечивает реализацию образовательной стратегии) и технологический (современные системы реализации обучения) [7].

Перспективным направлением развития является внедрение предиктивной аналитики и искусственного интеллекта в цифровые платформы, позволяющее прогнозировать потребности в обучении, предлагать релевантный контент и выявлять потенциальные пробелы в компетенциях до того, как они скажутся на результатах деятельности. Как отмечают исследователи, мотивация обучающихся во многом зависит от релевантности контента и наличия возможностей для практического применения [7]. В условиях корпоративного обучения это реализуется через включение в программы кейсов, связанных с текущими задачами компании. Р.А. Дубовицкий в своём исследовании тенденций корпоративного образования отмечает, что современные тренды предполагают обязательное стратегическое планирование деятельности, активность в качестве локомотива изменений в корпорации и внедрение практического обучения [2]. При этом дистанционные формы обучения превалируют в корпоративной образовательной системе сейчас и будут основными для неё в будущем, однако требуется обязательная проверка новых методов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на соответствие основным приёмам дидактики. Особое внимание уделяется использованию искусственного интеллекта в управлении дистанционными обучающими программами [2].

Таким образом, эффективное управление корпоративной образовательной системой в условиях цифровой трансформации требует интеграции трёх ключевых элементов: стратегического целеполагания (образовательный заказ), технологической инфраструктуры (цифровые платформы, нейросети, информационно-коммуникационные технологии на базе искусственного интеллекта) и педагогического дизайна (адаптация методов обучения к новым форматам). Разрешение выявленного противоречия между потребностью в качественном развитии персонала и ограниченностью ресурсов лежит в плоскости индивидуализации обучения на основе данных, внедрения гибридных форматов и активного использования искусственного интеллекта для адаптации образовательного процесса под индивидуальные потребности каждого сотрудника.

Библиографический список:

1. Беспалова, Т. От роста к развитию: 4 тренда корпоративного обучения 2025-2026 [Электронный ресурс] / Т. Беспалова // Школа управления СКОЛКОВО. – 11.11.2025. – URL: https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/ot-rosta-k-razvitiyu-4-trenda-korporativnogo-obucheniya-2025-2026/ (дата обращения: 07.09.2026).
2. Дубовицкий, Р.А. Анализ тенденций и определение эффективных форм и методов корпоративного образования в России / Р.А. Дубовицкий // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. — 2025. — № 2. — С. 111–116. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-tendentsiy-i-opredelenie-effektivnyh-

form-i-metodov-korporativnogo-obrazovaniya-v-rossii (дата обращения: 05.09.2026).
3. Ирхина, И. В. Анализ современных моделей дополнительного профессионального образования научно-педагогических кадров в университетах / И. В. Ирхина, Кравец А.О. // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, No 3– С. 496–508. – URL: https://jpl-journal.ru/index.php/journal/article/view/180 (дата обращения: 07.09.2026).
4. Каганов, В.Ш. Корпоративное обучение как фактор обеспечения конкурентоспособности российских предпринимательских структур : дис. … д-ра экон. наук : 08.00.05 / Каганов Вениамин Шаевич. – Москва, 2012. – 386 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/korporativnoe-obuchenie-kak-faktor-obespecheniya-konkurentosposobnosti-rossiiskikh-predprini (дата обращения: 05.09.2026).
5. Кларин, М. В. Корпоративный тренинг, наставничество, коучинг : учебник для вузов / М. В. Кларин. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 288 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-02811-9.
6. Катькало, В. С. Корпоративные университеты России - 2025 / В. С. Катькало, Н. В. Шумкова, Ю. Б. Ужакина, Н. Н. Шишлакова ; под общ. ред. В. С. Катькало, Н. В. Шумковой. — Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025. — 48 с.
7. Козлова, Е.Д. Анализ процессов управления цифровыми корпоративными образовательными платформами / Е.Д. Козлова // Управленческое консультирование. — 2025. — № 6. — С. 72–85. – URL: https://www.acjournal.ru/jour/article/view/2866?locale=ru_RU (дата обращения: 02.09.2026).

УДК 37.01

Чжан Хайянь,
кафедра теории и практики иностранных языков, Институт иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат педагогических наук,
Научный руководитель:Казак Евгения Анатольевна,
Кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Отдел Языкознания Института информации по общественным наукам Российской академии наук.
Россия, Москва,
Zhang Haiyan,
Associate Doctor of Education
Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.
Scientific supervisor:Kazak Evgeniya Anatolievna,
PhD of linguistics,Senior researcher,
Department of Linguistics at the Institute of Information for Social Sciences of
Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow,

Digitalized translation teaching model in Plato’s philosophical ideas

Цифровая модель обучения переводу в контексте философских идей Платона

Аннотация

Цель. В эпоху информационных технологий мы чрезмерно доверяем результатам машинного перевода, что приводит к получению лишь феноменов перевода, а не самих идей перевода. Настоящее исследование направлено на философский анализ цифровой модели обучения переводу с опорой на философские идеи Платона с целью выявления её внутренней идеальной структуры.

Методы. В качестве методологической основы данного исследования выступают философские идеи Платона, применяемые в сочетании с теорией идей и диалектикой.

Результаты. Цифровая модель обучения переводу в контексте философских идей Платона направлена на то, чтобы привести студентов к

переходу от феноменов перевода к идеям перевода, что конкретно проявляется в следующих двух аспектах: во-первых, обеспечение перехода и восхождения студентов от мнения о переводе к знанию о переводе; во-вторых, содействие преодолению студентами языковой видимости в направлении культурных идей.

Заключение. На основе системного анализа цифровой модели обучения переводу в контексте философских идей Платона мы приходим к выводу, что её целью является достижение глубокой интеграции цифровых технологий и идей перевода, а также воспитание студентов как специалистов в области перевода, обладающих рациональной проницательностью и способностью постигать идеи.

Ключевые слова:теория идей Платона, цифровизация, модель обучения переводу, философский анализ, философские идеи

Abstract

Objective. In the era of information technology, we excessively trust machine translation results, which leads us to obtain only the phenomena of translation rather than the ideas of translation itself. This study aims to analyze the digitalized translation teaching model from the perspective of Plato's philosophical ideas, revealing its inherent ideal structure at the philosophical level.

Methods. Guided by Plato's philosophical ideas, this study employs a combination of the theory of ideas and dialectics as its methodology.

Results. The digitalized translation teaching model within Plato's philosophical ideas is committed to guiding students to achieve the transformation from translation phenomena to translation ideas, specifically manifested in the following two aspects: first, to realize students' turn and elevation from translation opinion to translation knowledge; second, to promote students' transcendence from linguistic appearances to cultural ideas.

Conclusion. Through a systematic analysis of the digitalized translation teaching model within Plato's philosophical ideas, we conclude that its purpose is to achieve a deep integration of digital technology and translation ideas, cultivating students into translation talents with rational insight and the capacity to grasp ideas.

Keywords: Plato's theory of ideas, digitalization, translation teaching model, philosophical analysis, philosophical ideas

Introduction

The ancient Greek philosopher Plato proposed the "Theory of Forms," positing the existence of an eternal, immutable realm of Forms beyond the perceptible world, and asserting that truth lies in the apprehension of these Forms [1, p. 263–388]. In the era of information technology, digital tools and technologies have profoundly influenced models of translation pedagogy [2, p. 247–251]. However, an over-reliance on machine translation results often leads to a focus on the mere phenomena of translation rather than the idea (or Form) of translation itself. In this age of digitally assisted translation, how can we gain a profound

understanding of the very idea of translation? Drawing upon Platonic philosophy, a digital translation pedagogy model can be conceptualized as a process of sublimation—guided by the "realm of Forms" and empowered by digital tools and technologies—that moves from the phenomenal world to the realm of Forms. In his Theory of Forms, Plato maintained that the realm of Forms constitutes a real, eternal, and perfect existence, whereas the phenomenal world is merely a shadow of that realm [3]. Consequently, a digital translation pedagogy model grounded in Platonic philosophy aims to utilize digital tools to help students transcend linguistic surfaces and achieve a deep understanding of the essence and significance of translation. This study seeks to provide a philosophical analysis of such a digital translation pedagogy model.

Methods

This study adopts Platonic philosophical concepts as the methodological framework for reconstructing the model of digital translation teaching, taking the Theory of Forms and dialectics as its logical starting points. Grounded in the Theory of Forms, the study guides students to look beyond the phenomena of translation and grasp its essence; drawing on dialectics, it employs questioning, dialogue, and reflection to facilitate the students' progression from the phenomena of translation to the concept of translation.

Results

Guided by the methodology derived from Platonic philosophical concepts, the digital translation teaching model based on Platonic philosophy aims to cultivate translation professionals who are not only skilled in translation techniques but also possess rational insight and a profound grasp of translation concepts. This model facilitates a shift in students' focus from translation phenomena to translation concepts and embodies the rational value of the students, specifically manifesting in the following two aspects:

Firstly, this approach facilitates a shift and elevation in students' understanding, moving from mere "translation opinions" to actual "translation knowledge." A primary outcome of a digital translation teaching model grounded in Platonic philosophy is a philosophical transformation in the students' state of awareness: they evolve from "holders of translation opinions" into "seekers of translation knowledge" [4, p.1–192]. In conventional digital translation teaching models dominated by tools and technology, students often act merely as passive recipients of translation outputs or mechanical operators of computers [5, p.136–140], acquiring only superficial knowledge of translation. In contrast, within a model informed by Platonic philosophy, students—guided by dialectics—no longer simply accept machine translation results; instead, they actively contemplate the essence of translation and the qualities that constitute a superior translation. This pursuit of knowledge signifies a realization that they are not merely users of translation tools, but seekers of translation truth and explorers of the realm of translation ideals. Such a model emphasizes rational reflection during the translation process; by guiding students to analyze the cultural connotations and meanings underlying the source

text, it helps them recognize that translation is not merely a linguistic conversion but an exploration of the essence of the realm of ideals. For instance, the use of AI translation platforms, corpora, and virtual reality technology provides students with rich linguistic resources and cultural contexts, enabling them to move beyond the surface-level language of the phenomenal world and progressively approach the essence of the realm of ideals. This serves as a vivid illustration of Platonic philosophical principles applied in the practice of digital translation education.

Secondly, it fosters a shift in students that transcends mere linguistic surface forms to reach the level of cultural concepts. The Platonic model emphasizes the conceptual and truthful nature of translation, resulting in an enhancement of students' rational cognitive abilities. Translation is not merely a linguistic conversion but an activity that bridges cultures and engages with cultural concepts; it focuses on students' rational experiences and the state of their souls, while cultivating their dialectical skills and awareness of cultural concepts. For instance, teachers can utilize digital tools to guide students in analyzing the cultural background and significance underlying a text; simultaneously, through discussions grounded in the theory of forms, they can help students realize that translation is not just a transfer of language but a re-creation of cultural meaning. This pedagogical approach not only improves students' translation skills but also cultivates their sensitivity to the phenomenon of translation, enhances their critical thinking, and sharpens their rational judgment as active agents in the translation process—thereby better equipping them to meet the demands of the digital age.

Conclusion

Through a systematic analysis of the digital translation teaching model grounded in Platonic philosophy, we conclude that the trajectory of this model lies in achieving a deep integration of digital technology and the concept of translation. First, digital technology and students' rational understanding exist in a state of dialectical unity at the philosophical level; digital technology facilitates the "turning of the soul" and the grasping of Ideas. Within the framework of Platonic philosophy, this digital translation teaching model perfectly combines technology with philosophical concepts, charting a course for cultivating rational translators capable of meeting the demands of the digital age. Second, the ultimate philosophical aim of this model is to cultivate individuals who can "grasp the Idea" [6, p. 263–388]. Digital translation teaching based on Platonic philosophy is dedicated to enhancing students' rational insight and dialectical abilities, emphasizing the pursuit of the realm of Ideas and the essence of knowledge. Platonic theory posits that the material world is imperfect, whereas the true world consists of eternal, unchanging Ideas or Forms [7, p. 690]. In modern educational technology, this concept is reflected in the pursuit of ideal models for knowledge and truth; For instance, educational technology tools and platforms often strive to create optimal learning environments and curricula that help students approach the core concepts of a discipline. Under this model, digital tools and technologies should serve the purpose of helping students grasp the concept of translation, rather than allowing them to become

preoccupied with mere translational phenomena. These tools and technologies act as a bridge, enabling students to better comprehend the essence of translation, elevate their rational understanding, and continuously strengthen their capacity for rational thought.

References

1. Plato. The Republic. - 1st ed. — Beijing: The Commercial Press, 1986. — 263–388 p.

2.Zhang, H. A philosophical analysis of digital translation teaching models from the perspective of humanistic philosophy / H. Zhang //, 17 марта 2026 года, 2026. – P. 247-251.

3.Plato. Collected Works of Plato. - 1st ed. — Changchun: Shidai Literature and Art Publishing House, 2011. — 1–423 p.

4.Kiraly D. A Social Constructivist Approach to Translator Education: Empowerment from Theory to Practice. - 1st ed. — London: Routledge, 2014. — 1–192 p.

5.Shen Lianyun. The Absence of Translator Subjectivity in Chinese Translation Teaching / Lianyun Shen // Journal of Sichuan International Studies University. – 2006. – № 1.– P.136–140.

6.Plato. The Republic. - 1st ed. — Beijing: The Commercial Press, 1986. — 263–388 p.

7.Yan Yi. On Plato's 'Idea of Goodness' and Its Practical Significance—Based on The Republic / Yi Yan // Advances in Social Sciences. – 2024. – № 13. – P.690.

Юридические науки

УДК 342.61

Филимонова Оксана Сергеевна,
Магистрант группы Ю2-4000117-1з
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Россия, Краснодар

Oxana Sergeevna Filimonova,
Master's student, group Yu2-4000117-1z
Kuban State University (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education)
Russia, Krasnodar

Разграничение полномочий Президента и Правительства Российской Федерации в механизме стратегического планирования: конституционно-правовые аспекты

The delimitation of powers between the President and the Government of the Russian Federation in the mechanism of strategic planning: constitutional and legal aspects

Аннотация: В работе исследуется конституционно-правовое разграничение полномочий Президента и Правительства РФ в механизме стратегического планирования с учётом реформы 2020 года и Указа № 309 от 07 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Анализируются конституционные основы распределения компетенций, место стратегических указов в системе документов, а также функциональные коллизии, возникающие вследствие параллельной работы координационных механизмов Администрации Президента и Аппарата Правительства. На основе проведенного анализа предлагаются пути совершенствования законодательного регулирования и организационных механизмов, способствующие повышению эффективности достижения национальных целей развития на всех уровнях публичной власти.

Ключевые слова: стратегическое планирование; разграничение полномочий; Президент РФ; Правительство РФ; конституционная реформа 2020; национальные цели развития; Указ № 309; национальные проекты; единая система публичной власти; Государственный Совет РФ.

Abstract: The paper investigates the constitutional-legal delineation of powers between the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation in the strategic planning mechanism, with due regard to the 2020 reform and Decree No. 309 of 7 May 2024 on national development goals. The study

analyses the constitutional foundations for the distribution of competencies, the role of strategic decrees in the system of regulatory documents, as well as functional conflicts emerging from the concurrent operation of coordination mechanisms of the Presidential Administration and the Government's Office. The findings of the analysis underpin the proposed measures to enhance legislative regulation and organisational mechanisms, which are aimed at improving the effectiveness of achieving national development goals across all levels of public authority.

Keywords: strategic planning; delineation of powers; President of the Russian Federation; Government of the Russian Federation; 2020 constitutional reform; national development goals; Decree No. 309; national projects; unified system of public authority; State Council of the Russian Federation.

Актуальность исследования разграничения полномочий между Президентом и Правительством Российской Федерации в механизме стратегического планирования и его реализации обусловлена конституционной реформой 2020 года, которая усилила руководство Президента Российской Федерации Правительством Российской Федерации, и закрепила принцип единства системы публичной власти. В результате прежние представления о распределении компетенции между высшими органами власти, прежде всего в части определения стратегических целей, нуждаются в пересмотре. Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поднял стратегическое планирование на новый уровень и задал долгосрочные ориентиры государственного управления. Вместе с тем законодательство не раскрывает в полной мере, каким образом указы Президента РФ превращаются в программные и бюджетные решения Правительства РФ. Значимость вопроса возрастает на региональном уровне: от того, как выстроено взаимодействие федеральных и региональных механизмов координации, напрямую зависит достижение целевых показателей национальных проектов. Различные стороны проблемы рассматривали С. А. Авакьян, М. В. Баглай, Н. В. Витрук, О. Е. Кутафин, Ю. А. Тихомиров, Л. Л. Попов, Ю. Н. Старилов и Н. Ю. Хаманева, однако их результаты исследований по большей части построены на конституционной модели, действовавшей до 2020 года, ввиду чего частично вне поля зрения остались полномочия участников стратегического планирования и правовая природа Указов Президента РФ о национальных целях развития в системе документов стратегического планирования. Значительное внимание роли стратегических актов главы государства уделили И. А. Умнова (Конюхова) и В. С. Саранцева, по мнению которых особое место среди нормативных указов Президента РФ, помимо посланий, занимают стратегические документы, определяющие главные векторы государственной политики и направленные на защиту мира и безопасности [8]. Этот вывод подтверждает потребность в комплексном

изучении юридической природы таких указов и их роли в разграничении компетенции высших органов публичной власти.

Стратегическое планирование призвано обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие государства, субъектов Федерации и муниципальных образований, а также защиту национальной безопасности. Правовой фундамент отношений его участников на стадиях целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования заложен Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172-ФЗ). Согласно ст. 11 ФЗ № 172-ФЗ документы стратегического планирования классифицируются по видам деятельности: целеполагание, прогнозирование, планирование, программирование, а также по уровням управления: федеральному, региональному и муниципальном [2]. Конституционная основа разграничения полномочий между Президентом и Правительством включает ряд норм. По ст. 80 Конституции РФ Президент определяет основные направления внутренней и внешней политики и обеспечивает согласованную работу органов единой системы публичной власти. Государственный Совет РФ, который образует Президент (ст. 83), определяет стратегические цели и задачи внутренней политики. Общее руководство Правительством принадлежит Президенту (ст. 110), а Председатель Правительства лично отвечает перед ним за то, как Правительство исполняет указы и распоряжения, в том числе стратегические указы о национальных целях (ст. 113). Поскольку органы местного самоуправления и государственной власти образуют единую систему публичной власти и взаимодействуют друг с другом (ст. 132), федеральные стратегические приоритеты доходят до муниципального уровня. Целеполагание на федеральном уровне воплощается в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию, Стратегии социально-экономического развития РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, а также в основах государственной политики и доктринах. В регионах и муниципалитетах ему соответствуют стратегии социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. К стадии прогнозирования относятся стратегический прогноз РФ, прогноз научно-технологического развития и прогнозы социально-экономического развития, составляемые на долгосрочную и среднесрочную перспективу. На стадии планирования и программирования действуют планы мероприятий по реализации стратегий, государственные программы РФ, программы субъектов и муниципальные программы, а также отраслевые документы, уточняющие цели для отдельных сфер государственного управления.

Центральное место в системе целеполагания занимает Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 (далее – Указ № 309): он задаёт направление развития страны на ближайшие годы [4]. Что позволяет скорректировать действующие и разработать новые национальные проекты и обеспечить им финансирование. Благодаря этому он играет в системе стратегического

планирования системообразующую роль: объединяет федеральные, региональные и муниципальные органы публичной власти и служит звеном между целеполаганием, находящимся в ведении Президента РФ, и программированием с практической реализацией, за которые отвечает Правительство. Чтобы контролировать достижение национальных целей оперативно и без лишней бюрократии, Правительство опирается на цифровые платформы, в первую очередь на Государственную информационную систему стратегического планирования и подсистемы «Электронного бюджета». Они в режиме реального времени собирают данные от ведомств и регионов, показывают статус каждого мероприятия, кассовое исполнение бюджета и риски срыва целевых показателей, а средства при необходимости можно быстро перенаправить с отстающих направлений на опережающие. Тем самым цифровая инфраструктура становится практическим условием реализации президентских приоритетов на всех уровнях власти.

Если целеполагание прерогатива Президента, то на стадии программирования ведущая роль принадлежит Правительству РФ: оно переводит национальные цели в систему проектных и прогнозных документов программного уровня, перечисленных в ст. 11 ФЗ № 172-ФЗ. Исходной точкой служит прогноз социально-экономического развития РФ, который готовит Минэкономразвития России под руководством Правительства; в нём определены базовые макроэкономические параметры (инфляция, динамика ВВП, демографические показатели), на которые опирается дальнейшее планирование. Основным инструментом достижения национальных целей служат национальные и федеральные проекты. Профильные федеральные органы исполнительной власти по поручению Правительства составляют паспорта национальных проектов и раскладывают национальные цели на конкретные задачи с измеримыми результатами и сроками, а федеральные проекты уточняют отдельные направления внутри национальных. Затем мероприятия проектов включаются в государственные программы РФ, и проектная и процессная деятельность ведомств получает единую нормативную основу и источники финансирования. Таким образом, Правительство обеспечивает преемственность между целеполаганием и практической реализацией национальных целей. Без финансового обеспечения и сквозного цифрового контроля программирование лишается смысла, и потому Правительство отвечает за необходимые финансовые и информационные потоки. Федеральный бюджет формируется Минфином России в программной структуре, а бюджетные ассигнования привязаны к целевым индикаторам: ведомство должно показать, какой вклад мероприятие национального проекта вносит в достижение соответствующей цели. Кроме того, через коды бюджетной классификации Правительство защищает финансирование национальных проектов от произвольного перераспределения на другие нужды. Работа президентских и правительственных механизмов координации порождает правовые и

функциональные коллизии. Президент определяет основные направления политики и осуществляет стратегический контроль, но через Совет при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам нередко воздействует и на оперативно-хозяйственную деятельность. Проектный офис Правительства в Аппарате Правительства и подразделения Администрации Президента, включая Контрольное управление, действуют параллельно, из-за чего возникает двойной документооборот: министерства подают одинаковые отчёты и согласуют одни и те же решения в двух инстанциях. К тому же комплексные национальные цели, например технологическое лидерство, требуют участия сразу нескольких федеральных органов и исполнительных органов субъектов РФ. Действующие нормы возлагают персональную ответственность за целевые показатели национальных проектов на федеральном уровне на профильных заместителей Председателя Правительства и руководителей федеральных органов исполнительной власти, на региональном – на высших должностных лиц субъектов и их заместителей. Но на практике, если показатель не достигнут, зачастую нельзя определить точную причину: внешние ограничения, сбои в смежных мероприятиях или недостижимость самого значения. Вклад отдельного должностного лица в результат долгосрочной цели остаётся трудноопределимым, поскольку методик оценки индивидуального вклада нет. О. А. Ковтун и Н. Д. Терещенко выделяют ключевую проблему в сфере управления и ответственности в недостаточно чёткой определённости санкций и стимулов для органов власти субъектов РФ [7]. Ввиду вышеуказанного, видится необходимость конкретизировать меры реагирования, соотнести показатели эффективности с долей участия каждого ответственного лица и объединить системы контроля: от механизмов Указа Президента России от 14 ноября 2017 г. № 548 до цифровых платформ мониторинга – в единую систему оценки. Одним из инструментов такой интеграции мог бы стать публичный рейтинг эффективности регионов, который предлагает ряд исследователей, который можно распространить и на федеральный уровень применительно к национальным целям Указа № 309. Устранить дисбалансы позволит более чёткое разделение функций Аппарата Правительства и Администрации Президента: Администрации целесообразно оставить независимый аудит и контроль конечных результатов, а оперативное управление, координацию ведомств и утверждение промежуточных паспортов проектов сосредоточить в Правительстве. Кроме того, стоит создать единый цифровой контур аудита, объединив ведомственные системы контроля Администрации Президента с Государственной информационной системой стратегического планирования и «Электронным бюджетом»; это уберёт дублирующие запросы и ручной сбор данных и сделает мониторинг автоматическим и прозрачным для обоих институтов.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: consultant.ru (дата обращения: 07.09.2026).
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 26 (ч. 1). — Ст. 3378.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 52 (ч. 1). — Ст. 8973.
4. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 20. — Ст. 4929.
5. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2025. — № 48 (ч. IV). — Ст. 7312.
6. Воробьева, Е. И. Национальные проекты Российской Федерации: приоритеты и финансовый контроль над их реализацией / Е. И. Воробьева // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. — 2019. — № 4 (49). — С. 151–161. — URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 11.09.2026).
7. Ковтун, О. А. Государственная национальная политика в свете новой Стратегии / О. А. Ковтун, Н. Д. Терещенко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2026. — Т. 18, № 2. — С. 23–30. — DOI: 10.31429/20785836-18-2-23-30.
8. Умнова (Конюхова), И. А. Программно-доктринальные и стратегические акты Президента Российской Федерации в системе конституционно-правового регулирования обеспечения гражданского мира и безопасности / И. А. Умнова (Конюхова), В. С. Саранцева // Образование и право. — 2016. — № 12. — С. 25–32.
9. Шлычков, В. В. Национальные проекты 2025–2027 гг. как инструмент развития социально-экономической системы России и потенциальные риски процесса их реализации / В. В. Шлычков, Д. А. Зарезнов, Д. Р. Нестулаева // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2024. — Т. 13, № 4. — С. 161–165. — DOI: 10.24412/2225-8264-2024-4-897.

УДК 342.553

DOI 10.34755/IROK.2026.50.41.038

Наумова Т.В., магистрант
юридического факультета
Московского гуманитарного университета
Россия, Москва
Naumova T.V., Graduate
student of the Faculty of Law
Moscow University for the Humanities
Russia, Moscow

Дублирование функций и размывание ответственности при разграничении полномочий между муниципальным районом и поселением

Duplication of functions and blurring of responsibilities in the delineation of powers between the municipal district and the settlement

Аннотация. Статья посвящена проблеме дублирования функций и размывания ответственности, возникающей при разграничении полномочий между муниципальным районом и входящими в его состав поселениями. Актуальность темы определяется тем, что двухуровневая модель территориальной организации местного самоуправления сохраняется в качестве допускаемой конструкции и после принятия Федерального закона № 33-ФЗ, а механизмы соглашений о передаче полномочий и перераспределения компетенции продолжают действовать. В работе систематизированы правовые конструкции, создающие пересечение компетенций двух муниципальных уровней, и показано, что дублирование функций носит не случайный, а институциональный характер, поскольку воспроизводится самой логикой распределения вопросов местного значения. Раскрыт механизм размывания ответственности, при котором ни район, ни поселение не выступают для жителя однозначным адресатом требований. Сформулированы предложения по фиксации ответственного уровня в соглашениях и по раскрытию информации о фактическом распределении полномочий.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальный район, поселение, разграничение полномочий, дублирование функций, ответственность органов власти, вопросы местного значения, муниципальная реформа, соглашения о передаче полномочий

Annotation. The article is devoted to the problem of function duplication and the blurring of responsibility that arises when delimiting powers between a municipal district and the settlements that are part of it. The relevance of the topic is determined by the fact that the two-tier model of the territorial organization of local

self-government remains an allowed structure even after the adoption of Federal Law No. 33-FZ, and the mechanisms for agreements on the transfer of powers and the redistribution of competence continue to be in effect. The paper systematizes the legal constructs that create an overlap of competencies between two municipal levels and shows that the duplication of functions is not accidental but institutional in nature, as it is reproduced by the very logic of distributing issues of local importance. The mechanism of the dilution of responsibility is revealed, under which neither the district nor the settlement acts as an unambiguous addressee of demands for the resident. Proposals have been formulated to establish the responsible level in agreements and to disclose information about the actual distribution of powers.

Keywords: local self-government, municipal district, settlement, delimitation of powers, duplication of functions, responsibility of government bodies, issues of local significance, municipal reform, agreements on the transfer of powers.

Разграничение полномочий между муниципальным районом и входящими в его состав поселениями остаётся тем узлом российского муниципального управления, который не был развязан ни первоначальной редакцией Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ, ни последующими его изменениями [1]. Законодатель исходил из идеи, что каждый уровень располагает собственным перечнем вопросов местного значения и отвечает за него самостоятельно. Практика показала иное, так, значительная часть функций на территории сельского поселения исполняется районом, часть районных полномочий возвращается поселениям соглашениями, а житель далеко не всегда способен установить, кто обязан решить его проблему.

Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» перевело дискуссию в новую плоскость [2]. Поселение и муниципальный район утратили статус базовых видов муниципальных образований, однако двухуровневая организация сохранена как допускаемая конструкция для тех регионов, которые примут такое решение. Одновременно закон заменяет детализированный перечень вопросов местного значения функциональной моделью полномочий по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения, и этот переход оценивается двойственно, так, наряду с гибкостью отмечается риск размывания муниципальной компетенции и усиления зависимости муниципалитетов от региональных решений [3], а также неопределённость самого понятия компетенции местного самоуправления в новом законе [4].

Цель статьи состоит в выявлении институциональных причин дублирования функций района и поселения и в объяснении того, как оно превращается в размывание ответственности перед населением.

Двухуровневая модель строилась на разделении перечней вопросов местного значения, так, городское поселение получило развёрнутый перечень, охватывающий бюджет, имущество, коммунальное снабжение, дороги, жильё,

культуру и благоустройство. Сельскому поселению досталась урезанная версия из пятнадцати пунктов, два из которых применяются с изъятиями, а остальные вопросы на территориях сельских поселений решают органы соответствующих муниципальных районов [1].

Уже здесь возникает конструкция, предопределяющая дальнейшие сложности, например, район действует внутри границ поселения, решая там вопросы, которые в городском поселении относились бы к компетенции самого поселения. Жители сельского поселения избирают собственные органы, но по значительной части повседневных вопросов зависят от органов, в формировании которых участвуют опосредованно. Несовпадение территории проживания, территории принятия решения и территории электоральной ответственности заложено в самой норме, а не порождено правоприменением.

Положение усложняется подвижностью границы компетенции, поскольку регион вправе закреплять за сельскими поселениями дополнительные вопросы из перечня поселений городских [1]. Распределение функций различается не только между регионами, но и во времени внутри одного региона, и для жителя ответ об ответственном органе зависит от регионального закона, с которым он не знаком. Оценки модели расходятся, так, одни авторы отмечают спорные ситуации, в которых мнение населения при переходе на одноуровневую систему игнорируется [5], другие связывают необходимость перехода с дефектами конструкции, включая несоразмерность полномочий и ресурсов поселенческого уровня [6].

Дублирование возникает из нескольких параллельно действующих механизмов, каждый из которых по отдельности выглядит обоснованным. Наиболее заметен институт соглашений о передаче осуществления части полномочий. Поселения вправе передавать району часть своих полномочий за счёт межбюджетных трансфертов, и симметрично район вправе передавать полномочия поселениям, причём соглашение срочно, определяет ежегодный объём трансфертов и предусматривает финансовые санкции за неисполнение [1].

Формально механизм сбалансирован, так как связывает передачу полномочия с передачей денег и с ответственностью за неисполнение. Содержательно он создаёт ситуацию, в которой полномочие исполняет один уровень, а обязанным по закону остаётся другой, причём санкция носит межбюджетный характер и адресована стороне соглашения, а не жителю. Исследования подтверждают преобладание договорных форм над организационными, так, в наиболее тесной форме сотрудничества, связанной с учреждением межмуниципальных организаций, участвуют лишь 2,8% муниципалитетов страны [7].

Существует механизм, который связан с правом обоих уровней принимать на себя вопросы, не отнесённые к вопросам местного значения, за счёт собственных доходов, что порождает наложение активности района и

поселения в одних сферах. Перераспределение полномочий в пользу органов государственной власти региона выводит часть функций за пределы муниципального уровня на срок не менее срока полномочий регионального парламента [1]. Муниципальный адрес обращений сохраняется, а решение принимается за пределами муниципалитета, и именно эта конструкция вызывает наиболее серьёзные конституционно-правовые сомнения [4]. Правовые механизмы распределения полномочий между муниципальным районом и поселением и порождаемые ими эффекты приведены в таблице 1.

Таблица 1. Правовые механизмы распределения полномочий между муниципальным районом и поселением и порождаемые ими эффекты

Механизм и его правовое основание	**Содержание механизма**	**Эффект для распределения функций**	**Фактический адресат ответственности**
Перечни вопросов местного значения	За сельским поселением закреплены пятнадцать пунктов перечня городского поселения, два из них с изъятиями	Смежные сферы описаны сходными формулировками на обоих уровнях	Формально разделён, фактически определяется принадлежностью объекта
Остаточная компетенция района	Не закреплённые за поселением вопросы решают органы района на его территории	Район действует внутри поселения, не будучи избранной его жителями властью	Район без прямой электоральной связи с жителями
Расширение перечня законом субъекта	Регион вправе закрепить за сельскими поселениями дополнительные вопросы	Граница компетенции подвижна и различается между регионами	Меняется вслед за региональным законом
Соглашения о передаче части полномочий	Передача в обе стороны за счёт межбюджетных трансфертов, на срок, с санкциями	Полномочие исполняет один уровень, обязан по закону другой	Стороны соглашения, житель стороной не является
Решение вопросов, не отнесённых к вопросам местного значения	Оба уровня вправе принимать такие вопросы за счёт собственных доходов	Добровольное наложение активности двух уровней	Не определён нормативно
Перераспределение полномочий законом субъекта	Полномочия передаются региону на срок не менее срока полномочий его парламента	Функция уходит с муниципального уровня при сохранении адреса обращений	Регион при сохранении обращений в муниципалитет
Единая администрация района и поселения	Уставами предусматривается исполнение полномочий администрации поселения администрацией района	Аппарат управления один, обязанных лиц два	Двойной при едином исполнителе

Составлено по материалам [1; 2]

Из таблицы 1 видно, что каждый механизм в отдельности решает рациональную задачу, будь то экономия ресурсов, учёт региональной специфики или преодоление слабости поселенческого аппарата. Проблема возникает от их совместного действия, так как ни один не обязывает зафиксировать и раскрыть, какой орган отвечает перед жителем за конкретную сферу после всех передач.

Дублирование становится разрушительным, когда за пересечением функций не стоит однозначного распределения ответственности, и размывание проявляется на нескольких уровнях. В отношениях с жителем оно выражается в отсутствии однозначного адресата требований, так, обращение по поводу внутрипоселковой дороги может быть переадресовано между администрациями поселения и района несколько раз, и ни одна переадресация формально не будет нарушением. В межбюджетных отношениях объём трансфертов определяется соглашением сторон, а не нормативной стоимостью полномочия, отчего недофинансирование переданной функции становится предметом торга. В сфере контроля оценка эффективности привязана к муниципальному образованию, тогда как исполнение полномочия могло быть перемещено на другой уровень.

Теоретическое объяснение даёт анализ эволюции муниципальной компетенции, показывающий, что функциональная модель общих полномочий повышает гибкость, но создаёт риск размывания компетенции и зависимости от региональных решений [3]. Применительно к паре района и поселения размывание происходит дважды, сначала по вертикали между регионом и муниципалитетом, затем по горизонтали внутри муниципальной системы. Региональный опыт это подтверждает, так, анализ реформы в сибирских регионах относит разграничение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления к числу ключевых сложностей [8], причём трудность фиксируется на стадии выбора модели, когда власти вынуждены заново определять ответственный уровень.

Федеральный закон № 33-ФЗ предлагает решение, устраняя саму пару, между уровнями которой требовалось разграничивать полномочия. Виды муниципальных образований сведены к городскому округу, муниципальному округу и внутригородскому муниципальному образованию города федерального значения, а особенности двухуровневой системы вынесены в отдельную статью и применяются лишь там, где регион её сохранит. Статья о полномочиях по непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения вступает в силу с 1 января 2027 года, что задаёт длительный переходный период [2].

Направление реформы не является внезапным, так, преобразование районов в муниципальные округа шло задолго до 2025 года и объяснялось стремлением снять издержки двухуровневой конструкции, причём фиксировались как выгоды перехода, так и неоднородность мотивации регионов [9]. Однако укрупнение решает проблему дублирования лишь в той

части, которая порождена наличием двух муниципальных уровней. Перераспределение полномочий в пользу региона сохраняется [4], функциональная модель компетенции повышает неопределённость её границ [3], а сам переход порождает собственные издержки, так, анализ реформы в Тамбовской области показывает риски централизации и снижения эффективности решения локальных проблем [10]. Устраняя неопределённость между районом и поселением, реформа увеличивает дистанцию между жителем и органом, принимающим решение, а промежуточные итоги указывают на смещение сложностей в организационную и кадровую плоскость [11].

Отсюда следуют практические предложения, в том числе придание соглашениям о передаче части полномочий обязательного содержания в части ответственности перед жителями, включая указание органа, к которому житель обращается по переданной функции. Также предложение касается раскрытия информации, например сводный перечень фактически исполняемых каждым органом полномочий, учитывающий соглашения и региональные акты о перераспределении, должен публиковаться в единообразной форме. Также целесообразна оценка эффективности, показатели которой нужно привязывать к фактическому исполнителю полномочия.

Дублирование функций района и поселения имеет институциональную природу, так как порождается не ошибками должностных лиц, а совокупным действием нескольких обоснованных по отдельности правовых механизмов. Урезанный перечень вопросов сельского поселения передаёт району остаточную компетенцию на чужой территории, право региона расширять этот перечень делает границу компетенции подвижной, соглашения о передаче части полномочий разводят исполнение и обязанность, а перераспределение выводит часть функций за пределы муниципального уровня.

Управленческим следствием выступает размывание ответственности, при котором ни район, ни поселение не являются для жителя однозначным адресатом требований, а оценка эффективности отрывается от фактического исполнителя. Дублирование само по себе не разрушительно, разрушительным его делает отсутствие правила о фиксации ответственного уровня.

Библиографический список:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // Гарант. URL: https://base.garant.ru/411718599/ (дата обращения: 09.09.2026).

3. Туболев С. М. Эволюция компетенции органов местного самоуправления: от вопросов местного значения к полномочиям по обеспечению жизнедеятельности населения // Юридическая наука. 2025. № 11. С. 103–112.

4. Дитятковский М. Ю. Об определении компетенции местного самоуправления в новом федеральном законе о местном самоуправлении // Правоприменение. 2026. № 1. С. 25–35.

5. Стрельников А. В. Двухуровневая система организации местного самоуправления в России: тенденции развития и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 31–39.

6. Абрамова П. Е., Кузнецов С. П. Реформа местного самоуправления в связи с принятием Федерального закона № 33-ФЗ от 2025 года // Проблемы права. 2025. № 4 (100). С. 31–37.

7. Ворошилов Н. В. Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 6. С. 141–159.

8. Савинов Л. В., Бауэр А. П. Реформа местного самоуправления: региональные реалии и перспективы // Власть. 2025. Т. 33, № 6. С. 58–67.

9. Садчикова Е. С. Преобразование муниципальных районов в муниципальные округа // Государственно-правовые исследования. 2023. № 6. С. 107–112.

10. Александров А. Р. Влияние реформы местного самоуправления в Тамбовской области на процесс правового сотворчества при переходе от двухуровневой системы на одноуровневую // Государственно-правовые исследования. 2025. № 7–8. С. 295–302.

11. Ковалев И. П. Реформа местного самоуправления 2025 года: последствия, сложности и пути разрешения // Закон и право. 2026. № 1. С. 50–55.

УДК 342.3

Арзуманян Диана Арамовна,
Магистрант группы Ю2-4000117-1з
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Россия, Краснодар

Arzumanyan Diana Aramovna,
Master's student, group Yu2-4000117-1z
Kuban State University (Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education)
Russia, Krasnodar

Трансформация форм государственного управления в цифровую эпоху: административно-правовые и региональные аспекты
Transformation of Forms of Public Administration in the Digital Age: Administrative-Legal and Regional Aspects

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния цифровой трансформации на формы государственного управления в современном административном праве. Рассматривается эволюция традиционных правовых форм управления под воздействием информационно-коммуникационных технологий, а также региональная специфика этого процесса. Обосновывается необходимость адаптации административно-правового регулирования к новым формам управленческой деятельности, возникающим в условиях цифровизации государственной службы. Выявляются проблемы правового характера, связанные с внедрением цифровых платформенных решений в деятельность органов публичной власти, и предлагаются направления их решения.

Ключевые слова: государственное управление, формы государственного управления, административное право, цифровая трансформация, цифровизация, региональное административное право, государственная служба.

Abstract: The article is devoted to analyzing the impact of digital transformation on the forms of public administration in modern administrative law. It examines the evolution of traditional legal forms of governance under the influence of information and communication technologies, as well as the regional specifics of this process. The study substantiates the need to adapt administrative and legal regulation to new forms of managerial activity emerging in the context of digitalization of the public service. The paper identifies legal problems associated with the implementation of digital platform solutions in the activities of public authorities and proposes directions for their solution.

Keywords: public administration, forms of public administration, administrative law, digital transformation, digitalization, regional administrative law, public service.

На сегодняшний день стремительное внедрение цифровых технологий в сферу государственного управления является одним из наиболее значимых факторов трансформации административно-правовых отношений в XXI веке. Традиционные формы управленческой деятельности, сформировавшиеся в условиях бумажного документооборота и непосредственного взаимодействия должностных лиц с гражданами, претерпевают качественные изменения: вертикальные связи между органами власти и гражданами дополняются платформенными решениями, автоматизированным обменом данными и дистанционным предоставлением услуг. Эта трансформация затрагивает как содержательную сторону управления, так и его правовые формы, что актуализирует потребность в теоретическом осмыслении происходящих изменений. При этом цифровизация не отменяет необходимости учёта региональной специфики государственного управления. Федеративное устройство государства обусловливает существование особенностей форм государственного управления на региональном уровне, что требует самостоятельного административно-правового осмысления [1]. Вместе с тем внедрение цифровых технологий в государственный аппарат рассматривается как качественно новая форма управленческой деятельности, порождающая как возможности, так и риски [2]. Пересечение этих двух векторов формирует проблемное поле, требующее комплексного анализа. В теории административного права под формами государственного управления традиционно понимаются внешне выраженные способы реализации исполнительной власти, через которые органы власти осуществляют возложенные на них функции. Классическая классификация различает правовые и неправовые формы управления: к правовым относятся издание нормативных правовых актов, издание индивидуальных правовых актов и совершение иных юридически значимых действий; к неправовым – организационные и материально-технические действия. Однако данная классификация, сложившаяся в середине XX века, не в полной мере отражает современные реалии. Как отмечает Е. Б. Лупарев, содержательная сторона государственного управления столь мобильна, что требует постоянного обращения к её характеристике на текущем этапе [1]. Концепция регионального административного права строится на идее, что на структуру отрасли влияют два ключевых фактора: федеративное устройство страны и международные интеграционные процессы. В результате в системе административного права формируются интегративные нормативно-правовые образования, то есть новые подотрасли или институты, которые возникают на стыке разных уровней и норм. Это означает, что формы государственного управления не могут рассматриваться исключительно через призму

федерального уровня: региональная специфика управленческой деятельности также требует соответствующего анализа.

Региональная составляющая раскрывается в ряде направлений. Субъекты Российской Федерации наделены собственными полномочиями в сфере государственного управления, реализуемыми через региональные нормативные правовые акты и административные регламенты. Организационные формы управления на региональном уровне отличаются большей вариативностью в силу различий в административно-территориальном устройстве, экономическом потенциале и демографической структуре. Кроме того, правоприменительная практика региональных органов власти формирует специфику реализации управленческих функций, которая может существенно различаться между субъектами Федерации. Внедрение цифровых технологий в государственное управление качественно меняет как правовые, так и неправовые формы управленческой деятельности. М. Б. Добробаба, рассматривая перспективы цифровой трансформации государственной (муниципальной) службы, отмечает, что внедрение цифровых технологий и платформенных решений позволяет передать существенную часть деятельности рядовых сотрудников, включая рутинную работу и обеспечение контрольно-надзорных функций, «интеллектуальным агентам», программным системам на основе искусственного интеллекта [2]. Это освобождает принятие управленческих решений от влияния человеческого фактора, исключает уровень коррупционных рисков и возможность других злоупотреблений. Применительно к формам государственного управления цифровизация проявляется в нескольких направлениях. Трансформируется правовая форма издания индивидуальных правовых актов: автоматизированные информационные системы принимают решения без непосредственного участия должностного лица, например, автоматическая регистрация таможенных деклараций, автораспределение земельных участков, автоматическое продление лицензий. Это порождает принципиально новый вопрос о правовой природе решений, принимаемых алгоритмами, и об ответственности за такие решения. Изменяется форма предоставления государственных услуг: переход к электронной форме оказания услуг через портал «Госуслуги», иные платформенные решения создаёт новый формат взаимодействия государства и граждан, который не укладывается в традиционные представления о правоотношениях между органом власти и заявителем. Модифицируются и контрольно-надзорные формы: внедрение риск-ориентированного подхода, дистанционного контроля с использованием беспилотных летательных аппаратов, мобильного приложения «Инспектор» и иных цифровых инструментов создаёт качественно новые формы реализации контрольной функции. Вместе с тем, реализация мер по цифровой трансформации государственной службы наряду с положительными моментами вызывает и ряд проблем. Прежде всего, государственные

служащие, как многочисленная социальная группа, вряд ли готовы к предстоящим изменениям: речь идёт о значительном сокращении численности аппарата государственных органов и необходимости переобучения. Немногие служащие уже обладают цифровыми компетенциями, а для обеспечения функционирования интеллектуальных систем потребуются люди с новыми компетенциями. Кроме того, цифровая трансформация государственной службы должна осуществляться не только на федеральном, но и на региональном уровнях, где факторами, сдерживающими цифровизацию, выступают недостаток квалифицированных кадров, недостаток финансирования и цифровое неравенство [2, 3].

Пересечение регионального и цифрового векторов развития форм государственного управления создаёт особое проблемное поле. С одной стороны, концепция регионального административного права требует учёта специфики управленческой деятельности на уровне субъектов Федерации. С другой – цифровая трансформация, по своей сути ориентированная на унификацию и стандартизацию управленческих процессов, может вступать в противоречие с региональным многообразием. Во-первых, различная степень готовности регионов к цифровой трансформации приводит к тому, что одни и те же формы государственного управления, например, электронное предоставление услуг, реализуются в разных субъектах Федерации с разной степенью полноты и эффективности. Процесс формирования новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития цифровых технологий, ещё не закончился в большинстве регионов [4]. Во-вторых, аспект касается сохранения региональной специфики в условиях унификации цифровых платформ. Внедрение единой платформы «Гостех», призванной унифицировать подходы к созданию государственных информационных систем, объективно ограничивает возможности регионов по формированию самостоятельных цифровых решений. Однако региональные особенности предмета управления, включающие в том числе климатические, демографические, экономические, требуют сохранения определённой управленческой гибкости, которая может быть утрачена при жёсткой централизации цифровых платформ. Цифровизация требует оперативного изменения нормативной базы, что в условиях регионального нормотворчества осуществляется медленнее, чем на федеральном уровне. В результате возникает разрыв между технологическими возможностями и их правовым опосредованием, особенно острый именно на региональном уровне.

Анализ трансформации форм государственного управления в цифровую эпоху позволяет выделить ряд ключевых проблем административно-правового характера. Прежде всего, это проблема правовой квалификации автоматизированных управленческих решений. Традиционная классификация форм государственного управления исходит из того, что правовые акты издаются компетентным должностным лицом.

Автоматизированные решения, принимаемые без участия человека, не укладываются в эту схему. Требуется законодательное закрепление правового режима решений, принимаемых алгоритмами, включая вопросы ответственности за их ошибочность. Не менее острой является проблема цифровых компетенций государственных служащих. Возможно, для обеспечения функционирования интеллектуальных систем и подготовки правил для их работы потребуется обеспечить поступление на государственную (муниципальную) службу людей с новыми компетенциями, вследствие чего возникает необходимость уточнить квалификационные требования к государственным (муниципальным) служащим и модернизацию программ профессионального образования. Существенной проблемой выступает цифровое неравенство регионов. Различия в финансировании, кадровом потенциале и инфраструктуре между субъектами Федерации приводят к неравномерной цифровизации форм государственного управления. Это подразумевает целенаправленной региональной политики, включающей меры по преодолению цифрового неравенства и обеспечению минимально необходимого уровня цифровизации во всех субъектах. Не менее важна проблема баланса унификации и региональной специфики: стремление к унификации цифровых платформ и административных процедур, обоснованное с технологической точки зрения, вступает в противоречие с необходимостью учёта региональных особенностей управления. Решение этой проблемы видится разработки дифференцированного подхода, при котором унификация применяется к базовым управленческим процессам, а региональная специфика сохраняется в тех сферах, где она объективно обусловлена. Наконец, опасения вызывает защита прав граждан в условиях цифрового управления. Автоматизация управленческих процессов, передача рутинных функций искусственному интеллекту и сокращение непосредственного взаимодействия граждан с должностными лицами создают риски ограничения прав граждан, в том числе права на личное участие в управленческих процедурах, права на мотивированное решение и права на обжалование. Эти риски особенно остры для граждан, не обладающих цифровыми навыками или не имеющих доступа к цифровым сервисам.

Трансформация форм государственного управления в цифровую эпоху представляет собой комплексный процесс, затрагивающий как правовые, так и организационно-технические аспекты управленческой деятельности. Региональное измерение этого процесса и цифровая трансформация государственной службы образуют два взаимосвязанных вектора, совместный анализ которых позволяет выявить проблемы, неочевидные при раздельном рассмотрении. К числу таких проблем относятся правовая неопределённость статуса автоматизированных управленческих решений, цифровое неравенство регионов, дисбаланс между унификацией цифровых платформ и сохранением региональной специфики управления, недостаток цифровых компетенций государственных служащих и риски ограничения прав граждан в условиях

цифровизации. Решение этих проблем видится в развитии административно-правового регулирования по нескольким направлениям: законодательного закрепления правового режима автоматизированных решений, формирования региональной политики цифровизации государственного управления, уточнение квалификационных требований к государственным служащим и обеспечения гарантий прав граждан при переходе к цифровым формам взаимодействия с органами власти.

Список используемой литературы:

1. Лупарев, Е. Б. Концепция регионального административного права и его место в системе современного российского права / Е. Б. Лупарев, А. Н. Жеребцов [и др.] // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2020. — № 1. — С. 96–101.
2. Добробаба, М. Б. О перспективах цифровой трансформации государственной (муниципальной) службы / М. Б. Добробаба // Юридический вестник Кубанского государственного университета. — 2018. — № 4 (4). — С. 54–60.
3. Чурикова, А. Ю. От компьютеризации к цифровой трансформации: соотношение понятий / А. Ю. Чурикова // NB: Административное право и практика администрирования. — 2023. — № 4. — С. 24–36.
4. Рязанцева, М. В. Цифровая трансформация государственного управления / М. В. Рязанцева // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 11. — С. 6951–6962.
5. Жданова, Н. С. Развитие административно-правовых отношений в условиях цифровизации / Н. С. Жданова, О. М. Пономарева // Право и управление. — 2026. — № 7. — С. 350–356.
6. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 20. — Ст. 4929.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1. — Ст. 3448.
8. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления : распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р. — URL: garant.ru (дата обращения: 28.09.2026).

Административная ответственность за нарушение правил розничной продажи алкогольной продукции: анализ актуальной судебной практики

Administrative liability for violating retail alcohol sales regulations: an analysis of current judicial practice

Владислава Сергеевна Верес, ведущий специалист по судебно-претензионной работе, Акционерное общество Научно-технический центр «Модуль»
Москва, Российская Федерация
Vladislava S. Veres, Leading Specialist in Litigation and Claims, Joint Stock Company Scientific and Technical Center «Module»
Moscow, Russian Federation

Аннотация. В статье анализируется административная ответственность за нарушение правил розничной продажи алкогольной продукции по статье 14.16 КоАП РФ с опорой на практику 2024-2025 гг. Рассмотрены продажа алкоголя несовершеннолетним, ночная реализация, вина юридического лица и пределы конфискации. Показано, что исход дела чаще зависит не от текста санкции, а от квалификации события, качества доказательств и реальности внутреннего контроля в торговой точке.

Abstract. This article analyzes administrative liability for violations of retail alcohol sales regulations under Article 14.16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (KoAP RF), drawing on judicial practice from 2024–2025. It examines issues such as the sale of alcohol to minors, nighttime sales, the culpability of legal entities, and the scope of confiscation. The study demonstrates that the outcome of a case often depends less on the specific wording of the sanction than on the legal characterization of the incident, the quality of the evidence, and the actual implementation of internal controls at the retail outlet.

Ключевые слова: административная ответственность, статья 14.16 КоАП РФ, алкогольная продукция, розничная продажа, несовершеннолетний покупатель, юридическое лицо, конфискация, судебная практика.

Keywords: administrative liability, Article 14.16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, alcohol products, retail sales, underage buyer, legal entity, confiscation, judicial practice.

Розничная продажа алкоголя остается для административного права неудобной зоной. Кассир не спросил паспорт. Бар продал бутылку после 23 часов. В магазине нет ценника или информации на русском языке. Формально это разные эпизоды, но в суде они сходятся в одном вопросе: какой именно запрет нарушен и доказан ли он без процессуального разрыва.

Статья 14.16 КоАП РФ действует вместе со статьей 16 Федерального закона № 171-ФЗ: первая задает санкцию, вторая раскрывает материальный режим продажи, включая запрет реализации несовершеннолетним, временные ограничения и требования к формату торговли [1; 2]. На наш взгляд, бланкетность состава и порождает большинство споров. Суд проверяет не абстрактную "неправильную торговлю", а конкретный запрет, субъект нарушения и допустимость собранных материалов.

Конструкция статьи 14.16 КоАП РФ неоднородна. Часть 2.1 устанавливает ответственность за продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему: для граждан штраф составляет от 30 до 50 тыс. руб., для юридических лиц - от 300 до 500 тыс. руб. Часть 3 охватывает нарушение особых требований и правил розничной продажи, если содеянное не подпадает под иной специальный состав [1].

Материальный запрет закреплен в Законе № 171-ФЗ. В статье 16 названы условия розничной продажи, запрет отпуска несовершеннолетним и общий федеральный временной предел с 23 до 8 часов, кроме специально оговоренных случаев, прежде всего продажи при оказании услуг общественного питания [2]. Здесь появляется практическая развилка: ночная продажа может быть ошибочно описана как нарушение лицензионных требований, хотя суды связывают ее с частью 3 статьи 14.16 КоАП РФ.

Выборка строилась по двум критериям: свежесть решения и наличие развернутой мотивировки. В нее включены постановление Верховного Суда РФ от 25.06.2025 № 5-АД25-58-К2, решения по делам № А65-19567/2024 и № А56-107880/2024, а также постановление мирового судьи по делу № 05-0039/4/2025 [4-7]. Статистическая часть опирается на обзор Судебного департамента за 2024 г. [3].

Продажа несовершеннолетнему - самый чувствительный блок. Верховный Суд РФ в постановлении от 25.06.2025 № 5-АД25-58-К2 оставил в силе акты о привлечении продавца-кассира магазина "Пятерочка" по части 2.1 статьи 14.16 КоАП РФ. В материалах были объяснения, карточка происшествия, рапорт, кассовые сведения, документы о трудовых отношениях и журнал ознакомления работников с запретом продажи лицам моложе 18 лет [4]. Суд не потребовал одного "идеального" доказательства. Он оценил совокупность.

Для юридических лиц острее иной вопрос: освобождает ли компанию тот факт, что непосредственный продавец уже наказан? Решение Арбитражного суда Республики Татарстан по делу № А65-19567/2024 отвечает отрицательно. Общество ссылалось на инструктажи, кассовые предупреждения и таблички, однако суд не увидел доказательств реально работающего контроля за персоналом [5]. Организация отвечает не за внутреннее отношение кассира, а за дефект собственной системы управления риском.

Практика по ночной продаже показывает ошибку уже со стороны административного органа. В деле № А56-107880/2024 Управление МВД просило привлечь общество по части 1 статьи 14.17 КоАП РФ, усматривая нарушение лицензионных требований. Арбитражный суд отказал: если суть претензии состоит в реализации алкоголя с 23 до 8 часов, содеянное относится к части 3 статьи 14.16 КоАП РФ [6].

Отдельный пласт связан с конфискацией. В деле № 05-0039/4/2025 предприниматель была оштрафована на 20 тыс. руб. за реализацию алкогольной продукции без надлежащей информации и ценника, но арест с остального товара снят [7]. Конфискация применяется к предмету или орудию правонарушения, а не ко всему алкогольному остатку в помещении магазина.

Судебная статистика подтверждает: по частям 1-3 статьи 14.16 КоАП РФ основным наказанием остается штраф. В обзоре за 2024 г. Судебный департамент указал 5,8 тыс. лиц, привлеченных за нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, и средний размер штрафа 26,3 тыс. руб.; в 2023 г. средний штраф составлял 25,3 тыс. руб. [3]. Разница невелика.

Эти цифры требуют аккуратного чтения. Официальный обзор агрегирует части 1-3 статьи 14.16 КоАП РФ, поэтому он не раскрывает отдельно, сколько дел связано с несовершеннолетними, ночной продажей или отсутствием обязательной информации. Мониторинговый дефицит ощутим: практика дает фактические детали, а статистика - только общий контур.

Первый проблемный вопрос - доказательства. В делах о продаже несовершеннолетним суды принимают не только чек или видеозапись, но и объяснения, рапорты, документы о работнике, материалы общественного контроля. Для административного органа оправдан минимальный стандарт фиксации: время продажи, конкретный товар, возраст покупателя, связь продавца с торговой точкой и происхождение каждого документа.

Второй вопрос - корпоративный комплаенс. Бумажный инструктаж сам по себе мало что доказывает. Суды ждут признаков работающей системы: обучения кассиров, кассового запроса о возрасте, внутреннего контроля и реакции работодателя на нарушения. Не вполне ясно, какой объем мер всегда будет достаточным; универсального чек-листа практика пока не выработала.

Третий вопрос - квалификация. Ночная продажа, продажа "под видом" общепита, отсутствие русскоязычной информации и ценников не должны смешиваться со смежными составами только потому, что все они связаны с алкоголем. Неверная статья в протоколе способна разрушить дело, если исправление ухудшит положение привлекаемого лица или изменит подведомственность.

Практика по статье 14.16 КоАП РФ движется не к увеличению суровости ради самой суровости, а к более плотной проверке фактов. По делам о продаже несовершеннолетним суды признают достаточной согласованную совокупность доказательств. По делам о юридических лицах они требуют

реального контроля, а не набора формальных памяток. По ночной продаже и конфискации суды сдерживают административный орган: квалификация должна быть специальной, а изъятие - связанным с предметом правонарушения.

Практический вывод узкий, но рабочий. Для ритейла риск по статье 14.16 КоАП РФ снижается не красивым локальным актом, а повседневной проверяемой процедурой: паспортный контроль, обучение кассиров, сохранность видеозаписей, разграничение магазина и общепита, корректные ценники и информация на русском языке. Для административных органов слабым местом остается юридическая техника протокола.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: ст. 14.16 (ред. от 09.04.2026, с изм. от 29.04.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 08.05.2026).

2. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта...": ст. 16 (ред. от 23.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368/ (дата обращения: 08.05.2026).

3. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики по деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. 2025. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 08.05.2026).

4. Постановление Верховного Суда РФ от 25.06.2025 № 5-АД25-58-К2. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/YoeV6sm5T5HU/ (дата обращения: 08.05.2026).

5. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 05.09.2024 по делу № А65-19567/2024; решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 03.02.2025 по делу № А56-107880/2024; постановление мирового судьи по делу № 05-0039/4/2025 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 08.05.2026).

Биологические науки

УДК 581.4:(470.56)

Баурин Ю.С., младший научный сотрудник научной группы ботанического сада
Кобзева О.И., младший научный сотрудник научной группы ботанического сада
Шишова М.А., старший научный сотрудник научной группы ботанического сада
ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет" им. В.А. Бондаренко
г. Оренбург. Россия

Морфология и биологические особенности магонии падуболистной (*Mahonia aquifolium* (Pursh) Nutt.) в условиях резко континентального климата г. Оренбурга (ботанический сад ОГУ имени В.А. Бондаренко)

Аннотация: в статье представлены результаты наблюдений за *Mahonia aquifolium* (Pursh) Nutt. (магониия падуболистная) в Ботаническом саду ОГУ. Изучены морфобиологические особенности, выявлены адаптации к резко континентальному климату: высокая акклиматизация, стабильные фенологические ритмы, сохранение жизненной формы и плодоношения. Установлено, что несмотря на холодные зимы и значительные перепады температур магония падуболистная способна сохранять декоративные свойства. Были выявлены определенные изменения в морфологии листа (уменьшение размеров, но увеличение плотности, жесткости) и смещение фенологических фаз в отличие от естественного ареала, это указывает на адаптивные механизмы засухоустойчивости, а также выработке криозащитных механизмов у данного вида. Полученные результаты подтверждают перспективность в использовании магонии, как объекта озеленения в регионе.

Ключевые слова: *Mahonia aquifolium,* ареал, морфология, фенология, климат.

Morphology and biological characteristics of (*Mahonia aquifolium* (Pursh) Nutt.) in the conditions of the sharply continental climate of Orenburg (Botanical Garden of Orenburg State University named after V.A. Bondarenko)

Baurin Y.S., Junior Researcher at the Botanical Garden Research Group
Kobzeva O.I., Junior Researcher at the Botanical Garden Research Group
Shishova M.A., Senior Researcher at the Botanical Garden Research Group

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University" named after V.A. Bondarenko
e-mail: 07jurik1998@list.ru
Orenburg, Russia

Abstract: The article presents the results of observations of Mahonia aquifolium (Pursh) Nutt (holly-leaved mahonia) in the OSU Botanical Garden. The morphobiological features have been studied, and adaptations to the sharply continental climate have been identified: high acclimatization, stable phenological rhythms, preservation of the life form and fruiting. It has been established that, despite cold winters and significant temperature fluctuations, holly-leaved mahonia is capable of retaining its ornamental properties. Certain changes in leaf morphology were identified (a reduction in size, but an increase in density and rigidity) and a shift in phenological phases, which differs from the natural range; this indicates adaptive mechanisms for drought resistance, as well as the development of cryoprotective mechanisms in this species. The obtained results confirm the potential for using mahonia as a landscaping plant in the region.

Keywords: Mahonia aquifolium, area, morphology, phenology, climate.

Введение

Расширение ассортимента декоративных и лекарственных растений для озеленения городских территорий Южного Урала является актуальной задачей ботанических учреждений [1]. Резко континентальный климат Оренбургской области характеризуется высокими летними температурами (абсолютный максимум +42 °С), суровыми снежными зимами (абсолютный максимум до – 43°С), недостаточным увлажнением (годовая сумма осадков составляет 350 – 400 мм) и частыми повторяющимися заморозками, это влечет за собой ограничения на интродукцию древесно-кустарниковых форм жизни [3, 7].

Mahonia aquifolium (Pursh) Nutt. (магония падуболистная) (рис. 1) – вечнозеленый кустарник семейства *Berberidaceae,* естественный ареал которого охватывает западную часть Северной Америки с мягким океаническим климатом [11]. Данному виду характерен ряд полезных признаков: декоративность на протяжении всего года, раннее цветение, лекарственное значение (корни содержат алкалоид берберин), а также пищевая ценность плодов [5]. Научный интерес представляет адаптивный потенциал магонии падуболистной в несвойственных ей резко континентальных условиях.

Цель работы: анализ морфологических и биологических особенностей *Mahonia aquifolium* на базе Ботанического сада ОГУ имени В.А. Бондаренко.

Рис. 1. Вид - *Mahonia aquifolium* (Pursh) Nutt. (магония падуболистная)

Материалы и методы исследования

Объектом исследования являлись растения вида *Mahonia aquifolium*, (произрастающие на коллекционном участке «Фрутицетум» декоративных кустарников ботанического сада ОГУ (г. Оренбург). Почва участка – это чернозем южный тяжелосуглинистый [9]. Производился полив в засушливые периоды, укрытие на зиму не применялось.

Проведенные морфологические исследования: измерялись – высота куста, диаметр кроны, а также параметры листовой пластины. К фенологическим наблюдениям относится: начало вегетации, бутонизация, цветение и плодоношение, а также зимостойкость [4].

Результаты и обсуждения

Морфометрические показатели. В условиях Оренбурга магония падуболистная формирует невысокий зеленый кустарник. Средняя высота растения составила 78,5 см, диаметр кроны имел 94,7 см, данные показатели отличаются от представителей с более мягким климатом (до 1,5 – 2,0 м) [4]. Выявлено уменьшение ассимиляционной поверхности, а также проявление ксерофитизации. Средняя длина сложного листа (рис 2.) составила около 15 см при количестве листочков в диапазоне 5 – 7 (в более мягких условиях этот показатель составил 9 – 11). Листочки имеют кожистую поверхность с глянцевым оттенком, края представлены острыми зубцами. Ближе к зимнему периоду у листьев наблюдалась зелено – фиолетовая окраска, которая менялась на темно – зеленую к началу периода вегетации. Это свидетельствует о защитной реакции растения на изменении абиотических факторов (понижение температуры окружающей среды) [10].

Рис. 2. Морфометрия листа вида *Mahonia aquifolium* (Pursh) Nutt.

Особенности роста и развития. В условиях резко континентального климата рост побегов начинается ближе к концу апреля или начала мая (при переходе температур через 10 °С), завершается во второй декаде июля, этот показатель короче на 3-4 недели, нежели в Подмосковье. Укороченные сроки роста – адаптация, обеспечивающая вызревание тканей до ранних осенних заморозков [8].

Цветение и плодоношение. Что касается фенологических фаз, то они смещены на более поздние сроки, в отличие от западных регионов России. Бутонизация наблюдалась в конце апреля, цветение во второй половине мая. Соцветия короче видовой нормы (4 – 6). Созревание плодов приходится на начало августа, плодоношение регулярное, семена имеют хорошую всхожесть, это свидетельствует об успешной адаптации к данным условиям [6].

Зимостойкость. Листья и неодревесневшие побеги повреждались выше уровня снежного покрова. Кусты быстро восстанавливаются за счет отрастания побегов из спящих почек [12]. Снежный покров в 30 – 40 см прочно защищает основания куста, что позволяет выращивать магонию как полувечнозеленый кустарник [2].

Выводы

Mahonia aquifolium в условиях резко континентального климата Оренбурга проявляет высокую экологическую пластичность, проходя полный цикл сезонного развития. Адаптация проявляется в формировании низкорослой формы, уменьшении периода роста побегов и площади листвой пластины. Сдерживающие факторы – это дефицит влаги и морозное иссушение листьев в малоснежные зимы. Стоит отметить теневыносливую способность, раннее цветение и лекарственное значение. Благодаря этому вид перспективен для озеленения и в качестве лекарственного сырья в регионе, но посадку лучше производить в местах, защищенных от зимних ветров и иссушения.

Библиографический список:

1. Александрова, М. С. Древесные растения в саду: современный ассортимент / М. С. Александрова. – Москва: Фитон XXI, 2020. – 256 с.

2. Древесные растения в ландшафтном дизайне: учебное пособие / под ред. А. В. Селиховкина. – Санкт-Петербург: Лань, 2022. – 312 с.
3. Климатические изменения и их последствия на территории Оренбургской области: монография / А. А. Чибилёв, В. М. Павлейчик, С. В. Левыкин [и др.]. – Оренбург: Институт степи УрО РАН, 2020. – 180 с.
4. Костина, М. В. Морфология и анатомия древесных растений: учебное пособие / М. В. Костина, Н. А. Баранова. – Москва: КМК, 2023. – 284 с.
5. Лекарственные растения России: энциклопедия / под общ. ред. В. А. Быкова. – Москва: Эксмо, 2021. – 640 с.
6. Методика фенологических наблюдений в ботанических садах Российской Федерации // Бюллетень Главного ботанического сада. – 2022. – Вып. 208. – С. 3–12.
7. Определитель сосудистых растений Оренбургской области / З. Н. Рябинина, М. С. Князев, О. В. Калашникова [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Оренбург: ОГУ, 2021. – 804 с.
8. Плотникова, Л. С. Интродукция древесных растений Восточной Азии в средней полосе России / Л. С. Плотникова. – 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 2019. – 248 с.
9. Природно-экологический каркас Оренбургской области: современное состояние и перспективы развития / А. А. Чибилёв, Ант. А. Чибилёв, П. В. Вельмовский [и др.] // Проблемы региональной экологии. – 2021. – № 3. – С. 112–119.
10. Close, D. C. The ecophysiology of foliar anthocyanin / D. C. Close, C. L. Beadle // The Botanical Review. – 2022. – Vol. 88, № 1. – P. 1–28.
11. Flora of North America North of Mexico. Vol. 3: Magnoliophyta: Magnoliidae and Hamamelidae / ed. by Flora of North America Editorial Committee. – 2nd ed. – New York: Oxford University Press, 2020. – 616 p.
12. WFO Plant List. World Flora Online. – URL: https://wfoplantlist.org (дата обращения: 15.08.2026). – Текст: электронный.

Политические науки

Шапошникова Евгения Александровна
кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры государствоведения, социальной политики и глобальных процессов
Российский государственный социальный университет
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1,
Российская Федерация

Общественная оценка эффективности деятельности отечественных политических партий

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия политических партий в современном российском обществе и возможностям их трансформации в действенный институт народовластия. Работа включает в себя политологический анализ социологических исследований, направленный на определение отношения населения к политическим партиям. В результате анализа эмпирических данных автор говорит о характере общественной оценки политических партий с точки зрения представительства интересов народа России. Автор делает вывод о зависимости эффективности восприятия политических партий населением и дальнейшего их существование в стране от организации партийной деятельности и развития инновационных форм политического участия.

Ключевые слова: государство, партии, опрос, выборы, потребности, электорат, респонденты.

Evgenia Aleksandrovna Shaposhnikova
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of State Studies, Social Policy and Global Processes Russian State Social University
129226, Moscow, Wilhelm Pieck Street, Building 4, Building 1
Russian Federation

Public assessment of the effectiveness of political parties in Russia

Annotation. The article is devoted to the study of the perception of political parties in modern Russian society and the possibilities of transforming them into an effective institution of popular sovereignty. The work includes a political science analysis of sociological studies aimed at determining the population’s attitude towards political parties. Based on the analysis of empirical data, the author discusses the nature of public assessment of political parties from the perspective of

representing the interests of the Russian people. The author concludes that the effectiveness of the population's perception of political parties and their continued existence in the country depend on the organization of party activities and the development of innovative forms of political participation.

Keywords: state, parties, survey, elections, needs, electorate, respondents.

Политологический анализ партийной проблематики не теряет своей актуальности уже долгие годы. Однако в настоящее время (в эпоху стремительного развития информационных ресурсов, электронных механизмов выражения населением своего мнения, а также появления новых методов взаимодействия власти и общества) эффективность функционирования партий в их нынешней организационной форме, как инструмента представительства интересов населения, современными исследователями ставится под вопрос.

В соответствии с результатами актуальных социологических опросов политические партии в России занимают низшие позиции в рейтинге доверия населения. Большинство опрошенных отмечают, что партии не приносят никакой пользы для государства и общества, не выражают интересы современного общества, не участвуют в решении истинных проблем граждан. Политические партии не рассматриваются населением как инструмент представительства общественных интересов.

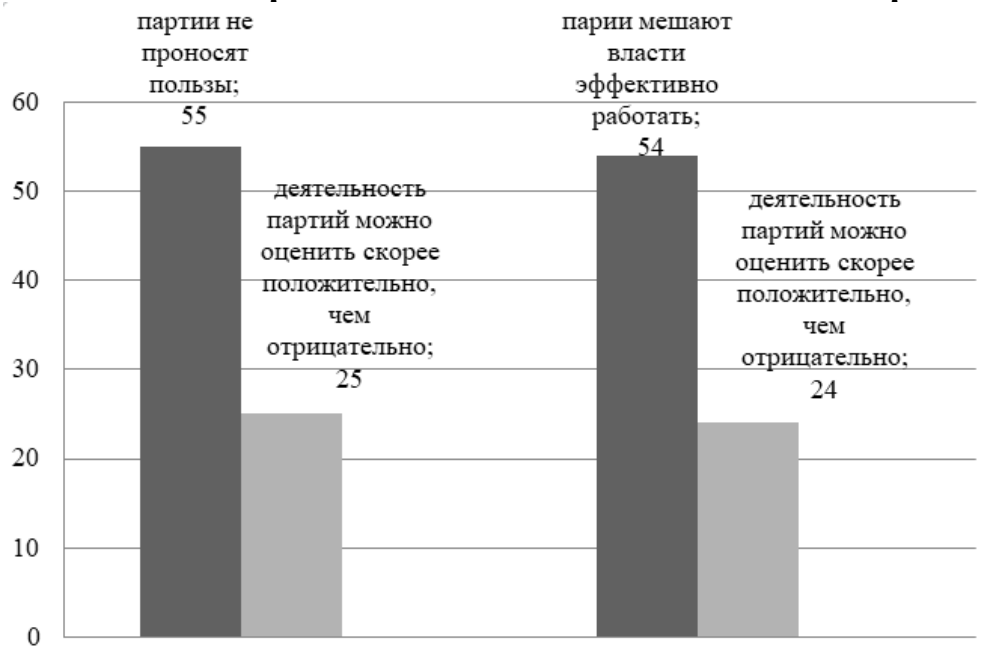
С другой стороны, большое количество респондентов отмечают, что в силу того, что партии являются для граждан привычным политическим институтом, отказываться от них нельзя, а «роль партий в жизни страны должна быть более значительной, чем сейчас».[2,4,6,8] Таким образом, ответы респондентов демонстрируют, что партии обладают возможностью существования в стране. Но в той организационной форме, в которой они существуют в настоящее время, доверия у граждан они не вызывают.

Еще 25 лет назад Фондом Общественное Мнение (ФОМ) был проведен опрос населения, результаты которого показали неэффективность работы политических партий и бесперспективность их существования в стране.[2]

В начале 2000-х гг. общество нуждалось в политических организациях, которые смогли бы представлять их интересы в органах власти, но эти объединения в представлении респондентов не отождествлялись с политическими партиями, которые существовали в государстве. Большинство мнений респондентов о том, какая должна быть партия, заключалось в том, что партии должны представлять интересы народа, опираться в своей деятельности на поддержку населения, «иметь политическую платформу, руководствоваться в своей деятельности уставом и программой, иметь «жесткую» структуру и соблюдать партийную дисциплину.[2] Результаты проведенного опроса ФОМ показали, что с точки зрения населения, партии не приносят никакой пользы государству и мешают власти эффективно работать. (Рис. 1.)

Рис. 1.

Восприятие населением политических партий

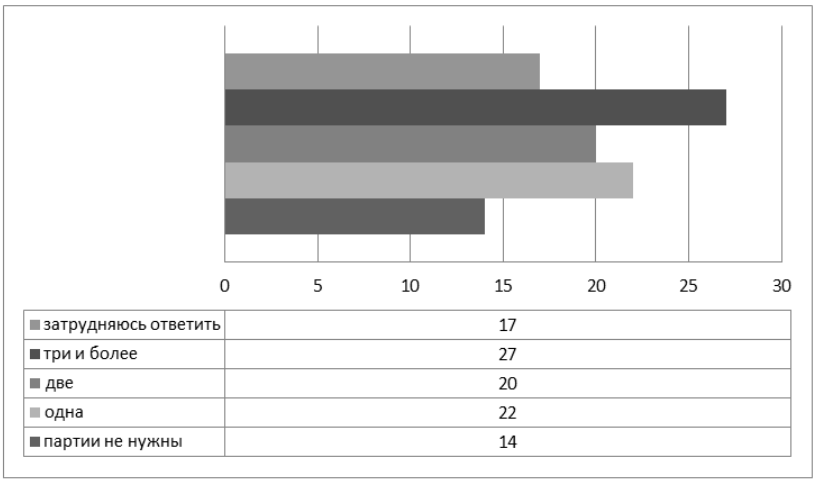

В 2004 гг. Фондом Общественное мнение (ФОМ) были проведены исследования, посвященные роли политических партий в жизни государства. С точки зрения респондентов партии продолжают играть незначительную роль в жизни страны (49% респондентов), несмотря на активную реализацию партийной реформы, начавшейся с принятия Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» от 11 июля 2001 года.

Респонденты не отрицали возможности существования политических партий как института представительства интересов, высказываясь за развитие многопартийности в стране. Наиболее частым ответом о количестве партий в стране было «три и более партий», что подтверждает востребованность многопартийности у респондентов.[7] (Рис. 2)

(Рис. 2)

Сколько политических партий должно быть в стране?

затрудняюсь ответить	17
три и более	27
две	20
одна	22
партии не нужны	14

В 2006 году Фондом Общественное мнение был выявлен огромный пласт недовольства населения деятельностью партий в стране:

- 47% опрошенных были убеждены, что конкуренция и соперничество между политическими партиями приносят стране больше вреда, чем пользы,

- роль партий в жизни страны оценили как незначительную около половины опрошенных (44% респондентов; 33% как значительную).[5]

Следовательно, с 2001 года, когда вопрос о роли партий в стране впервые был поставлен перед респондентами, распределение мнений существенно не менялось, а опрошенные в большинстве своем не видели никаких изменений в функционировании и значении партий. Мнение о несостоятельности политических партий все чаще слышалось от респондентов. Избиратели дистанцировались от партий, которые рассматривались, как неэффективные и не сложившиеся структуры общества.[5]

Спустя 25 лет, в сентябре 2026 года, накануне выборов депутатов Государственной Думы РФ, отношение к партиям у населения не меняется, несмотря на рост рейтинга Президента. Также не меняется и лидерство партии «Единая Россия» - в соответствие с данными ВЦИОМ, большинство россиян поддерживает партию «Единая Россия», рейтинг которой составляет примерно 32%. [1] Обновился в этот раз лишь состав кандидатов «партии власти» на выборах, включив в свой состав большое количество волонтеров, врачей, ветеранов СВО, учителей, победителей конкурса «Лидеры России». Данный факт опять же добавил «партии власти» проценты в рейтинге доверия населения.

В соответствие с результатами современных социологических исследований политические партии окончательно утратили функцию представительства общественных интересов, занимая все более низкие позиции в рейтинге доверия населения. В соответствии с результатами социологических опросов, партии не вызывают доверия у населения и не рассматриваются как рабочий инструмент реализации запросов общества. Социологические исследования, проводимые ФОМ и ВЦИОМ в России,

демонстрируют незаинтересованность электората в политических партиях, недоверие им, непринятие партий как выразителя общественных интересов.[3]

Следовательно, эффективность деятельности политических партий заключается в способности выражать интересы населения, в организации работы с населением. Но в результате неспособности выражать интересы людей, незаинтересованность в партиях растет, а граждане не видят смысла в деятельности современных партий.

Однако, несмотря на низкий уровень доверия существующим политическим партиям, большинство респондентов считают, что партии в России нужны, а их роль «должна быть более значительной, чем сейчас».[5]

Таким образом, в настоящее время в политологической литературе является общепризнанным, что идеальной модели партийной системы, как избирательной системы, в мире не существует. Однако идут постоянные споры о наиболее приемлемой и оптимальной модели.[10] Партии в политической науке считается достаточно молодым институтом, который отличается высокой динамикой развития. И в настоящее время политические партии как представители интересов народа больше не рассматриваются. В связи с данными обстоятельствами власть утратила способность выявления реальных политических предпочтений населения и осуществления мер, направленных на достижение баланса политических сил в современном российском обществе.[9] Можно сказать, что эффективность восприятия населением и дальнейшего существование политических партий в стране будет зависеть от организации их деятельности, которая должна быть направлена на реализацию интересов общества и развитие инновационных форм политического участия.

Здесь следует отметить, что к инновационным формам политического участия в первую очередь следует отнести, например, праймериз, сетевые голосования, партийные рейтинги, виртуальные приемные политических партий, проведение онлайн-опросов и др. Применение подобных передовых технологий позволит превратить современные политические партии в действующий инструмент волеизъявления народа.

Библиографический список.

1. Выборы в Госдуму 2026: рейтинги партий и прогнозы экспертов / Газета.ру // https://www.gazeta.ru/politics/23376769/vybory-2026-rejtingi-prognozy.shtml
2. Доминанты. Поле мнений. № 031(581). – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_192427/ (дата обращения: 17.09.2026)
3. Кишаковская О.Г. Эффективность политических партий, как основа их функционирования: методология проблемы / Актуальные проблемы политической теории и практики // Официальный сайт ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет». Доступ: https://science.vvsu.ru/ (проверено: 11.07.2025)

4. Нужны ли новые партии? – Режим доступа: https://fom.ru/Politika/10296 (дата обращения: 17.09.2026)
5. Политические партии в России / База данных ФОМ. Доступ: https://bd.fom.ru/report/cat/polit/pol_par/d071424 (проверено: 03.08.2025)
6. Рейтинг доверия политикам, оценки деятельности государственных институтов, отношения к партиям. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-01082025 (дата обращения: 12.09.2026)
7. Роль партий в жизни страны / База данных ФОМ. – Режим доступа: https://bd.fom.ru/report/cat/polit/polypar/dd043811 (дата обращения: 17.09.2026)
8. Сколько партий нужно в России? – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-partij-nuzhno-rossii (дата обращения: 17.09.2026)
9. Шапошникова Е.А. Место политических партий в системе современного политического рынка России // Постсоветский материк. 2022. №3 (35). С. 4-12.
10. Шапошникова Е.А. Применение различных избирательных систем в Российской практике // Обозреватель. 2015. №4 (303). С. 94-102.

Шапошникова Евгения Александровна
кандидат политических наук, доцент
доцент кафедры государствоведения, социальной политики и глобальных процессов
Российский государственный социальный университет
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4 стр. 1,
Российская Федерация

Оценка уровня доверия населения политическим партиям

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия населением политических партий и возможностям их трансформации в действенный институт народовластия. Основное содержание работы представляет политологический анализ социологических исследований, направленный на отношения граждан к политическим партиям, а также на определение уровня доверия населения политическим партиям в Российской Федерации. В результате анализа эмпирических данных, представленным ФОМ и ВЦИОМ, а также выведенных теоретических выводов автором сформулирована гипотеза, что сохранить партии как функциональный политический институт в России представляется возможным при реализации условии их сущностной трансформации.

Ключевые слова: государство, партии, опрос, респонденты, выборы, электорат.

Evgenia Aleksandrovna Shaposhnikova
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of State Studies, Social Policy and Global Processes Russian State Social University
129226, Moscow, Wilhelm Pieck Street, Building 4, Building 1
Russian Federation

Assessment of the level of public trust in political parties

Annotation. The article is devoted to studying the population's perception of political parties and the possibilities of transforming them into an effective institution of popular sovereignty. The main focus of the work is a political science analysis of sociological studies aimed at examining citizens' attitudes towards political parties, as well as at determining the level of public trust in political parties in the Russian Federation. Based on the analysis of empirical data provided by FOM and VTsIOM, as well as on the theoretical conclusions drawn by the author, a hypothesis has been formulated that it is possible to preserve parties as a functional political institution in Russia if certain conditions for their substantive transformation are met.

Keywords: state, parties, survey, respondents, elections, electorate.

В 2007 г. при изучении общественного мнения относительно значения политических партий для населения страны Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) были сделаны выводы о неэффективности партий в России, непродуктивности их работы для страны, отсутствии результатов деятельности партий и т.д. [7]

В результате проведенного ФОМ социологического исследования [7], партии характеризовались неэффективностью и бездействием (около 11%), «обвинялись» респондентами в паразитизме и расточительстве (около 7%), безразличии к людям (около 6%), корыстолюбии (около 6%), лживости (около 3%) и т.д.

24% респондентов полагали, что конкуренция между политическими партиями приносит стране больше пользы (респонденты связывали достоинства политических партий с конкуренцией, реализацией партиями института демократии через соперничество, с возможностью принятия объективных решений по итогам межпартийных споров и др.); 46% респондентов высказались, что в соперничестве между партиями больше вреда (только среди обладателей высшего образования сторонников этих точек зрения примерно поровну – 39% и 41% соответственно).

Данная ситуация с недоверием политическим партиям существует в стране уже долгое время - люди не доверяют не только партиям, но и власти, политикам, государству в целом. Недоверие к партиям с момента проведения опроса в 2007 г. только росло, на фоне чего рос электоральный рейтинг В.В. Путина (в должности и Президента, и Председателя Правительства): около 73-75%, рейтинг «Единой России» составил 53%, КПРФ - 8%, ЛДПР – 4-5%, Справедливой России – 3-4%.[2]

Несмотря на низкий уровень доверия всем политическим партиям рейтинг «партии власти» оставался высоким на протяжении всех последующих лет (но все же отличался от результатов партии на выборах в Государственную Думу). Остальные партии показывали снижение уровня доверия к ним со стороны населения.

Вопросы партийной трансформации не теряют своей актуальности уже долгие годы. Однако в настоящее время в условиях информатизации современного общества, развития электронных механизмов выражения населением своего мнения и появления новых методов взаимодействия власти и общества, вопрос функционирования партий как инструмента представительства интересов населения является поистине актуальным.

В конце 2023 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал результаты опроса граждан относительно доверия населения политическим партиям и участия в выборах.[3] Результаты проведенного исследования показали, что большой процент респондентов отказываются участвовать в выборах (11,2%) или предпочли бы проголосовать

за непарламентские партии (9,9%). Данный факт подтверждает обусловленность партийных предпочтений избирателей выражением протеста против партии власти и невозможностью адекватно выразить свои политические предпочтения.

Следовательно, отношение респондентов к политическим партиям не меняет отрицательной направленности более двадцати лет, независимо от попыток партийного реформирования, - население не видит в политических партиях институт, способный представлять интересы граждан в органах власти.

В соответствии с результатами современных социологических исследований политические партии полностью утратили функцию представительства общественных интересов, занимая все более низкие позиции в рейтинге доверия населения. В соответствии с результатами социологических опросов, партии не вызывают доверия у населения и не рассматриваются как рабочий инструмент реализации запросов общества. Результаты опросов населения демонстрируют незаинтересованность электората в политических партиях, недоверие им, непринятие партий как выразителя общественных интересов. Современные партии не являются институтами, связывающими общество с институтами власти.[4]

Большинство опрошенных отмечают, что партии не приносят никакой пользы для государства и общества, межпартийная борьба мешает власти эффективно работать, партии не выражают интересы социальных групп и, следовательно, не несут никакой смысловой нагрузки в государстве. Политические партии не рассматриваются населением как носители определённой идеологии или как средство представительства общественных интересов.

В то же время значительное количество респондентов отмечает, что в силу того, что партии являются для граждан привычным политическим институтом, отказываться от них нельзя, а «роль партий в жизни страны должна быть более значительной, чем сейчас».[1] Но в результате неспособности выражать интересы людей, незаинтересованность в партиях растет, а граждане не видят смысла в деятельности современных партий.

Таким образом, ответы респондентов демонстрируют, что партии обладают возможностью существования в стране, но они должны пройти путь трансформации в соответствии с актуальными общественными потребностями.

Чтобы партии могли продолжить свое существование, они должны стать принципиально отличающимися от своей классической формы политическими организациями с востребованной современным обществом организационной структурой, механизмами реализации интересов социальных групп и инновационными возможностями политического участия.

К инновационным возможностям политического участия в первую очередь следует отнести современные инструменты сетевой демократии,

которые в настоящее время стремительно развиваются: праймериз, интернет-голосование, виртуальные приемные политических партий, проведение онлайн-опросов и др.

Применение передовых технологий позволит совершить шаг на пути к развитию сетевой демократии и сделать партии ближе к актуальным потребностям населения, их запросам, а партийную деятельность более современной и близкой к избирателям.

Отдельно следует отметить и эффективное применение избирательных систем. Как показал опыт Германии, не только в политической теории, но и в избирательной практике существуют такие разновидности избирательных систем, которые позволяют удовлетворить потребности избирателей голосовать за конкретных кандидатов. Это, например, смешанные разновидности пропорциональной избирательной системы, такие как персонифицированная пропорциональная система.[5. С. 6] Напомним, что пропорциональная система выполняет важную задачу: она предоставляет возможность любой политической партии быть представленной в законодательном органе, а избирателям – получить своих представителей во власти. А благодаря своим достоинствам и, несмотря на имеющиеся недостатки, данная система приобретает все большую популярность и распространенность в мировой политической практике.[6. С. 225]

Библиографический список.

1. Доминанты. Поле мнений. № 031(581). Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_192427/ (дата обращения: 11.08.2025)
2. Доверие институтам власти / Опросы «ФОМнибус»: 23-24 июля, 30-31 июля, 6-7 августа. Каждый опрос: 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов // Официальный сайт Фонда Общественное мнение (ФОМ). Режим доступа: https://bd.fom.ru/pdf/d32div11.pdf (дата обращения: 05.08.2026)
3. Рейтинги доверия политикам, оценки работы президента и правительства, поддержка политических партий, 13.10.2023 // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-13102023 (дата обращения: 05.08.2025)
4. Кишаковская О.Г. Эффективность политических партий, как основа их функционирования: методология проблемы / Актуальные проблемы политической теории и практики // Официальный сайт ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет». Режим доступа: https://science.vvsu.ru/ (дата обращения: 11.07.2025)
5. Шапошникова Е.А. Применение персонифицированной системы в выборных кампаниях (актуальность немецкого опыта для современной

российской практики) // Вестник Московского областного университета. 2015. №1. С. 6.

6. Шапошникова Е.А. Система выборов по партийным спискам: к теоретической основе понятия // Вестник Московского областного университета. 2011. №3. С. 221-226.

7. ФОМ. Базы данных. Политические партии в России. – Режим доступа: https://bd.fom.ru/report/map/d071424 (дата обращения: 17.09.2026)

Психологические науки

УДК 159.9:004

Волосникова А. В., студент кафедры «Информационные системы и цифровые технологии» ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
Россия, Москва
Научный руководитель: Ребро О.В., старший преподаватель кафедры «Педагогика и психология профессионального образования» ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
Россия, Москва
Volosnikova A.V., Student of the Department of Information Systems and Digital Technologies
Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University)
Russia, Moscow
Academic supervisor: O.V. Rebro, senior lecturer at the Department of 'Pedagogy and Psychology of Professional Education'
Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University)
Russia, Moscow

Информационная перегрузка и её влияние на учебную деятельность студентов: психолого-педагогический анализ и условия преодоления

Information overload and its impact on students' learning: a psychological and educational analysis and ways to overcome it

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационной перегрузки студентов в цифровой образовательной среде. Цель исследования – выявить особенности информационной перегрузки и определить ее связь с показателями учебной деятельности и эмоционального состояния. Для этого были проанализированы научные исследования по вопросам когнитивной нагрузки, цифровой многозадачности и саморегуляции, а также проведен опрос 42 студентов с использованием авторской анкеты и методики оценки тревожности. Результаты показали, что у 42,9% участников выявлен высокий уровень информационной перегрузки. Она связана с трудностями выполнения

учебных заданий, снижением мотивации, а также повышением уровня тревожности и усталости. Таким образом, информационная перегрузка может рассматриваться как фактор, связанный с особенностями учебной деятельности и эмоциональным состоянием студентов.

Ключевые слова: информационная перегрузка, цифровая образовательная среда, учебная деятельность, когнитивная нагрузка, саморегуляция, цифровая гигиена.

Annotation. The article looks at the problem of information overload among students in a digital learning environment. The aim of the study is to identify the characteristics of information overload and to determine its connection with academic performance and emotional well-being. To do this, scientific studies on cognitive load, digital multitasking, and self-regulation were analyzed, and a survey of 42 students was conducted using a custom questionnaire and an anxiety assessment method. The results showed that 42.9% of participants had a high level of information overload. This was linked to difficulties in completing academic tasks, decreased motivation, and increased levels of anxiety and fatigue. Thus, information overload can be considered a factor related to the specifics of students' academic activities and emotional state.

Key words: information overload, digital learning environment, learning activity, cognitive load, self-regulation, digital hygiene.

Введение

Цифровые технологии стали частью учебной деятельности студентов. Учебные материалы, задания и сообщения поступают через несколько цифровых каналов, что расширяет возможности обучения, но увеличивает объем информации и количество переключений внимания.

При высокой информационной нагрузке могут возникать трудности концентрации, усталость и снижение мотивации, что негативно сказывается на учебной деятельности. Поэтому информационная перегрузка представляет интерес с точки зрения не только организации цифровой образовательной среды, но и особенностей учебной деятельности студентов.

Цель работы – выявить особенности информационной перегрузки студентов и определить ее связь с показателями учебной деятельности и эмоционального состояния.

Теоретический обзор

Информационная перегрузка возникает, когда объем поступающей информации затрудняет ее обработку. Теоретической основой исследования выступает концепция когнитивной нагрузки Дж. Свеллера: возможности

рабочей памяти ограничены, и избыточная информация затрудняет выполнение учебных задач [2].

В цифровой среде проблема усиливается из-за многозадачности: студент одновременно работает с учебным материалом, ищет информацию и переключается между приложениями. Это увеличивает нагрузку на внимание и снижает продуктивность [3].

Значимым фактором является саморегуляция: планирование, распределение времени и контроль отвлекающих факторов. Студенты с развитой саморегуляцией легче справляются с нагрузкой и реже испытывают цифровое выгорание [5]. При этом нагрузка зависит не только от личных особенностей, но и от организации цифровой образовательной среды [1]. Важно понимать, что саморегуляция – это навык, который можно развивать. Обучение приемам планирования и управления вниманием помогает снизить цифровой стресс. К направлениям профилактики относятся цифровая гигиена, структурирование учебного материала и ограничение отвлекающих факторов [4; 6]. Цифровая гигиена предполагает ограничение уведомлений и разделение времени для учебы и отдыха. Структурирование контента включает разделение материала на блоки и четкую навигацию. Также важно формировать у студентов навыки управления вниманием. Это может помочь снизить негативные последствия перегрузки.

Методика и результаты исследования

В исследовании приняли участие 42 обучающихся 1-4 курсов и магистратуры факультета цифровых технологий МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПКУ) разных направлений подготовки. Средний возраст – 20,4 года.

Для оценки информационной перегрузки использовалась авторская анкета «Информационная перегрузка в цифровой образовательной среде», включавшая 4 блока: общие сведения; оценка перегрузки (5 вопросов с ответами «Да/Нет»); влияние на учебу (3 вопроса по 5-балльной шкале); эмоциональное состояние (2 вопроса по 10-балльной шкале). Для оценки тревожности применялась шкала Спилбергера-Ханина. Опрос проводился через Google Forms, данные обрабатывались в Excel.

Средний индекс информационной перегрузки составил 2,83 (SD = 1,73). Низкий уровень выявлен у 18 участников (42,9%), средний – у 6 (14,3%), высокий – у 18 (42,9%).

Средние показатели трудностей при выполнении заданий, снижения мотивации и влияния на успеваемость – 3,21 (SD = 1,10), 3,50 (SD = 1,12) и 3,31 (SD = 1,16) по 5-балльной шкале. Средние показатели тревожности – 5,74 (SD = 2,36), усталости – 7,24 (SD = 2,46) по 10-балльной шкале.

Корреляционный анализ выявил положительные связи перегрузки с трудностями выполнения заданий ($r = 0,72$), снижением мотивации ($r = 0,62$), влиянием на успеваемость ($r = 0,59$), тревожностью ($r = 0,43$) и усталостью ($r = 0,41$), при $p < 0,05$.

Наиболее сильно проявилась связь с трудностями выполнения заданий – это может указывать на сложности сохранения внимания при высокой нагрузке. Результаты соответствуют положениям о роли когнитивной нагрузки и многозадачности в возникновении информационной перегрузки [1–3]. При этом корреляция не доказывает причинно-следственную связь: на учебу и эмоциональное состояние могут влиять и другие факторы.

Психолого-педагогические условия снижения информационной перегрузки

С учетом теоретических положений и результатов исследования можно выделить несколько направлений профилактики.

1. Цифровая гигиена: ограничение необязательных уведомлений, периоды работы без сообщений и разделение времени для учебы и отдыха [4; 6].
2. Развитие саморегуляции: планирование, расстановка приоритетов и контроль отвлекающих факторов [5].
3. Структурирование учебного контента: разделение материала на блоки, четкая навигация, выделение основной информации.
4. Поддерживающая образовательная среда: понятные правила цифровой коммуникации, разумные сроки ответа на сообщения, доступность педагогической и психологической поддержки [6].

Заключение

Исследование показало связь информационной перегрузки с трудностями учебной деятельности и эмоциональным состоянием студентов. Высокий уровень перегрузки выявлен у 42,9% участников.

Результаты не позволяют делать вывод о причинном влиянии перегрузки на учебу и эмоциональное состояние, но подтверждают актуальность дальнейшего изучения проблемы. Перспективные направления профилактики – цифровая гигиена, развитие саморегуляции, структурирование контента и поддерживающая среда.

Ограничение исследования – небольшой объем выборки. В дальнейшем целесообразно увеличить число участников и отдельно изучить перегрузку у студентов разных курсов и направлений.

Библиографический список

1. Карпенко М.Н., Бархатова И.А. Применение системного анализа для выявления и устранения информационных перегрузок у студентов // Системный анализ в науке и образовании. — 2025. — № 3. — С. 113–123.
2. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. — 1988. — Vol. 12, № 2. — Pp. 257–285.
3. Menon A.P., Qureshi S.N., Singh R.P. The Influence of Digital Multitasking on Cognitive Attention and Academic Productivity Among University Students // International Journal of Advanced Multidisciplinary Application (IJAMA). — 2026. — Vol. 3, Issue 2. — P. 18–22. — URL: https://zenodo.org/records/18708268 (дата обращения: 20.09.2026).
4. Digital Distraction Cycle // Garuda. — 2026. — URL: https://garuda.kemdiktisaintek.go.id (дата обращения: 20.09.2026).
5. Миронова А.А., Кружкова О.В., Жданова Н.Е., Косарева А.Ю. Особенности защитного и совладающего поведения студентов в цифровой образовательной среде // Вестник практической психологии образования. — 2026. — Т. 23, № 1. — С. 21–41.
6. Суходаева Т.С. Формирование навыков цифровой гигиены студентов как существенный элемент воспитательной работы в высшей школе // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. — 2022. — № 2 (13). — С. 100–105.

УДК 159.9

Вержиковская Д.С старший преподаватель кафедры психолого-педагогического, специального и эстетического образования
ФГБОУ ВО «Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко»
Россия, Бердянск

Verzhikovskaya D.S.,
Senior Lecturer at the Department of Psychological and Pedagogical, Special and Aesthetic Education, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko",
Russia, Berdyansk

Когнитивный компонент как фактор конкурентоспособности молодого педагога

The cognitive component as a factor of a young teacher's competitiveness

Аннотация. В статье рассматривается когнитивный компонент конкурентоспособности молодого педагога. Уточнено содержание данного компонента, включающее профессиональные знания, способы педагогического мышления, понимание требований профессии, умение анализировать педагогические ситуации и обновлять знания. Систематизированы положения об исследовании конкурентоспособности личности, профессионализма педагога.

Ключевые слова: конкурентоспособность педагога, молодой педагог, когнитивный компонент, профессиональные знания, педагогическое мышление, профессиональная компетентность.

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0016)

Annotation. The article examines the cognitive component of a young teacher's competitiveness. The content of this component is clarified, including professional knowledge, methods of pedagogical thinking, an understanding of the profession's requirements, the ability to analyze pedagogical situations, and to update knowledge. The findings of research on the competitiveness of the individual, the professionalism of teachers.

Keywords: teacher's competitiveness, young teacher, cognitive component, professional knowledge, pedagogical thinking, professional competence.

Изменение требований к содержанию и результатам образования повышает значение конкурентоспособности педагогических кадров. Современные образовательные учреждения нуждаются в специалистах, которые не только владеют учебным предметом и методикой его преподавания, но и способны анализировать профессиональные ситуации, осваивать новые технологии, самостоятельно восполнять дефициты знаний и принимать обоснованные педагогические решения. Поэтому одним из основных факторов конкурентоспособности будущего педагога выступает непосредственно когнитивный компонент.

В исследованиях В. И. Андреева конкурентоспособность связывается со способностью личности к творческому саморазвитию, достижению значимых результатов и эффективной деятельности в изменяющихся условиях [1]. Л. М. Митина рассматривает конкурентоспособность личности через взаимосвязь направленности, компетентности и гибкости [2]. В таком понимании когнитивные характеристики входят прежде всего в профессиональную компетентность, но одновременно связаны с интеллектуальной гибкостью и способностью специалиста перестраивать способы деятельности.

Однако, необходимо отметить, что термин «когнитивный компонент конкурентоспособности педагога» не имеет единого толкования. В одних исследованиях он прямо выделяется в структуре конкурентоспособности будущего учителя, в других - его содержание раскрывается через профессиональную компетентность, педагогическое мышление, гностические умения, готовность к профессиональной деятельности и способность к самообразованию [2–10].

Цель статьи - определить содержание когнитивного компонента конкурентоспособности будущего педагога, систематизировать позиции исследователей и установить различия между данным компонентом у выпускника вуза и молодого педагога.

Конкурентоспособность педагога представляет собой интегративное профессионально-личностное качество, обеспечивающее его востребованность, результативность, адаптивность и способность к дальнейшему развитию. Педагогическая конкурентоспособность проявляется также в способности специалиста соответствовать требованиям образовательной организации, качественно решать профессиональные задачи, осваивать новые функции, проявляя гибкость, но сохранять профессиональную устойчивость в изменяющихся условиях [1; 2].

Когнитивный компонент является интеллектуально-знаниевой составляющей конкурентоспособности педагога. В рамках настоящей статьи под ним понимается система профессиональных знаний, представлений, интеллектуальных способов действий и познавательных стратегий, обеспечивающих понимание педагогической деятельности, анализ профессиональных ситуаций, выбор обоснованных решений и

самостоятельное обновление профессионального знания. Данное определение когнитивного компонента стало возможным благодаря аналитико-компилятивному подходу в изучении различных взглядов исследователей и отражает всю полноту и многогранность термина.

В. И. Андреев трактует конкурентоспособность не как отдельное качество, формируемое однажды, а как результат творческого саморазвития личности [1]. С позиции когнитивного компонента это означает, что специалист должен уметь осознавать профессиональные задачи, проектировать траекторию собственного развития, находить и осваивать новые способы деятельности.

В модели Л. М. Митиной компетентность и гибкость являются важными интегральными характеристиками конкурентоспособной личности [2]. Компетентность предполагает профессиональное знание и владение способами деятельности, а гибкость обеспечивает возможность отказа от неэффективных интеллектуальных и поведенческих шаблонов. Следовательно, конкурентоспособность определяется не только наличием знаний, но и готовностью перестраивать способы их применения.

Н. В. Кузьмина не рассматривает когнитивный компонент именно как элемент конкурентоспособности, однако ее исследования профессионализма педагога позволяют раскрыть содержание этой составляющей. Особое значение имеет гностический компонент педагогической деятельности, предполагающий изучение обучающихся, анализ педагогического процесса, накопление профессиональных знаний и оценку результатов собственной работы [5].

В исследованиях А. К. Марковой профессиональная компетентность рассматривается в тесной взаимосвязи с профессиональным мышлением, саморегуляцией и способностью решать реальные задачи труда [6]. Для анализа конкурентоспособности педагога принципиально важно положение о том, что профессионализм нельзя оценивать только по формальному образованию или стажу. Он определяется качеством деятельности и уровнем развития самого специалиста.

Э. Ф. Зеер показывает, что профессиональное развитие проходит несколько этапов, включая профессиональное обучение и профессиональную адаптацию [7]. На каждом этапе изменяется характер знаний: учебные знания постепенно перестраиваются в практические способы решения профессиональных задач.

Таким образом, когнитивная основа конкурентоспособности педагога в исследованиях раскрывается через профессиональные знания, компетентность, педагогическое мышление, гибкость, способность к анализу и самообразованию.

Когнитивный компонент становится реальным фактором конкурентоспособности только при наличии определенных условий: функциональности знаний, самостоятельности мышления и способности к

постоянному обновлению профессионального опыта. Молодой педагог, который опирается только на текущий опыт и прекращает систематически обновлять знания, также постепенно утрачивает конкурентоспособность. Поэтому одной из задач образовательного учреждения, которое становится наставником и проводником молодого педагога, является передача профессиональных знаний и формирование способности превращать в последствии эти знания в обоснованные, гибкие и результативные педагогические решения.

Библиографический список:

1. Андреев В. И. Конкурентология: учебный курс для творческого саморазвития конкурентоспособности. Казань: Центр инновационных технологий, 2004.
2. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
3. Андрияко Т. Ю. Педагогическая сущность и структура конкурентоспособности будущего учителя // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 19–25.
4. Никулина И. В. Формирование конкурентоспособности будущего педагога: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.08. Самара, 2005.
5. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990.
6. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
7. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
8. Зимняя И. А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
9. Вербицкий А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

УДК 159.9

DOI 10.34755/IROK.2026.38.96.036

Ершова Р.В. д.п.н, профессор
Свиридова М.К., аспирант кафедры
«Психологии и педагогики»
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Россия, Москва
Ershova R.V., PHD, Professor
Sviridova M.K., Postgraduate student of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Peoples' Friendship University of Patrice Lumumba
Russia, Moscow

Критерии эффективности психологических программ развития стрессоустойчивости: многомерная модель оценки результатов
Effectiveness Criteria for Psychological Stress-Resilience Programs: A Multidimensional Model for Outcome Assessment

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ критериев эффективности психологических программ, направленных на развитие стрессоустойчивости. Обосновывается необходимость разграничивать непосредственные изменения психического состояния, преобразования регуляторных процессов и изменения адаптивного функционирования в условиях стрессовой нагрузки. Предлагается рассматривать эффективность программы в трех взаимосвязанных измерениях: психологической глубины результата, его временной устойчивости и контекстуальной генерализации. Снижение тревожности, напряжения или улучшение субъективного состояния характеризует непосредственный эффект воздействия, но само по себе не свидетельствует о развитии стрессоустойчивости. Изменение способов саморегуляции отражает регуляторные преобразования, тогда как наиболее строгим результатом является сохранение адаптивного функционирования при последующей нагрузке и восстановление после нее. Временная устойчивость и перенос рассматриваются как характеристики доказательности эффекта. Показано значение данной модели для оценки программ с использованием виртуальной реальности и анализа индивидуально-психологических различий.

Ключевые слова. стрессоустойчивость, эффективность психологической программы, саморегуляция, устойчивость эффекта, перенос, виртуальная реальность.

Annotation. The article presents a theoretical analysis of the criteria for the effectiveness of psychological programs aimed at developing stress resilience. It substantiates the need to distinguish between immediate changes in mental state, transformations in regulatory processes, and changes in adaptive functioning under stress. The authors propose evaluating program effectiveness across three interconnected dimensions: the psychological depth of the outcome, its temporal stability, and contextual generalization. While reductions in anxiety or tension or improvements in subjective well-being characterize the immediate impact of an intervention, they do not in themselves indicate the development of stress resilience. Changes in self-regulation strategies reflect regulatory transformations, whereas the most rigorous indicator of success is the maintenance of adaptive functioning during subsequent stress exposure and the subsequent recovery process. Temporal stability and transfer are viewed as key characteristics for validating the effect. The article also highlights the model's significance for evaluating virtual reality-based programs and analyzing individual psychological differences.

Key words. stress resilience, effectiveness of the psychological program, self-regulation, sustainability of the effect, transfer, virtual reality.

Оценка эффективности психологической программы не сводится к установлению факта положительного изменения состояния непосредственно после воздействия. Снижение тревожности, эмоционального напряжения или субъективного дискомфорта может быть значимым результатом психологической помощи, однако такой результат характеризует прежде всего актуальную реакцию человека и не тождествен формированию устойчивого способа реагирования на стресс. Методологическая проблема возникает тогда, когда изменение состояния, преобразование способов регуляции и сохранение адаптивного функционирования при нагрузке рассматриваются как взаимозаменяемые показатели эффективности.

Данное разграничение особенно существенно для программ развития стрессоустойчивости. Саморегуляция рассматривается как ресурс целенаправленной активности и эффективного функционирования при повышенных психологических требованиях [4]. Вместе с тем стрессоустойчивость представляет собой более широкую характеристику, связанную со способностью сохранять или восстанавливать адаптивное функционирование при воздействии стрессора.

Проблема приобретает дополнительное значение при оценке релаксационных практик и программ с использованием виртуальной реальности. Исследования применения ВР показывают возможность снижения тревожности, напряжения и улучшения субъективного состояния [2; 3]. Однако непосредственный релаксационный эффект ещё не даёт достаточных оснований для вывода о развитии стрессоустойчивости. Необходимо установить, сопровождается ли воздействие изменением

регуляторных процессов, сохраняются ли полученные изменения во времени и проявляются ли они за пределами исходной ситуации.

Цель статьи состоит в теоретическом обосновании системы критериев эффективности психологических программ развития стрессоустойчивости, позволяющей разграничить непосредственные, регуляторные и адаптационные результаты воздействия, а также учитывать их временную устойчивость и контекстуальную генерализацию.

Психологическая глубина результата

Первое измерение эффективности связано с психологическим содержанием обнаруживаемого изменения. Целесообразно разграничивать три уровня: изменение актуального состояния, изменение регуляторных процессов и изменение адаптивного функционирования в условиях стрессовой нагрузки. Эти уровни связаны между собой, но не являются взаимозаменяемыми.

На уровне актуального состояния оцениваются тревожность, эмоциональное напряжение, настроение, субъективное самочувствие и, при соответствующем дизайне исследования, показатели физиологической активации. Такие переменные чувствительны к непосредственному воздействию и позволяют установить, произошло ли изменение состояния в ходе или сразу после программы. Исследования ВР демонстрируют возможность подобных кратковременных изменений при использовании релаксационных сценариев [2; 3]. Однако снижение тревожности непосредственно после воздействия корректно интерпретировать как свидетельство изменения состояния, но не как достаточное доказательство развития стрессоустойчивости.

Следующий уровень связан с регуляторными процессами. Предметом оценки становятся способы управления состоянием и деятельностью, способность планировать и контролировать действия, перестраивать поведение, регулировать внимание и эмоциональные реакции. Осознанная саморегуляция рассматривается как ресурс психологического функционирования при хроническом стрессе [5], а данные психологического тренинга свидетельствуют о возможности изменения отдельных параметров саморегуляции в результате специально организованного воздействия [1]. Регуляторный результат характеризует уже не только субъективное состояние после занятия, но и изменение способов организации собственной активности. Вместе с тем изменение отдельных регуляторных характеристик также не следует автоматически интерпретировать как сформированную стрессоустойчивость.

Наиболее непосредственно с содержанием стрессоустойчивости связан третий уровень: адаптивное функционирование при стрессовой нагрузке и восстановление после неё. Здесь оценивается способность человека сохранять организованность деятельности, регулировать эмоциональные реакции и

восстанавливать функционирование после завершения нагрузки. Критерием становится не отсутствие напряжения, а качество функционирования в ситуации, требующей регуляторных усилий.

Если изменение состояния является целью конкретного вмешательства, оно представляет самостоятельную ценность. Однако при заявленной цели развития стрессоустойчивости такой результат имеет иной доказательный статус и не заменяет оценки регуляторных и адаптационных изменений.

Временная устойчивость эффекта

Второе измерение эффективности связано с временной перспективой. Один и тот же психологический показатель имеет различный интерпретационный вес в зависимости от момента его измерения. Изменение непосредственно после занятия отражает актуальный эффект; сохранение динамики после серии занятий позволяет говорить о более продолжительном результате; повторное обнаружение изменений после завершения программы свидетельствует о большей устойчивости эффекта.

Временная устойчивость особенно важна для программ, направленных не только на восстановление текущего состояния, но и на изменение способов реагирования на будущую нагрузку. Если положительная динамика исчезает сразу после прекращения воздействия, она не может служить достаточным основанием для вывода о сформированном устойчивом результате.

Поэтому оценка эффективности должна, насколько возможно, включать несколько временных точек: исходное измерение, оценку непосредственного результата и отсроченное измерение после завершения программы. Это позволяет отделить реакцию на воздействие от изменений, сохраняющих относительную устойчивость.

При этом временная устойчивость не образует самостоятельный четвёртый уровень результата. Она характеризует качество и доказательность изменений, обнаруженных на каждом из психологических уровней. Может сохраняться улучшение эмоционального состояния, могут устойчиво изменяться регуляторные процессы, наконец, может сохраняться более эффективное функционирование при нагрузке. Следовательно, временной критерий необходимо анализировать в связи с содержанием самого результата.

Контекстуальная генерализация и перенос

Третье измерение связано с контекстуальной генерализацией результата. Положительный эффект, наблюдаемый только в условиях, максимально сходных с ситуацией обучения или воздействия, ещё не означает, что соответствующий способ реагирования будет использоваться в новых обстоятельствах.

Проблема переноса широко рассматривается в исследованиях обучения. Сам факт успешного освоения определённого способа поведения не гарантирует его последующего применения за пределами исходного контекста [6]. Поэтому при оценке психологических программ необходимо различать

результат внутри ситуации воздействия и его проявление при изменении условий.

Наиболее близкий вариант генерализации предполагает сохранение результата в ситуации, сходной с исходной. Более строгий критерий связан с проявлением результата в условиях, отличающихся от тренировочных. Наибольшую экологическую значимость имеет сохранение адаптивного функционирования в естественных стрессовых ситуациях, где отсутствуют инструкция, специально организованная поддержка и другие элементы исходного контекста.

Перенос следует рассматривать не как автоматическое следствие обучения, а как характеристику доказательности достигнутого результата. При этом необходимо учитывать психологическое содержание переносимого эффекта. Перенос кратковременного улучшения состояния и перенос устойчивого изменения способов регуляции представляют собой разные по значению результаты. Ещё более строгий вывод связан с проявлением адаптивного функционирования при новой стрессовой нагрузке.

Многомерная модель оценки эффективности

Предложенные критерии позволяют рассматривать эффективность программ развития стрессоустойчивости как многомерный результат. Первое измерение отражает психологическое содержание изменения: актуальное состояние, регуляторные процессы или адаптивное функционирование. Второе характеризует временную устойчивость: непосредственный, сохраняющийся или отсроченный эффект. Третье отражает контекстуальную генерализацию: проявление результата в исходной, сходной или новой стрессовой ситуации.

Данные измерения не следует механически складывать в единый показатель. Их задача состоит в уточнении того, какое именно утверждение об эффективности позволяет сделать конкретный дизайн исследования.

Например, снижение тревожности непосредственно после воздействия подтверждает наличие эмоционального эффекта. Сохранение этого изменения через определённый период усиливает вывод о его временной устойчивости, но ещё не доказывает изменения стрессоустойчивости. Если одновременно обнаруживаются изменения способов саморегуляции и более эффективное функционирование при последующей нагрузке, основания для такого вывода становятся существенно сильнее.

Таким образом, доказательность результата определяется соответствием показателя заявленной цели программы. Чем ближе оцениваемая переменная к адаптивному функционированию при стрессовой нагрузке, чем дольше сохраняется изменение и чем меньше оно зависит от исходной ситуации воздействия, тем больше оснований рассматривать результат как свидетельство развития стрессоустойчивости.

Оценка программ с использованием виртуальной реальности

Многомерная модель особенно значима при интерпретации результатов программ с использованием виртуальной реальности. ВР позволяет создавать стандартизированные условия воздействия и повторной практики, а релаксационные виртуальные сценарии могут сопровождаться снижением тревожности, напряжения и улучшением субъективного самочувствия [2; 3].

Однако критерий эффективности должен определяться не самим фактом использования технологии, а характером и устойчивостью полученного психологического результата. Если после ВР-сеанса снижается тревожность, можно говорить о непосредственном эффекте на состояние. Если после курса изменяются способы регуляции, речь идёт о регуляторном результате. Если изменения сохраняются после завершения программы, появляется основание говорить о временной устойчивости. Если человек демонстрирует более адаптивное функционирование при новой стрессовой нагрузке вне виртуального контекста, появляется более строгое основание обсуждать генерализацию результата.

Такой подход позволяет избежать отождествления кратковременной релаксации с развитием стрессоустойчивости, не обесценивая при этом непосредственный эффект ВР как самостоятельный результат и возможный компонент более продолжительной программы [2; 3].

Следовательно, при оценке ВР-программ необходимо учитывать, какой психологический результат получен, насколько он устойчив и проявляется ли за пределами виртуального контекста. Это позволяет корректно соотнести технологию, психологический механизм и конечный результат.

Индивидуальные различия и вариативность эффективности

Предложенное разграничение имеет значение и для анализа индивидуально-психологических различий. Один и тот же метод может сопровождаться неодинаковыми результатами у разных участников, однако связь определённой личностной характеристики с одним компонентом эффекта не позволяет автоматически считать её предиктором общей эффективности программы или развития стрессоустойчивости.

Личностные характеристики целесообразно рассматривать как потенциальные источники вариативности отдельных компонентов результата: непосредственной реакции на воздействие, изменения регуляторных процессов, сохранения эффекта или его переноса. Такой подход позволяет избежать чрезмерно широких выводов о роли личности в эффективности психологической программы.

Так, связь добросовестности с обучением и переносом, показанная Huang и Bramble [7], даёт основания рассматривать данную характеристику как потенциально значимую для отдельных компонентов устойчивого результата, но не как заранее доказанный фактор стрессоустойчивости.

Для более сильного вывода необходимо установить, с каким именно компонентом эффективности связана личностная характеристика и сохраняется ли эта связь при оценке отсроченного и генерализованного

результата. Тем самым многомерная модель позволяет соотносить личностную характеристику не с абстрактной «эффективностью вообще», а с конкретным психологическим результатом.

Заключение

Эффективность психологических программ развития стрессоустойчивости не может быть установлена на основании единственного показателя или одной временной точки. Её оценка требует разграничения психологического содержания изменений, их временной устойчивости и способности проявляться за пределами исходной ситуации воздействия.

Непосредственное улучшение эмоционального состояния свидетельствует о реактивном эффекте программы; изменение способов саморегуляции отражает регуляторные преобразования; сохранение адаптивного функционирования при последующей стрессовой нагрузке и восстановление после неё наиболее непосредственно соответствуют содержанию стрессоустойчивости. Временная устойчивость и контекстуальная генерализация усиливают доказательность каждого из этих результатов.

Для программ с применением виртуальной реальности данная модель препятствует отождествлению кратковременного релаксационного эффекта с развитием стрессоустойчивости, одновременно позволяя рассматривать изменение состояния как самостоятельный результат [2; 3]. При анализе индивидуальных различий необходимо устанавливать, с каким именно компонентом эффективности связана личностная характеристика, не распространяя частную связь на весь процесс формирования устойчивого результата [7].

Таким образом, эффективность программы развития стрессоустойчивости целесообразно рассматривать как многомерный результат, характеризующийся определённым психологическим содержанием, временной устойчивостью и способностью генерализоваться за пределы исходного контекста. Данная модель создаёт основу для более точного планирования исследований и корректного соотнесения полученных результатов с заявленной целью психологического воздействия.

Библиографический список:

1. Дивеев Д.В., Морозова И.С. Позитивные трансформации параметров саморегуляции студентов с различным уровнем интернальности средствами психологического тренинга // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2021. Т. 38. С. 22-35.

2. Косоногов В.В., Ефимов К.В., Рахманкулова З.К., Зябрева И.А. Обзор психофизиологических и психотерапевтических исследований стресса с помощью технологий виртуальной реальности // Журнал высшей нервной

деятельности им. И.П. Павлова. 2022. Т. 72. № 4. С. 487-503. DOI: 10.31857/S0044467722040062

3. Лепилкина Т.А., Бениашвили А.Г., Стародубова А.В. [и др.]. Виртуальная реальность для релаксации: типология и факторы эффективности // Современная терапия психических расстройств. 2024. № 1. С. 32-42. DOI: 10.21265/PSYPH.2024.27.29.004

4. Моросанова В.И., Кондратюк Н.Г., Гайдамашко И.В. Надежность осознанной саморегуляции как ресурс достижения целей в профессиях высокого риска // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 1. С. 77-95. DOI: 10.11621/vsp.2020.01.05

5. Моросанова В.И., Фомина Т.Г. Хронический стресс и его влияние на психологическое благополучие современных студентов: ресурсная роль осознанной саморегуляции и оптимизма // Психологическая наука и образование. 2026. Т. 31. № 1. С. 20-35.

6. Blume B.D., Ford J.K., Baldwin T.T., Huang J.L. Transfer of Training: A Meta-Analytic Review // Journal of Management. 2010. Vol. 36. No. 4. P. 1065-1105. DOI: 10.1177/0149206309352880

7. Huang J.L., Bramble R.J. Trait, state, and task-contingent conscientiousness: Influence on learning and transfer // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 92. P. 180-185. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.043

УДК 159.922.7

Белова А.С., магистрант
ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»
Россия, Омск
Научный руководитель: Чернявская Е.А.,
канд. психол. наук, доцент

Анализ факторов, обуславливающих повышение личностной тревожности у подростков

An Analysis of the Factors Contributing to Increased Trait Anxiety in Adolescents

Аннотация: В статье представлен анализ факторов, обуславливающих повышение личностной тревожности в подростковом возрасте. Цель работы – систематизация исследовательских данных о природе и причинах данного феномена. Проанализированы психофизиологические факторы; факторы, связанные со школой и образовательным процессом; с внутриличностным конфликтом и самооценкой; с межличностным общением. Отдельное внимание уделено влиянию определённых стилей семейного воспитания (гиперопека, воспитание в условиях повышенной моральной ответственности) на закрепление тревожности как устойчивого личностного образования. Обоснована амбивалентность факторов и необходимость индивидуально-дифференцированного подхода. Работа носит обзорно-аналитический характер, систематизирует разрозненные исследовательские данные и предназначена для исследователей в области возрастной психологии и педагогов-психологов. Результаты могут быть использованы при разработке программ психопрофилактики и психокоррекции тревожных состояний у подростков, а также в практике психологического консультирования семьи и школы.

Ключевые слова: тревожность, личностная тревожность, подростковый возраст, факторы тревожности, школьная успешность, самооценка, межличностные отношения, стили воспитания.

Annotation: The article presents an analysis of the factors causing an increase in personal anxiety in adolescence. The aim of the work is to systematize research data on the nature and causes of this phenomenon. Psychophysiological factors are analyzed; factors related to school and the educational process; to intrapersonal conflict and self-esteem; to interpersonal communication. Special attention is paid to the influence of certain parenting styles (overprotection, excessive demands) on the consolidation of anxiety as a stable personality formation. The ambivalence of the factors and the need for an individually differentiated approach are substantiated. The work is of a review-analytical nature, systematizes disparate research data, and is intended for researchers in the field of developmental psychology and educational psychologists. The results can be used in the development of programs for the

psycho-prevention and psycho-correction of anxiety states in adolescents, as well as in the practice of psychological counseling for families and schools.

Key words: anxiety, trait anxiety, adolescence, anxiety factors, school performance, self-esteem, interpersonal relationships, parenting styles.

Подростковый возраст традиционно рассматривается в психологии как период повышенной эмоциональной уязвимости. Одним из наиболее распространённых и клинически значимых феноменов данного возраста является личностная тревожность. Тревожность характеризуется А.М. Прихожан как эмоционально-личностное образование, которое, как всякое сложное психологическое образование, имеет когнитивный, эмоциональный и операциональный аспекты [6]. Личностную тревожность Е.Е. Ромицына рассматривает как черту личности, проявляющуюся в постоянной склонности к переживаниям тревоги в самых различных жизненных ситуациях, в том числе и таких, которые объективно к этому не располагают [8].

Тревожные состояния имеют в своей основе различный генез и обусловлены множеством причин.

Опираясь на исследования А.М. Прихожан, рассмотрим основные группы факторов, способствующих повышению тревожности: факторы, связанные со школой и образовательным процессом, самооценкой, межличностными взаимоотношениями. Помимо названных, считаем необходимым рассмотреть влияние определённых типов семейного воспитания, способствующих повышению личностной тревожности, и психофизиологические факторы, которые также могут являться причиной формирования тревожности.

Перейдем к рассмотрению психофизиологических факторов.

А.Н. Нехорошкова и И.Л. Большевидцева делают акцент на характерной для подросткового возраста гормональной перестройке, которая ведёт за собой активные анатомо-физиологические изменения в организме подростка и влияет на его психоэмоциональный фон. Как отмечает автор, из-за избыточной активности гипоталамуса и гипофиза нарушается связь между глубинными отделами мозга и его корой, что приводит к неустойчивости всей нервной системы. Это проявляется в том, что подросток становится более возбудимым, эмоционально неустойчивым и склонным к тревоге. Так, состояние повышенной возбудимости ЦНС в подростковом возрасте способно спровоцировать тревожные нарушения и при наличии неблагоприятных средовых условий может закрепить тревожность как личностную черту. Согласно исследованиям авторов, дисбаланс нейромедиаторов (серотонина, дофамина) и особенности функционирования миндалевидного тела могут быть врожденной основой повышенной тревожности [9].

К.В. Першина отмечает, что предпосылкой возникновения тревожности является также повышенная чувствительность (сензитивность). В подростковом возрасте сензитивность обостряется из-за гормональных

изменений и активного социального становления. Поэтому даже нейтральные замечания или взгляды сверстников могут восприниматься подростком как угроза, вызывая необоснованную тревогу [4].

Рассмотрим факторы, связанные со школой и образовательным процессом. Большую часть времени подростки проводят в образовательном учреждении, в связи с чем невозможно отрицать влияния школьной успешности и характера взаимоотношений между участниками образовательного процесса на психологическое состояние подростка. При этом чувство тревоги свойственно не только для учащихся с низкой успеваемостью, но и тех, кто учится на «хорошо» и «отлично», добросовестно выполняя учебные и общественные поручения. Между тем, внешнее благополучие даётся им чрезмерно высокой ценой и может обернуться нервными срывами, особенно в ситуациях внезапного усложнения задач. Т.М. Параничева замечает, что у детей с хорошей успеваемостью наблюдаются ярко выраженные вегетативные реакции, неврозы и психосоматические расстройства [3].

С.А. Кириллина обращает внимание на то, что тревожность, связанная с компонентами школьного образовательного процесса, вызывает волнение, повышенное беспокойство на уроке и в школе в целом, ожидание плохого отношения к себе, отрицательных оценок со стороны педагогов, сверстников. В результате школьник ощущает свою неполноценность, не уверен в правильности своего поведения, своих решений [1].

Как отмечает И.В. Старшинина, у некоторых подростков тревожность может быть связана со страхом публичных выступлений: это могут быть как сообщения на уроках или на классных собраниях или даже просто выходы к доске, так и участие в школьных мероприятиях и концертах. Особенно это характерно для тех подростков, кому ранее уже приходилось переживать за свои неудачные выступления. Автор акцентирует внимание на том, что для подростков свойственны частые рассуждения о будущем, поскольку им предстоит выбор профессии и поступление в вуз. Так как в возрасте 15-16 лет на плечи подростка ложится груз ответственности за свои дальнейшие действия, которые определят его будущую жизнь, он может концентрироваться на определённых, тревожащих его мыслях, вызывающих постоянное ощущение тревоги [10].

Далее рассмотрим факторы, связанные с самооценкой. В этом случае источником тревожности выступает внутриличностный конфликт, обусловленный заниженной самооценкой своей успешности в разных видах деятельности.

Согласно концепции Э.Х. Эриксона, центральным психологическим новообразованием подросткового возраста является формирование идентичности. Кризис идентичности, сопровождающийся рассогласованием между реальным и идеальным «Я», порождает хроническое эмоциональное напряжение [12].

Анализируя причины возникновения тревожности у подростков, Н.Э. Солынин и Е.П. Лебедева приходят к выводу, что уровень самооценки подростка напрямую влияет на возникновение тревожности: фрустрация потребности устойчивого удовлетворительного отношения к себе, чаще всего связанная с нарушениями отношений со значимыми другими, и низкий уровень самооценки способствуют повышению тревожности [10].

Х. Ремшмидт отмечает, что сравнение подростками себя со сверстниками может вызвать тревожность и даже привести к хроническим неврозам [7].

Согласно исследованиям П.Н. Параничевой, страх самовыражения возникает почти у 40% подростков (подавляющее большинство – девочки), который связан с низкой самооценкой, соперничеством, стереотипами в поведении, подражательностью, из-за которой и складываются различные опасения и страхи, в результате чего подростки начинают испытывать переживания и дополнительные стрессы [3].

И.В. Старшинина подчёркивает, что очень часто причиной повышенной тревожности у подростков может стать чрезмерная обеспокоенность своей внешностью. Так, например, многие подростки могут испытывать беспокойство, и даже комплексовать по поводу своего роста: девочки боятся оказаться слишком высокими, мальчики – слишком низкими. Также к причинам, вызывающим тревожность у подростков, можно отнести юношеские угри, избыточный или, наоборот, недостаточный вес [11].

Перейдём к факторам, связанным с проблемами в межличностных взаимодействиях. А.М. Прихожан констатирует, что причиной возникновения подростковой тревожности становятся неудачи в общении со сверстниками [6].

О.О. Морозова отмечает, что определяющим мотивом деятельности подростка является стремление быть принятым в коллективе сверстников. Отношения с ними определяют его поведение и интересы. Если в этой сфере всё благополучно, подросток чувствует себя уверенно. Если возникают проблемы, часто развивается застенчивость – самая типичная коммуникативная трудность в этом возрасте. Такие подростки более замкнуты, хуже управляют своим поведением в общении, чаще испытывают тревогу. Автор замечает, что в таком случае «происходит рассогласование самооценки и оценки, полученной от других, особенно значимых, людей, что становится новым источником тревожности» [2, с. 174].

С.А. Кириллина к ситуациям межличностного взаимодействия, вызывающим тревогу у подростков, относит ситуации, связанные с социальной оценкой сверстниками и взрослыми [1].

Х. Ремшмидт подчёркивает, что в этом возрасте особенно сильно проявляется стремление подражать сверстникам, а мнение одноклассника или ровесника нередко оказывается весомее, чем авторитет родителей или учителей. Подобное внутреннее противоречие, с одной стороны, побуждает

школьников постоянно стремиться к успеху, а с другой – мешает адекватно его оценивать, порождая устойчивое чувство неудовлетворённости, нестабильности и внутреннего напряжения. В итоге это ведёт к гипертрофированному, фактически не насыщаемому стремлению к достижениям [7].

И.В. Старшинина отмечает, что в старшем подростковом возрасте более актуальным и значимым становится опыт близких отношений, интимно-личностное общение со сверстниками. Источником тревожности, в связи с этим, чаще всего становится страх быть отвергнутым объектом своей привязанности [11].

Определённое семейное воспитание и неблагоприятные детско-родительские отношения могут стать ключевым фактором возникновения и закрепления тревожных состояний у детей и подростков, что также подчёркивает А.М. Прихожан. Например, воспитание в условиях повышенной моральной ответственности, когда к ребёнку предъявляются завышенные требования. Это может быть связано как с неудовлетворённостью родителей собственным положением в обществе и желанием воплотить собственные нереализованные мечты с помощью ребёнка, так и, наоборот, с высоким положением родителей в обществе: имея высокий статус, такие родители не хотят видеть в своём ребёнке «неудачника» и нагружают сверх меры, требуя от него, порой, невозможного и постоянно сравнивая его достижения с успехами других. В результате у подростка формируется страх не оправдать ожиданий родителей и хроническое чувство тревоги. Другая ситуация, когда родители, наоборот, пытаются уберечь своего ребёнка от любых трудностей (гиперопека). Родители постоянно контролируют, регламентируют жизнь ребёнка, не дают ему самостоятельно решать какие-либо вопросы, «заражая» таким образом своей тревожностью и ребёнка. Как результат, у ребёнка формируется страх перед неизвестным и ощущение собственной беззащитности перед любыми жизненными трудностями. В данных случаях тревожность закладывается родителями ещё в детском возрасте и затем, к подростковому возрасту, формируется как личностная черта [5].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Существуют как психофизиологические факторы, обусловленные природными предпосылками, так и факторы, связанные с развитием психики, социальной жизнью подростка. Вторая группа факторов, обусловленных социальным и психическим развитием, требует первоочередного внимания, так как их коррекция становится приоритетной задачей в работе психолога.

2. Как наиболее значимый фактор, оказывающий влияние на повышение тревожности в подростковом возрасте, можно выделить фактор, связанный с проблемами в межличностном общении, так как ведущим видом деятельности в подростковом возрасте является общение со сверстниками, а её мотивом – желание быть принятым в коллективе.

3. Каждый из названных факторов амбивалентен: может воздействовать как негативно, выступая источником тревожности, так и быть ресурсом для её преодоления.

4. Существует целый комплекс факторов, влияющих на повышение личностной тревожности у подростка. При этом у одного подростка не будет являться причиной тревожности вся совокупность факторов, исходя из этого к каждому случаю нужно подходить индивидуально.

Библиографический список

1. Кириллина С.А. Социально-психологический анализ детерминанты переживаний тревоги у подростков // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 4 (12). – С. 36–43.

2. Морозова О.О., Пшеничнова И.В. Причины возникновения и особенности проявления тревожности в подростковом возрасте // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых : материалы XI Международной научной конференции. – Шуя : Шуйский филиал ИвГУ, 2018. – С. 173–175.

3. Параничева Т.М., Макарова Л.В., Тюрина Е.В. и др. Особенности проявления тревожности у подростков 13–14 лет // Альманах «Новые исследования». – М. : Вердана, 2018. – № 2. – С. 88–101.

4. Першина К.В. Исследование компонентов и причин личностной тревожности современных подростков // Лучшая студенческая статья 2019 : сборник статей XXIII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза : Наука и Просвещение, 2019. – С. 297–301.

5. Прихожан А.М. Роль детско-родительских отношений в становлении тревожности как личностного образования // Психологические исследования : электрон. науч. журн. – 2008. – № 2(2). – URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 02.10.2026).

6. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.

7. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. – М. : Мир, 1994. – 319 с.

8. Ромицына Е.Е. Методика «Многомерная оценка детской тревожности» : учебно-методическое пособие. – М. : Речь, 2006. – 111 с.

9. Нехорошкова А.Н., Большевидцева И.Л. Нейробиологические предпосылки формирования тревожных состояний // Журнал медико-биологических исследований. – 2016. – № 3. – С. 24–36.

10. Солынин Н.Э., Лебедева Е.П. Психологические причины тревожности в подростковом возрасте // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – № 6. – С. 281–284.

11. Старшинина И.В. Феномен подростковой тревожности // Преподаватель XXI век. – 2007. – № 1. – С. 183–187.

12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.

Информационные технологии

УДК 004.85
DOI 10.34755/IROK.2026.84.52.037

Белоусов Александр Александрович, магистрант
Артамонова Екатерина Валерьевна, канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Казанский государственный энергетический университет»
Россия, Казань

Alexander A. Belousov, Master's student
Ekaterina V. Artamonova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kazan State Power Engineering University
Russia, Kazan

Применение методов машинного обучения для выявления аномалий в данных о потреблении ресурсов строительного объекта
Application of Machine Learning Methods for Anomaly Detection in Construction Resource Consumption Data

Аннотация. В работе исследуется применение методов машинного обучения для выявления аномалий в данных о потреблении ресурсов строительного объекта. Разработан контролируемый модельный набор данных, отражающий плановый и фактический расход материалов, трудозатраты, объем и продолжительность работ, численность бригады, остаток материалов, задержку поставок и степень выполнения работ. Сравниваются Isolation Forest, Local Outlier Factor и One-Class SVM. Эксперимент учитывает четыре типа аномалий, три уровня их выраженности и четыре доли аномальных наблюдений; каждое условие повторяется пять раз. Всего выполнено 720 испытаний. Порог классификации калибровался только на нормальной валидационной выборке при фиксированной доле ложноположительных срабатываний 5 %. Установлено, что эффективность методов зависит от характеристик отклонений. Полученные результаты могут использоваться при разработке модуля мониторинга ресурсов цифрового двойника строительного объекта.

Ключевые слова: обнаружение аномалий, машинное обучение, строительные ресурсы, цифровой двойник, Isolation Forest, Local Outlier Factor, One-Class SVM.

Annotation. The study investigates machine learning methods for detecting anomalies in construction resource consumption data. A controlled model dataset was developed to represent planned and actual material consumption, labor input, work volume and duration, crew size, material stock, delivery delay, and completion rate. Isolation Forest, Local Outlier Factor, and One-Class SVM were compared. The experiment included four anomaly types, three severity levels, four anomaly

proportions, and five repeated runs for each condition, resulting in 720 trials. Decision thresholds were calibrated only on normal validation data at a fixed 5% false-positive rate. The results show that detection effectiveness depends on anomaly characteristics. The findings can support the development of resource-monitoring components for construction digital twins.
Key words: anomaly detection, machine learning, construction resources, digital twin, Isolation Forest, Local Outlier Factor, One-Class SVM.

Введение

Цифровизация строительства повышает требования к оперативному контролю ресурсов. Цифровые двойники позволяют объединять BIM, IoT и машинное обучение для мониторинга объекта. F. Elghaish и соавт. предложили систему DTSRM для мониторинга строительных ресурсов и использовали синтетические данные для ее проверки [1]. Обзоры цифровых двойников также отмечают развитие задач мониторинга и интеллектуального анализа данных [2, 3].

Важная задача мониторинга − выявление нетипичного расходования ресурсов. Isolation Forest изолирует аномальные объекты случайными разбиениями [4], LOF оценивает локальное отличие плотности наблюдения от окружения [5], а One-Class SVM строит границу области нормальных данных [6]. Сравнительные исследования показывают зависимость результата от структуры данных и условий эксперимента [7]. В рассмотренных публикациях сравнительная оценка влияния типа, доли и выраженности аномальных отклонений непосредственно в данных о потреблении строительных ресурсов представлена ограниченно.

Цель исследования − экспериментально оценить эффективность Isolation Forest, LOF и One-Class SVM при выявлении аномалий различного типа и выраженности в данных о потреблении ресурсов строительного объекта. Гипотеза состоит в том, что эффективность обнаружения зависит от характеристик отклонений, вследствие чего методы демонстрируют различную устойчивость при изменении параметров аномальных наблюдений.

Материалы и методы

Программно сформирован контролируемый модельный набор. Нормальное состояние описывалось десятью взаимосвязанными признаками: плановый и фактический расход материалов и трудозатрат, объем и продолжительность работ, численность бригады, остаток материалов, задержка поставки и степень выполнения. Фактическое потребление зависело от плана и выполненного объема, а трудозатраты − от объема и организационных параметров.

Рассматривались четыре типа отклонений: A1 − перерасход материалов; A2 − повышенные трудозатраты; A3 − несоответствие потребления фактическому прогрессу; A4 − комбинированное отклонение, включающее изменение расхода материалов, трудозатрат, задержки поставки и остатка. Для

каждого типа задавались слабая, средняя и сильная выраженность, а доля аномалий составляла 1, 3, 5 и 10 %. В каждом условии использовались 1000 нормальных обучающих и 500 контрольных наблюдений; эксперимент повторялся для пяти значений генератора случайных чисел.

Модели обучались только на нормальных данных. Для Isolation Forest использовалось 100 деревьев и contamination=auto; для LOF − 25 ближайших соседей, novelty detection и contamination=auto; для One-Class SVM − RBF-ядро, gamma=scale и nu=0,05. Перед обучением признаки стандартизировались. Порог каждого метода определялся по 95-му процентилю аномального балла на отдельной нормальной валидационной выборке из 500 наблюдений, без использования фактической доли аномалий теста. Качество оценивалось по Precision, Recall, F1, ROC-AUC и PR-AUC. Для сравнения применялись критерий Фридмана и попарный критерий Уилкоксона с поправкой Холма. Уровни выраженности кодировались значениями 1−3, их связь с F1 оценивалась коэффициентом Спирмена.

Результаты и обсуждение

Всего выполнено 720 испытаний. Средние результаты представлены в таблице 1. Невысокие средние значения F1 наблюдались в эксперименте, включавшем слабые и редкие отклонения, близкие к нормальному режиму. Значения ROC-AUC и PR-AUC показывают, что качество ранжирования зависит от метода и сценария.

Таблица 1 − Средние результаты методов по всем экспериментальным условиям

Метод	Precision	Recall	F1	ROC-AUC	PR-AUC
Isolation Forest	0,079	0,078	0,073	0,607	0,078
LOF	0,129	0,207	0,142	0,711	0,131
One-Class SVM	0,121	0,174	0,128	0,630	0,110

Выраженность отклонений оказала заметное влияние на результаты. Для LOF средний F1 увеличился с 0,076 при слабых аномалиях до 0,238 при сильных, для One-Class SVM − с 0,060 до 0,211. Коэффициент Спирмена между порядковым уровнем выраженности и F1 составил 0,548 для LOF и 0,541 для One-Class SVM; для Isolation Forest связь была слабее ($\rho = 0{,}183$). По типам аномалий LOF достигал наибольшего среднего F1 для сценария A4 (0,172), а для One-Class SVM значения по A1−A4 находились в диапазоне 0,100−0,155.

Критерий Фридмана выявил различия между тремя методами ($\chi^2 = 73{,}62$; $p < 0{,}001$). Попарный анализ с поправкой Холма подтвердил различия всех трех пар методов ($p < 0{,}001$). В совокупности исследованных условий LOF имел более высокий средний F1, однако это не означает его универсального превосходства для иных данных и настроек. Этот вывод согласуется с результатами сравнительного исследования E. F. Agyemang, где также

отмечена зависимость выбора алгоритма от свойств данных и контекста применения [7].

Заключение

Эксперимент показал зависимость эффективности обнаружения от характеристик отклонений. Более выраженная связь F1 с интенсивностью аномалии установлена для LOF и One-Class SVM; у Isolation Forest она была слабее. В исследованных условиях наибольший средний F1 получен для LOF. Результаты могут учитываться при проектировании модуля мониторинга ресурсов цифрового двойника строительного объекта.

Ограничением исследования является использование контролируемого модельного набора данных и фиксированных параметров алгоритмов. Полученные численные значения не следует непосредственно переносить на реальные строительные проекты. Дальнейшая работа предполагает проверку методов на фактических данных строительных объектов, настройку гиперпараметров и интеграцию обнаружения аномалий с механизмом адаптивного прогнозирования ресурсных потребностей.

Библиографический список

1. Elghaish F., Mohandes S. R., Rahimian F., Abrishami S., Hosseini M. R. Predictive digital monitoring of construction resources: an integrated digital twin solution // Engineering, Construction and Architectural Management. 2026. Vol. 33, No. 8. P. 6094−6118. DOI: 10.1108/ECAM-04-2025-0604.
2. AlBalkhy W., Karmaoui D., Ducoulombier L., Lafhaj Z., Linner T. Digital twins in the built environment: Definition, applications, and challenges // Automation in Construction. 2024. Vol. 162. Art. 105368. DOI: 10.1016/j.autcon.2024.105368.
3. Gu Y., Jazizadeh F. Digital Twin-Assisted Anomaly Detection for Smarter Built Environment Management: A Literature Review // Construction Research Congress 2024. 2024. P. 1347−1357. DOI: 10.1061/9780784485262.137.
4. Liu F. T., Ting K. M., Zhou Z.-H. Isolation Forest // 2008 Eighth IEEE International Conference on Data Mining. IEEE, 2008. P. 413−422. DOI: 10.1109/ICDM.2008.17.
5. Breunig M. M., Kriegel H.-P., Ng R. T., Sander J. LOF: Identifying Density-Based Local Outliers // Proceedings of the 2000 ACM SIGMOD International Conference on Management of Data. 2000. P. 93−104. DOI: 10.1145/335191.335388.
6. Schölkopf B., Platt J. C., Shawe-Taylor J., Smola A. J., Williamson R. C. Estimating the Support of a High-Dimensional Distribution // Neural Computation. 2001. Vol. 13, No. 7. P. 1443−1471. DOI: 10.1162/089976601750264965.
7. Agyemang E. F. Anomaly detection using unsupervised machine learning algorithms: A simulation study // Scientific African. 2024. Vol. 26. Art. e02386. DOI: 10.1016/j.sciaf.2024.e02386.

УДК 159.9.004

Ребро О.В., Старший преподаватель
Данилова Александра Константиновна, студентка 3 курса,
направления «Информатика и вычислительная техника»,
кафедры «Информационные системы и цифровые технологии»
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый
казачий университет)» (МГУТУ им. К. Г. Разумовского
(ПКУ), 109004, Россия, г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73
Россия, Москва.

Геймификация в образовании: влияние игровых механик на мотивацию к обучению у студентов

Gamification in education: the impact of game mechanics on students' learning motivation

Аннотация. В статье рассматривается проблема поддержания интереса студентов к обучению. Цель данной статьи — проанализировать научные исследования и определить, каким образом игровые механики могут влиять на учебную мотивацию студентов. Для этого были проанализированы научные работы о геймификации в образовании, включая исследования отдельных игровых элементов и метаанализ результатов их применения. Анализ показал, что геймификация может положительно влиять на мотивацию, учебное поведение и результаты обучения. Разные игровые элементы выполняют разные функции: одни помогают видеть результаты, другие поддерживают взаимодействие. Установлено, что результат зависит от выбранных механик, содержания курса и целей обучения. Таким образом, игровые элементы могут использоваться как дополнительный способ поддержания учебной мотивации в цифровой образовательной среде.

Ключевые слова: геймификация, образование, учебная мотивация, студенты, теория самодетерминации, игровые механики, психологические потребности, цифровое обучение.

Annotation. The article examines the problem of maintaining students' interest in learning. The purpose of this article is to analyze scientific research determine how game mechanics can affect students' learning motivation. For this purpose, scientific studies on gamification in education were analyzed, including research on specific game elements and a meta-analysis of their use. The analysis showed that gamification can have a positive effect on motivation, learning behavior, and learning outcomes. Different game elements serve different purposes: some help students see their results, while others support interaction. It was found that the results depend on the chosen mechanics, course content, and learning goals. Thus,

game elements can be used as an additional way to support students' learning motivation in a digital educational environment.

Key words: gamification, education, learning motivation, students, self-determination theory, game mechanics, psychological needs, digital learning.

Введение

Студенты активно используют цифровые технологии в учёбе. Образовательные платформы и онлайн-курсы позволяют сделать обучение более интерактивным. Одним из способов повышения интереса к учебному процессу является геймификация.

Геймификация не означает, что обучение нужно полностью превратить в игру. Детердинг, Диксон, Халед и Наке определяют её как использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах [2]. В образовании можно использовать отдельные механики: баллы, уровни, достижения.

Цель данной статьи — рассмотреть, как геймификация может влиять на мотивацию студентов, и определить, какие психологические механизмы объясняют это влияние.

Теоретические основы геймификации

В работе С. Детердинга и соавторов геймификация рассматривается как использование элементов игрового дизайна в ситуациях, которые сами по себе не являются играми [2]. К таким элементам относятся баллы, уровни, достижения, рейтинги и др..

Чтобы понять, почему эти элементы влияют на мотивацию, обратимся к теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Согласно этой теории, на мотивацию влияют три психологические потребности: автономия, компетентность и связанность с другими людьми [1].

Автономия — возможность самостоятельно принимать решения. Компетентность — ощущение способности справляться с задачами и видеть результаты работы. Связанность — чувство принадлежности к группе и значимое общение [1].

Эти потребности могут быть связаны с игровыми механиками. Ниже приведены основные соответствия.

Таблица 1. Игровые механики и их возможные психологические эффекты

Игровая механика	Возможный психологический эффект
Баллы	Обратная связь, ощущение продвижения
График прогресса	Ощущение компетентности
Выбор заданий	Автономия
Командные задания	Связанность
Значки	Видимый результат достижения
Уровни	Понимание этапов освоения материала
Рейтинги	Сравнение результатов

Таким образом, влияние геймификации связано не только с тем, что игровые элементы делают обучение интереснее. Важно и то, какие психологические потребности они поддерживают.

Влияние отдельных игровых механик на мотивацию

Более подробно влияние игровых механик изучали М. Сайлер, Я. Хенсе, С. Майр и Х. Мандл [3]. В своём исследовании авторы использовали разные комбинации игровых элементов в цифровой учебной среде.

В одной из комбинаций использовались значки достижений, рейтинговая таблица и график индивидуальной результативности. Эта комбинация была связана с более высоким уровнем удовлетворения потребности в компетентности. Участники также выше оценивали осмысленность выполняемой деятельности [3]. Это может быть связано с тем, что студенту проще увидеть результат своей работы.

В другой комбинации использовались сюжетные элементы и виртуальные товарищи по команде. Эта комбинация была связана с более сильным ощущением социальной связанности [3]. То есть элементы, связанные с общением и совместной работой, влияют на мотивацию иначе, чем баллы и достижения.

При этом исследование не подтвердило ожидаемого влияния этих элементов на ощущение свободы выбора [3]. Это показывает, что добавление игровых элементов само по себе не гарантирует удовлетворения всех психологических потребностей.

Таким образом, разные игровые механики влияют на разные стороны мотивации. Одни помогают видеть результаты, другие создают условия для общения.

Эффективность геймификации в образовательном процессе

Более широкую картину показывает метаанализ М. Сайлера и Л. Хомнер [4]. Рассматривались три группы результатов: когнитивные, мотивационные и поведенческие. Были обнаружены статистически значимые положительные эффекты по всем трём направлениям: g = 0,49 для когнитивных, g = 0,36 для мотивационных и g = 0,25 для поведенческих результатов [4].

Эти данные удобно представить в виде диаграммы.

Рисунок 1. Размеры эффекта геймификации по трём группам результатов (по данным метаанализа)

Из диаграммы видно, что наибольший эффект геймификация оказывает на когнитивные результаты — то есть на усвоение материала. Это позволяет предположить, что игровые механики влияют на обучение не только через эмоциональную вовлечённость, но и через более чёткую организацию учебных действий.

Геймификация и мотивация студентов

На основе рассмотренных исследований можно выделить несколько способов влияния геймификации на учебную мотивацию.

Первый способ связан с обратной связью. При изучении большого объёма материала студенту сложно понять, насколько хорошо он продвигается.

Баллы, достижения и графики делают результат более заметным. Это поддерживает потребность в компетентности [1; 3].

Второй способ связан с социальным взаимодействием. Командные задания и общие цели поддерживают потребность в связанности [1; 3]. При этом необязательно использовать только соревнование — можно создавать задания, где студенты сотрудничают.

Третий способ связан с автономией. Если студент может выбрать задание или порядок его выполнения, он чувствует себя более самостоятельным.

Педагогические возможности применения игровых механик

Геймификацию можно использовать в различных цифровых образовательных средах. В учебном курсе можно начислять баллы за практические задания, использовать уровни сложности, выдавать значки за достижения и показывать график прогресса.

Важно, чтобы игровые механики были связаны с содержанием предмета. Если студент думает только о баллах, он может выполнять задания ради награды, а не ради понимания материала. Поэтому игровые элементы должны дополнять обучение, а не становиться его главной целью.

Таким образом, суть геймификации — не просто в добавлении игровых элементов. Важно правильно подобрать эти элементы и связать их с учебными целями.

Заключение

Рассмотренные исследования показывают, что геймификация может положительно влиять на мотивационные, поведенческие и когнитивные результаты обучения. Однако результаты исследований отличаются, поэтому нельзя считать геймификацию универсальным решением проблемы низкой мотивации.

Эффективность геймификации зависит от содержания курса, особенностей студентов, выбранных механик и целей обучения. Если игровые элементы помогают студенту видеть прогресс, получать обратную связь и понимать смысл заданий, они могут сделать учебный процесс более понятным и поддерживать мотивацию.

Таким образом, геймификация может быть полезным инструментом в образовании, но её результат зависит от того, насколько правильно игровые механики включены в учебный процесс.

Библиографический список

1. Deci E. L., Ryan R. M. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
2. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining Gamification // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference: Envisioning Future Media Environments. New York : ACM, 2011. P. 9–15. DOI: 10.1145/2181037.2181040.
3. Sailer M., Hense J. U., Mayr S. K., Mandl H. How Gamification Motivates: An Experimental Study of the Effects of Specific Game Design Elements on Psychological Need Satisfaction // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 69. P. 371–380. DOI: 10.1016/j.chb.2016.12.033.
4. Sailer M., Homner L. The Gamification of Learning: A Meta-analysis // Educational Psychology Review. 2020. Vol. 32. P. 77–112. DOI: 10.1007/s10648-019-09498-w.

Филологические науки

УДК 81’255.2
DOI 10.34755/IROK.2026.78.16.029

Курбанов И.А., к. филол. н., доцент
Московский технический университет связи и информатики
Москва, Россия

Сопоставительное исследование перевода метафор (на материале англоязычного романа Д.Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и его переводов на русский язык)

Comparative analysis of metaphors’ translation (based on D. H. Lawrence’s novel “Lady Chatterley’s Lover” and its translations into Russian)

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному исследованию метафор в тексте англоязычного романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и его переводах на русский язык. В ней рассмотрены общие закономерности использования когнитивных сценариев, которые используются при переводе метафор. Выявлены типовые переводческие трансформации, соответствующие каждому из рассмотренных когнитивных сценариев.

Ключевые слова: метафора, художественный текст, когнитивные сценарии, переводческие трансформации.

Annotation. This article is devoted to the comparative study of metaphors in the original novel of D. H. Lawrence “Lady Chatterley’s Lover” and in its two translations into the Russian language. The research describes general patterns of using cognitive scenarios to translate metaphors. The article reveals typical translating methods for each of the cognitive scenarios under study.

Keywords: metaphor, literary text, cognitive scenarios, translating methods.

1. Введение

Два основных семантических свойства художественной речи – изобразительность и иносказательность – определяют особую конструктивную роль метафоры в художественной речи. Метафоричность – важнейшая черта художественного текста. Однако, по словам американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафора не сводится исключительно к языку, она также проникает в наши деяния и мысли: «Наша

концептуальная система, с точки зрения которой мы мыслим и действуем, является метафорической по своей сути» [13; 4].

Вслед за И. М. Кобозевой в данной статье под метафорой мы будем понимать лексико-семантический вариант, который в процессе концептуального «переформатирования» приобретает статус единицы вторичной знаковой системы, применяемой с целью актуализации определенных скрытых смыслов в совершенно иной (порой неожиданной) содержательной области [7].

В современной когнитивной теории ярко продемонстрировано, что метафора – это вполне закономерное явление в текстах, относящихся к большинству функциональных стилей: метафора широко используется в научной, бытовой, политической, публицистической речи. Вместе с тем хорошо известно, что в наибольшей степени метафора присуща художественной речи и что именно художественные метафоры представляют максимальную сложность для перевода.

Обнаруживая в тексте метафору, переводчик должен решить, надо ли ее отразить в переводе и как именно это лучше всего сделать. В художественном тексте эстетический эффект не менее важен, чем другие составляющие. В таких случаях утрата метафоры может привести к тому, что смысл будет передан не в полной мере, а поэтому сохранение метафорического образа весьма [8; 115].

Перевод метафоры связан с решением целого ряда лингвистических, литературоведческих, культурологических, философских и других проблем. Важность правильного подхода к изучению способов перевода метафоры обусловлена необходимостью адекватной передачи образной информации и воссоздания стилистического эффекта оригинала в переводе. Специалисты подчеркивают необходимость сохранения образа в переводе, однако это возможно далеко не всегда [4].

Сложность перевода метафоры в значительной степени связана с различиями между метафорическими системами, существующими в соответствующих языках. Например, метафорические образы, характерные для английского языка, нередко отсутствуют в русском, и наоборот. Поэтому далеко не всегда возможен простой перенос метафор из русского текста в английский или наоборот. В связи с этим периодически возникает необходимость изменения метафорического образа. Такая замена помогает сохранить уровень экспрессии оригинала и сделать перевод более идиоматичным. Стилистической идиоматичности текста на переводящем языке во многом способствует и применение метафор для передачи других – неметафорических средств языка оригинала [5; 98].

В теории перевода уже давно сформулирован «закон сохранения метафоры», в соответствии с которым метафорический образ должен по мере возможности сохраняться при переводе. Несоблюдение этого закона приводит

к тому, что смысл фразы изменяется, а ее эстетический и прагматический эффект снижается [6].

Целью данной статьи является сопоставительное исследование метафор в тексте англоязычного романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и его переводах, ориентированное на выявление общих закономерностей использования когнитивных сценариев и переводческих трансформаций.

Цель исследования определяет постановку следующих **задач**: рассмотреть и уточнить теоретические основы сопоставительного исследования метафор в оригинальном тексте и его переводах; осуществить выборку метафор из текста романа и двух его переводов и провести их сопоставительный анализ. **Актуальность** сопоставительного исследования метафор в оригинальном тексте романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и его переводах на русский язык обусловлена общей перспективностью сопоставительного изучения метафор, важностью выявления индивидуальных особенностей в работе переводчиков, работавших с одним и тем же оригинальным текстом, необходимостью совершенствования методики сопоставления метафор оригинального текста и перевода.

Научная новизна исследования определяется его комплексным характером: настоящее исследование реализовано с опорой на когнитивный подход к переводу метафор разноструктурных языков (английского и русского) с целью выявить возможность передачи на другой язык культурного опыта и ментальности, которые заложены в метафоре на исходном языке.

Языковым материалом исследования послужили 100 метафор, отобранных из англоязычного текста романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» и их переводческие соответствия в двух переводах романа на русский язык, выполненных переводчиками Т. Лещенко (1992 г.) [10] и И. Багровой, М. Литвиновой (1994 г.) [9].

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды, посвященные «Гипотезе когнитивного перевода» (“Cognitive Translation Hypothesis”) американского лингвиста Нили Мандельблит [15].

Кроме того, исследование опирается на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [13], М. Блэка [3], А. П. Чудинова [12], а также на исследования в области теории и практики перевода метафор в художественном тексте В. Н. Комиссарова [8], А. С. Назина [11], М. Л. Алексеевой и В. Э. Сало [1-2].

Нили Мандельблит рассматривает перевод метафоры как переход от одной концептуальной системы (системы осмысления мира) к другой. В соответствии с этой теорией перевода метафор, необходимо различать два вида сценариев:

1) **a «similar mapping condition»** (состояние аналогичного метафорического проецирования) (SMC) применяется, если между языками не происходит концептуального сдвига;

2) **a «different mapping condition»** (состояние иного метафорического проецирования) (DMC). Этот сценарий нужен, когда между языками есть концептуальный сдвиг: одна и та же идея в одном языке осмысляется через одну концептуальную модель, а в другом — через другую. В такой ситуации переводчику приходится искать иную концептуальную метафору в языке перевода, что закономерно требует других языковых средств. Чем сильнее расходятся концептуальные модели в разных культурах, тем чаще встречается DMC.

Различия между SMC и DMC обнаруживаются даже при сопоставлении темпоральных параметров (the time parameter). Исследователь отмечает, что различия во времени реагирования связаны с концептуальным сдвигом, который необходимо совершить переводчику, смещая концептуальные системы проецирования исходного и переводящего языков [14; 493].

2. Сценарий с использованием аналогичного метафорического проецирования

В рассмотренных переводах романа Д. Г. Лоуренса сценарий аналогичного метафорического проецирования (сценарий SMC) применяется лишь в некоторых случаях (41%), т.е. сохранение внутренней формы образа, которая эксплицируется метафорической единицей, наблюдается несколько реже, чем существенная трансформация метафоры. Рассмотрим основные варианты использования названного сценария.

1) дословный перевод (13%).

Пример 1. **Оригинал:** And I'm going to marry. Oh, yes, I must marry.' `*It sounds like going to have your tonsils cut*,' laughed Connie [14; 25].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Собираюсь жениться. Да, жениться необходимо! – *Звучит так, словно вы об удалении гланд говорите!* – улыбнулась Конни [9; 28].

Перевод Т. Лещенко: И я женюсь. О, я должен жениться. – *Это звучит, как если бы вы должны были вырезать себе гланды*, засмеялась Конни [10; 30].

Переводчики Т. Лещенко и И. Багрова, М. Литвинова посчитали нужным оставить перевод без преобразования метафоры, тем самым сохранив первоначальный замысел автора. Оба варианта перевода признаются репрезентативными.

Наиболее распространенными переводческими трансформациями, использованными при переводе произведения Д.Г. Лоренса, являются следующие:

2) прием конкретизации, который применяется при 6% перевода метафор, обнаруженных в оригинальном тексте. В подобных случаях переводчики стремятся интерпретировать авторский замысел, уточняют детали описываемого им мира.

Пример 2. **Оригинал:** Was it actually her destiny to go on *weaving herself into his life* all the rest of her life? [14; 55].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Неужто ее удел *ниточку за ниточкой вплетать всю себя без остатка в жизнь Клиффорда*? И так до самой смерти? [9; 3].

Переводчик И. Багрова использует прием конкретизации для создания более яркой метафоры «***ниточку за ниточкой*** *вплетать* ***всю*** *себя* ***без остатка*** *в жизнь Клиффорда*». Данный перевод признаётся репрезентативным.

3) прием генерализации, то есть прием, противоположный конкретизации, менее распространен в переводах оригинального текста романа Лоуренса (4%).

Пример 3. **Оригинал:** Only she began to be afraid of the ghastly white tombstones […]. *The bristling of the hideous false teeth of tombstones on the hill* affected her with a grisly kind of horror [14; 94].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Только вдруг появился страх перед белыми, как привидения, надгробиями. […] *Ощерившийся в жуткой гримасе кладбищенский холм* вызывал у Конни суеверный страх [9; 87].

Переводчик заменяет метафору автора и вместо её буквального перевода «*ощетинивание отвратительного зубного протеза надгробных плит на холме*» использует менее детальную метафору «*жуткая гримаса кладбищенского холма*». Данный перевод признаётся репрезентативным.

4) антонимический перевод, то есть перевод метафоры с использованием в переводящем языке слов, имеющих противоположный смысл, встречается крайне редко, всего в 3% случаев.

Пример 4. **Оригинал:** And then it is *a logical necessity to be spiteful*, just as *it's a natural necessity for a plucked apple to go bad* [14; 45].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Отсюда и вытекает логически: *не уйти нам от злобы*, это естественно и неизбежно, как *не миновать палому яблоку гниения* [9; 44].

Переводчики И. Багрова, М. Литвинова прибегают к приему антонимического перевода, заменяя авторское «*естественная потребность сорванного яблока портиться*» на «*не миновать палому яблоку гниения*», что придает русскоязычному тексту романа максимальную экспрессивность. Данный перевод признаётся репрезентативным.

5) перевод метафоры сравнением или **перевод сравнения метафорой**, трансформация которая в традиционной теории перевода рассматривается как одна из наиболее существенных и типичных. В когнитивной лингвистике различие между метафорой и сравнением, основанное на формальных показателях (*как, подобно, as, like*), воспринимается как периферийное, поскольку оба приема находятся в рамках концептуальной метафоры. Чаще всего перевод метафоры сравнением является просто стилистическим вариантом. В таком случае сравнение нередко используется для детализации и придания образу большей выразительности. Исследование показало, что

переводчики используют данный прием в 6% случаев. Приведем несколько примеров:

Пример 5. **Оригинал:** He looked up at her with the full glance that saw everything, registered everything. At the same time, *the infant crying in the night* was crying out of his breast to her, *in a way that affected her very womb* [14; 28].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Вдруг он снова поднял голову, посмотрел ей прямо в лицо: ничто не укроется от такого взгляда, каждую мелочь приметит. И в то же время, *словно малое дитя воззвало к ней среди беспросветной ночи*. И глас, рвущийся из его сердца, *отозвался у Конни во чреве* [9; 30].

Перевод Т. Лещенко: Он посмотрел на нее взглядом, который все видел и все замечал. И в тоже время, *как дитя кричащее в ночи,* что-то кричало из его груди к ней, так – *что это задело самое ее чрево* [10; 33].

Сама по себе метафора «*affected her very womb (букв. «затронуло самое ее чрево»)*» не нуждается в трансформации, так как метафорический образ одинаково понятен русскому и английскому читателю, поэтому переводчики Т. Лещенко и И. Багрова, М. Литвинова сохраняют практически дословный перевод оригинала, но переводят метафору сравнением.

Пример 6. **Оригинал:** *He seemed* so old...endlessly old, *built up of layers of disillusion,* going down in him generation after generation, *like geological strata* […] [14; 25].

Перевод Т. Лещенко: Он казался таким старым, бесконечно старым, *словно вылепленным из разочарований многих поколений, похожих на геологические наслоения* [10; 30].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Микаэлис вдруг представился ей очень старым, безмерно старым; *в нем будто запечатлелись пласты разных эпох и поколений, пласты разочарования* [9; 27].

Переводчики Т. Лещенко и И. Багрова, М. Литвинова переводят метафору «*built up of layers of disillusion (*букв. *«построенный из слоёв разочарования»)»* стилистическим сравнением, используя конструкции с союзами «*словно*» и «*будто*». Оба варианта перевода признаются репрезентативными.

6) лексико-грамматические замены, то есть случаи (всего 9%), когда при переводе происходят незначительные изменения, затрагивающие лексический и / или грамматический состав метафорического выражения (использование синонимических понятий, замена части речи в метафорическом выражении и т.д.).

Пример 7. **Оригинал:** He was discovered to be anti-English, and to the class that made this discovery this was worse than the dirtiest crime. *He was cut dead, and his corpse thrown into the refuse can* [14; 22].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Вдруг выяснилось, что настроения у него – антианглийские. Для некогда поднявших его на щит

аристократов это было самым страшным преступлением. Итак, *высшее общество морально казнило Микаэлиса и выбросило труп на помойку* [9; 25].

Переводчики И. Багрова, М. Литвинова заменяют пассивную конструкция оригинального текста «*was cut dead (*букв. *«был зарезан насмерть»)*» русским глаголом «*казнило*» в действительном залоге. Данный перевод признаётся репрезентативным.

Таким образом, доминантным для сценария SMC является дословный перевод (13%), вторым по частотности является лексико-грамматические преобразования (9%).

3. Сценарий с использованием иного метафорического проецирования

При использовании сценария с использованием иного метафорического проецирования (сценарий DMC) метафоры исходного языка переводятся при помощи иных концептуальных метафор. Существуют два принципиально разных случая использования сценария DMC. В первом случае в переводящем языке существует аналогичная когнитивная (конвенциональная) метафора, однако она не задействуется в переводе по тем или иным причинам. Во втором случае в переводящем языке нет метафоры, аналогичной метафоре оригинала (конвенциональной, либо авторской). В анализируемых переводах данный сценарий является доминантным, к нему относятся 59% переведенных метафор. Рассмотрим его основные варианты:

1) прием эквиваленции, использование которого в переводе создает несколько иной образ метафоры, а иногда сама метафора может и вовсе исчезнуть (при отсутствии аналогичной конвенциональной метафоры в переводящем языке).

При переводе эквиваленция применяется в случае использования традиционных конвенциональных метафор в оригинале, когда для метафоризации соответствующей сферы в языке перевода традиционно используется иной образ. В среднем данный прием был использован в 14 % случаев. Рассмотрим примеры:

Пример 8. **Оригинал:** She was kind to Connie, and tried *to worm into her woman's soul with the sharp gimlet of her well-born observations* [14; 90].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: К Конни она благоволила и *пыталась отомкнуть тайники молодой женской души своим острым, проницательным великосветским умом* [9; 84].

Перевод Т. Лещенко: Она была добра к Конни и *попробовала согреть ее женскую душу* [10; 89].

Если в тексте оригинала автор сравнивает наблюдения героини с «*the sharp gimlet* (букв. «*острый буравчик*»)», то в переводе И. Багровой, М. Литвиновой мы наблюдаем скрытое сравнение ума героини с «*ключом, отмыкающим тайники души*». Переводчик Т. Лещенко использует более известную метафору «*согревать чью-либо душу*», тем самым упрощая образность метафоры оригинала и немного искажая смысл предложения.

Каждый переводчик использовал свой эквивалент для оригинальной метафоры, но ее общий смысл передан правильно, поэтому оба варианта перевода являются репрезентативными.

2) метафорическая дифференциация, которая заключается в изменении образной основы метафоры при переводе. Как правило, подобная трансформация связана с несовпадением выделяемых для метафоризации признаков сравнения. Данная трансформация была реализована в 13% случаев.

Пример 8. **Оригинал:** No, he was Mister Ashby, *a sort of automatic preaching and praying concern* [14; 14].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: Для них он оставался господином Эшби, *этакой произносящей молитвы и проповеди машиной* [9; 17].

Перевод Т. Лещенко: Нет, он был Мистер Ашби, как бы *автомат молитв и проповедей* [10; 20].

Замена адаптирует английскую метафору к русскому языку: «*произносящая молитвы и проповеди машина*» и «*автомат молитв и проповедей*» звучат в русском языке естественнее и привычнее, чем если бы это был прямой перевод оригинальной метафоры как «*автоматизированная фирма (предприятие) молитв и проповедей*». Оба варианта перевода признаются репрезентативными.

3) стилистическая нейтрализация, которая является разновидностью эквиваленции, затрагивающей прагматический уровень перевода. В случае применения стилистической нейтрализации как креативные, так и конвенциональные метафоры оригинала исчезают при переводе. Настоящий прием оказался наиболее частотным (25%).

Креативная метафора может быть полностью заменена неметафорическим нейтральным выражением. Приведем несколько примеров:

Пример 8. **Оригинал:** She was to be content *to weave a steady life with him, all one fabric,* but perhaps *brocaded with the occasional flower of an adventure* [14; 55].

Перевод Т. Лещенко: *Она должна была довольствоваться жизнью с ним* [10; 57].

Образная метафора оригинального текста «*to weave a steady life with him, all one fabric* but perhaps *brocaded with the occasional flower of an adventure* (букв. *«сплетать свою устойчивую жизнь с ним единой тканью,* но возможно *лишь украшенной парчой со случайным цветком приключения*»)» не получает никакого соответствия в переводе, то есть метафора полностью исчезает. Данный перевод нельзя признать репрезентативным.

4) целостное преобразование, которое применяется для полной замены метафоры оригинального текста. Количество метафор, интерпретированных с помощью настоящей трансформации составляет 7%.

Пример 9. **Оригинал:** *They were not the leafy words of an effective life*, young with energy and belonging to the tree. *They were the hosts of fallen leaves of a life* that is ineffectual [14; 61].

Перевод И. Багровой, М. Литвиновой: *Не питались эти слова соками подлинной жизни, не таилась в них молодая сила, потому и увяли. А жизнь, заключенная в сонмищах палых листьев, – бесплодна* [9; 59].

Перевод Т. Лещенко: Но через день все эти умные *слова казались мертвыми листьями, превращаясь в пыль, ничего не знача, унесенные ветром* [10; 63].

Буквальный перевод данного фрагмента англоязычного текста можно представить в следующем виде: «*Они не были покрыты листьями слов результативной жизни, молодыми с энергией и принадлежащими дереву*. *Они были хозяевами упавших листьев жизни*, *которая не удалась*». Такой перевод, безусловно, не может быть признан репрезентативным, поэтому переводчики И. Багрова, М. Литвинова предлагают свою версию образной метафоры, используя инверсию и устаревшую лексему «*сонмище*» (от «*сонм»* – множество, масса чего-л.), что, в принципе, не влияет на качество перевода метафоры. Перевод Т. Лещенко кардинально меняет конструкцию предложения, вводя деепричастный оборот и используя нарастание в качестве стилистического приёма. Оба варианта перевода признаются репрезентативными.

Итак, целостное преобразование как прием перевода относительно редко встречается в рассмотренных переводах. Вместе с тем в целом ряде случаев предложенные варианты перевода воспринимаются как достаточно удачные.

Таким образом, доминантным для сценария DMC является прием стилистической нейтрализации (25%), вторым по частотности приемом является эквиваленция (14%).

4. Выводы

В результате проведенного сопоставления закономерностей трансформации внутренней структуры метафоры при переводе англоязычного романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» на русский язык можно сделать следующие выводы:

1. Настоящее исследование подтвердило возможность интеграции когнитивного и трансформационного подхода к исследованию переводческих трансформаций. В соответствии с когнитивной теорией перевода все переводческие трансформации разграничиваются на основании типа метафорической проекции, а

дальнейшая классификация проводится с учетом традиционной теории переводческих трансформаций, в рамках которой разграничиваются конкретизация, генерализация, антонимический перевод, лексико-грамматические трансформации, эквиваленция, стилистическая нейтрализация, метафорическая дифференциация и другие виды преобразований.

2. При переводе с сохранением метафорической проекции (SMC) в текстах русскоязычных переводов романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» используются следующие приемы: прием конкретизации, прием генерализации, антонимический перевод, перевод метафоры сравнением или перевод сравнения метафорой и лексико-грамматические трансформации.

3. При переводе с изменением метафорической проекции (DMC) в текстах русскоязычных переводов романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей» используются такие приемы как прием эквиваленции, стилистическая нейтрализация, метафорическая дифференциация и целостное преобразование.

4. В результате статистического анализа выявлены следующие закономерности трансформаций метафорических единиц в текстах русскоязычных переводов романа Д. Г. Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей»:

а) наблюдается незначительное преобладание сценария DMC (59%) над SMC (41%);

б) доминантными приемами являются стилистическая нейтрализация для сценария DMC (25%) и дословный перевод для сценария SMC (13%);

в) наибольше количество вариантов перевода, совпадающих у переводчиков, наблюдается при дословном переводе (13%) и стилистической нейтрализации (25%).

5. Специфические черты перевода могут быть связаны, во-первых, с выбором когнитивного сценария перевода, а во-вторых – с частотностью переводческих трансформаций, которые используются в соответствии с тем или иным сценарием. Например, в переводах И. Багровой, М. Литвиновой дословный перевод является доминантным, тогда как для перевода Т. Лещенко характерно значительное расхождение между метафорами оригинального текста и образами, предлагаемыми самим переводчиком, что приводит, с одной стороны к большей экспрессивности, а с другой – к некоторой «русификации» текста перевода.

Подводя итог, следует отметить, что от переводчика художественного текста требуется высокая лингвокультурологическая эрудиция: полный учет лингвистических особенностей английского и русского языков в их взаимосвязи с национальной культурой и традициями.

Список литературы:

1. Алексеева М. Л. Методика сопоставительного анализа переводов метафор (на примере переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки) / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. // Политическая лингвистика. 2024. №2. С. 165-171.
2. Алексеева М. Л. Типология приёмов передачи метафор (на материале немецкоязычного перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») / М. Л. Алексеева, В. Э. Сало. // Научный диалог. 2023. № 12 (8). С. 28-46.
3. Блэк М. Метафора: Теория метафоры. М., 1990. 172 с.
4. Бреева Л. В., Бутенко, А. А. Лексико-стилистические трансформации при переводе. URL: http://belpaese2000.narod.ru/Trad/trasform01.htm
5. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 2000. 207 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.
7. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. Текст: электронный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2002. PRINT: ISSN 2221-7932. ONLINE: ISSN 2075-7182. URL: https://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/
8. Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1990. 127 с.
9. Лоуренс Д. Г. Любовник Леди Чаттерлей: Перев. с англ. И. Багровой, М. Литвиновой. Рига: Кондус, 1994. 350 с.
10. Лоуренс Д. Г. Любовник Леди Чаттерли: Перев. с англ. Т. Лещенко. Пермь: КАПИК, 1992. 382 с.
11. Назин А. С. Сопоставительное исследование метафор в романе Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или туда и обратно» и его переводах на русский язык: дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. 205 с.
12. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.
13. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
14. Lawrence D. H. Lady Chatterley's Lover. CRW Publishing Limited, 2005. 432 p.
15. Mandelblit N. The Cognitive View of Metaphor and Its Implication for Translation Theory // Translation and Meaning / ed. by Thelen Marcel, Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Maastricht: Universitaire Press, 1995. Vol. 3. 495 p.

Исторические науки

УДК 94(47).08
Шифр специальности 5.6.1.

Голенко
Архимандрит Афанасий (Владимир Владимирович)
Тихвинский храм с.Кутафино

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
Среднерусский институт управления – филиал
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
Настоятель
соискатель
Архимандрит

Сравнительный анализ трактовки православия в теории официальной народности С.С. Уварова и в теории ранних славянофилов

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ трактовки православия в двух ключевых идеологических концепциях России второй четверти XIX века — теории официальной народности С.С. Уварова и учении ранних славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова). Актуальность исследования обусловлена современными дискуссиями о роли традиционных духовно-нравственных ценностей в государственной политике России, а также необходимостью осмысления исторического опыта формирования национальной идентичности.

На основе анализа исторических источников и научной литературы автором устанавливается, что в рассматриваемый период оформились два принципиально различных подхода к осмыслению места православия в жизни русского общества. В теории официальной народности православие выступало как инструмент государственной политики, фактор национальной идентификации и средство идеологического воздействия на подданных, призванное легитимизировать самодержавный строй и обеспечить охранительную функцию власти. Уваров рассматривал веру преимущественно в рационально-прагматическом ключе, ставя православные догматы в один ряд с незыблемостью монаршей власти.

В противоположность этому, ранние славянофилы развивали глубокое религиозно-историческое учение, в котором православие представало как живая духовная основа личности и общества, источник соборности, внутренней свободы и нравственного совершенствования. Хомяков и Киреевский акцентировали внутреннее, духовно-преображающее значение веры, утверждали принцип «цельного знания» и примат веры как организующего начала познания.

Сравнительный анализ выявляет как общие черты (признание фундаментальной роли православия в русской истории, критика западного материализма, утверждение самобытности России), так и принципиальные расхождения в понимании соотношения веры и разума, отношений церкви и государства, идеала общественного устройства и источника правовых норм.

Делается вывод, что понимание православия, развиваемое ранними славянофилами, представляет собой значимое историческое наследие, способное обогатить современные представления о путях духовного развития России. Идеи соборности, «верующего разума» и этического персонализма сохраняют свою актуальность в контексте поиска национальной идентичности и утверждения традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе.

Ключевые слова: ранние славянофилы, история России, православие, славянофильство, теория официальной народности, С.С. Уваров, духовно-нравственные ценности.

Uvarov's theory of official nationality and in the theory of the early slavophiles

Abstract: The article presents a comparative analysis of the interpretation of Orthodoxy in two key ideological conceptions of Russia in the second quarter of the 19th century — S. S. Uvarov's theory of official nationality and the philosophical doctrine of the early Slavophiles (A. S. Khomyakov, I. V. Kireyevsky, K. S. Aksakov). The relevance of the research is determined by contemporary debates on the role of traditional spiritual and moral values in Russian state policy, as well as by the necessity of re-evaluating the historical experience of the formation of national identity.

Based on an analysis of historical sources and scholarly literature, the author establishes that two fundamentally different approaches to understanding the place of Orthodoxy in Russian social life took shape during the period under review. In the theory of official nationality, Orthodoxy acted as an instrument of state policy, a factor of national identification, and a means of ideological influence on subjects, designed to legitimise the autocratic order and ensure the protective function of

power. Uvarov regarded faith primarily in a rational-pragmatic manner, placing Orthodox dogmas on a par with the inviolability of monarchical authority.

In contrast, the early Slavophiles developed a profound religious and philosophical teaching in which Orthodoxy appeared as the living spiritual foundation of the individual and society, a source of sobornost' (conciliarity), inner freedom, and moral perfection. Khomyakov and Kireyevsky emphasised the inner, spiritually transformative significance of faith, asserting the principle of "integral knowledge" (tsel'noye znaniye) and the primacy of faith as the organising principle of cognition.

The comparative analysis reveals both common features (recognition of the fundamental role of Orthodoxy in Russian history, criticism of Western materialism, affirmation of Russia's distinctiveness) and fundamental divergences in understanding the correlation between faith and reason, the relationship between Church and state, the ideal of social order, and the source of legal norms.

The conclusion is drawn that the understanding of Orthodoxy developed by the early Slavophiles constitutes a significant historical heritage capable of enriching contemporary perceptions of the paths of Russia's spiritual development. The ideas of sobornost', "believing reason" (veruyushchiy razum), and ethical personalism retain their relevance in the context of the search for national identity and the affirmation of traditional spiritual and moral values in modern Russian society.

Keywords: early Slavophiles, Russian history, Orthodoxy, Slavophilism, theory of official nationality, S. S. Uvarov, spiritual and moral values.

Введение

В официальных документах последних лет констатируется наличие серьезной опасности, связанной с ослаблением традиционных духовно-нравственных ориентиров и размыванием устойчивых моральных оснований в российском обществе [9]. В связи с этим в течение последнего времени был принят комплекс нормативно-правовых актов, закрепляющих национальные интересы, внешнеполитические приоритеты, стратегические задачи обеспечения безопасности государства, а также основные направления государственной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7, 8, 9].

В научной литературе обоснованно подчеркивается, что православие выступает глубинной мировоззренческой основой русской культуры, определяющей содержание народной идеи, особенности национального менталитета и характерные черты русского народа [11]. Традиционные духовно-нравственные ценности, органически присущие российскому социуму, оказывают непосредственное воздействие на культурно-ценностные приоритеты государства, на характер взаимодействия властных институтов, церкви и общества, на правовую сферу, а также обусловливают онтологическую и этикоцентрическую направленность русской научной

мысли, что находит выражение в таких категориях, как «соборность», «верующий разум», «цельное знание» и «этический персонализм» [11].

В данной связи ретроспективные исследования, позволяющие выявить сущностные черты традиционных духовно-нравственных ценностей в исторической ретроспективе, приобретают особую значимость. При этом, как справедливо указывал протоиерей А. Мень, при обращении к истокам любой культуры первостепенное значение имеет не анализ ее материального воплощения, а постижение того духовного содержания, которое лежит в ее основании [5].

Одним из самых ярких проявлений культурообразующей функции православия можно увидеть в XIX веке. Эпоха XIX века стала олицетворением стремления к нравственному и духовному просвещению [Соловьев, с. 30, 202] и в преемственной исторической перспективе попыток связать опыт Древней Руси с государством Петра I. XIX век характеризуется такими духовно-проективными триадами, которые вместе были воплощены в концепции ранних славянофилов, а именно: с просветительской точки зрения это была триада - «Вера, воспитание, язык» (А.С. Шишков), с политико-идеологической - «Православие, самодержавие и народность» (С.С. Уваров) и с познавательной теоретико-нравственно-практической - «Вера, знание, опыт» (ранние славянофилы) [11].

Именно в этот период оформились две принципиально различные трактовки роли православия в жизни русского общества: официально-государственная, представленная теорией «официальной народности» С.С. Уварова, и трактовка, развиваемая ранними славянофилами - А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, К.С. Аксаковым и их соратниками. Сравнительный анализ этих двух подходов позволяет глубже понять специфику русского религиозно-исторического мировоззрения и его влияние на формирование национальной идентичности.

Цель исследования заключается в сравнительном анализе трактовки православия в теории официальной народности С.С. Уварова и в концепции ранних славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова), выявив их сходства и различия, а также определить значение православного мировоззрения в формировании русской самобытной культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе и систематизации различных подходов к пониманию православия в русской общественно-политической мысли XIX века, что позволяет углубить представления о генезисе и содержании русской религиозно-исторической традиции.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в учебных курсах по отечественной истории, политологии, культурологии, а также в научных исследованиях, посвященных проблемам национальной идентичности и духовно-нравственных ценностей России.

Материалы и методы исследований

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма, объективности и системности. В работе используются следующие методы научного познания:

- исторический метод, позволяющий проследить процесс формирования и развития теории официальной народности и славянофильского учения в контексте общественно-политической ситуации николаевской эпохи;

- сравнительно-исторический метод, дающий возможность сопоставить трактовки православия в указанных концепциях, выявить их общие черты и принципиальные расхождения;

- герменевтический метод, использующийся для интерпретации научно-исторических текстов А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и программных документов С.С. Уварова.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных историков, а также современные научные публикации, посвященные анализу славянофильства и теории официальной народности.

Результаты и обсуждения

Вторая четверть XIX века стала переломным периодом в истории русской общественно-политической мысли. И.В. Упоров отмечает, что для начала XIX столетия в Российской империи был характерен интенсивный промышленный рост, что соответствовало общемировым тенденциям того периода. Указанные социально-экономические сдвиги, по оценке исследователя, постепенно расшатывали фундамент феодального строя, поскольку вносили существенные изменения в сословную структуру российского социума [12]. Восстание декабристов 1825 года, по свидетельству В.Э. Ошанс, побудило императора Николая I к выработке официальных государственных ценностно-идеологических установок, призванных в дальнейшем транслироваться через систему образования, публицистику, художественную литературу и театральное искусство. С назначением С.С. Уварова в 1833 году на пост министра народного просвещения монарх возложил на него задачу сформулировать базовые положения новой идеологической доктрины [10].

В научной литературе отмечается, что в 1830-е годы в России, на начальном этапе формирования национального самосознания, стали проводиться первые систематические исследования в области славяноведения. Инициатором организации таких научных изысканий выступил С.С. Уваров: после утверждения его в должности министра в 1833 году уже к 1835 году в четырех университетах империи были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий [2].

Параллельно, в 1830 - 1840-х годах, оформляется славянофильское направление общественной мысли, возникшее как реакция на западнические концепции. Идейной основой этого движения, как указывает Я.А. Мишенков, стала защита самобытного пути развития России и утверждение приоритета коллективных, групповых начал справедливости по отношению к принципам

индивидуальной свободы [6]. Значительный вклад в развитие славянских интересов в России, по признанию К.Я. Грота, внесло именно славянофильское направление, сложившееся в указанный период [3].

Как подчеркивает Д.А. Бадалян, в 1840-е годы при дворе развернулась скрытая борьба между сторонниками и противниками поддержки славянских народов. Руководитель внешнеполитического ведомства К.В. Нессельроде настаивал на решительном пресечении каких-либо проявлений «славизма», усматривая в них угрозу революционных потрясений, замаскированных под религиозные и научные устремления [2]. В противовес этой позиции, С.С. Уваров, маневрируя между различными точками зрения, утверждал, что славянский вопрос имеет два аспекта: один - деструктивный и полуреволюционный, а другой - упорядоченный, мирный, основанный на инстинктивных и потому незыблемых началах [2].

Значительную роль в поддержке славянофилов сыграла графиня А.Д. Блудова, которая вместе со своим отцом, как отмечает Бадалян, неоднократно оказывала покровительство представителям этого направления и содействовала им в различных обстоятельствах. Именно благодаря усилиям графини, по заключению исследователя, была прорвана блокада вокруг славянофильского круга, и при дворе стали проявлять к ним интерес помимо ее непосредственного участия [2].

Таким образом, вторая четверть XIX века стала временем, когда государственная власть стремилась выработать официальную идеологию, способную противостоять либеральным и революционным веяниям из Европы, а русская интеллигенция, в свою очередь, искала пути самобытного развития России, обращаясь к православию как к духовной основе национального бытия.

С.С. Уваров стал автором первой в России официальной государственной идеологии. В научной литературе отмечается, что С.С. Уваров рассматривал православие преимущественно в рационально-прагматическом ключе, усматривая в вере предков необходимое условие сохранения жизнеспособности как народа в целом, так и отдельной личности. По его убеждению, ослабление религиозных чувств равносильно потере духовного стержня, что уподоблялось лишению человека крови и сердца. При таком подходе акцент делался на кровнородственном характере приверженности православию, что, по оценке исследователей, вполне вписывалось в новоевропейскую традицию утилитарного отношения к религии [4].

Министр противопоставлял Россию усиливающемуся западному материализму, представляя империю как страну, сохранившую искреннюю и глубокую привязанность к церкви отцов, в которой общество видело залог как общественного, так и семейного благополучия. При этом в своих рассуждениях Уваров фактически ставил знак равенства между незыблемостью православных догматов и незыблемостью монаршей власти, считая, что верноподданный не согласится на утрату ни одного из положений

веры так же, как и на посягательство на символы самодержавия. На основании подобных суждений православие осмыслялось не столько как путь постижения истины, сколько как средство сохранения существующего порядка, то есть с явно выраженных утилитарных позиций.

В трактовке понятия «народность», как и в двух других компонентах его триады, прослеживаются элементы европейской мыслительной традиции. Так, Уваров уделял значительное внимание вопросам народного воспитания и просвещения, полагая необходимым поощрять национальную идею и укреплять чувство национальной гордости. В этом отношении его позиция сближалась с воззрениями И.Г. Фихте, а также с идеями немецкой романтической школы, к которой Уваров, по свидетельству современников, испытывал симпатию.

Важной функцией православия в уваровской концепции выступала охранительная роль, призванная легитимизировать самодержавный режим. Сформулированная Уваровым идеологема обосновывала незыблемость самодержавия и крепостнических порядков, а ее внедрение в общественное сознание преследовало цель укрепить авторитет монархии после потрясений, вызванных выступлением декабристов [6].

Идеологема «православие, самодержавие, народность» должна была стать главным источником в государственной пропаганде Николая I принципов консервативного охранительства государственного строя [6]. Уваров доказывал, что просвещение может быть не только источником зла, революционных потрясений, как это случилось в Западной Европе, но может превратиться в элемент охранительный [12].

Таким образом, православие в теории официальной народности выступает как инструмент государственной политики, призванный обосновать незыблемость самодержавной власти и обеспечить лояльность подданных. Оно рассматривается в первую очередь как фактор национальной идентификации и средство воспитания патриотических чувств, но не как источник глубокого духовного преображения личности и общества.

Совершенно иной подход к пониманию православия демонстрируют ранние славянофилы - А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков.

Центральным понятием в теории А.С. Хомякова является «соборность». Западное христианство, по мнению славянофилов, исказило эту идею: католицизм подчинил личность внешнему авторитету, протестантизм, напротив, привел к обособлению личности и индивидуализму. Православие же сохраняет «золотую середину» - единство при сохранении свободы личности.

И.В. Киреевский развивал идею «цельного знания», которое возможно только при соединении веры и разума, причем вера выступает как высший, организующий принцип познания.

В отличие от Уварова, который рассматривал православие преимущественно как фактор внешнего порядка, славянофилы делали акцент на его внутреннем, духовно-преображающем значении. Славянофилы

утверждали, что именно православие воспитало в русском народе такие качества, как смирение, соборность, готовность к самопожертвованию, чувство братства и справедливости. Православие, по их мнению, сформировало особый тип личности -человека, для которого духовные ценности выше материальных, а служение общему благу выше личного интереса.

Так, К.С. Аксаков писал о том, что русский народ воспринимает государственную власть не как самодовлеющую силу, а как служение перед Богом и народом.

Славянофилы подчеркивали влияние православия на формирование русского права. Политико-правовые идеалы славянофилов восходят к истокам древнерусского мировоззрения. Важно, что славянофилы, говоря о возрождении истины, заключенной в идее Древней Руси, понимали под этим не возвращение общества в состояние Средневековья, но возвращение на «путь Древней России, но свободное ее возрастание из себя самой» [1].

В научной литературе обращается внимание на то, что славянофилы последовательно подчеркивали самобытный характер русского государства, его особые общинные устои и геополитическое положение. При всем разнообразии их выводов относительно исторической судьбы России, в большинстве своем они сходились в признании приоритета самостоятельного, независимого от западных образцов пути развития, обусловленного историческими, географическими и культурными особенностями страны [10].

Как констатирует Д.А. Бадалян, изначально С.С. Уваров, не состоявший с представителями славянофильского круга в отношениях личной зависимости, тем не менее на определенном этапе оказывал им поддержку. Однако в 1840-е годы положение существенно изменилось: издательская деятельность славянофилов столкнулась с серьезными ограничениями. В 1847 году III Отделением была предпринята целенаправленная кампания, имевшая своей целью не только воспрепятствовать выходу славянофильского журнала, но и полностью нейтрализовать славянофильство как значимую общественную силу [2].

В мировоззрении ранних славянофилов православие осмыслялось как основание особого исторического предназначения России, призванной стать духовным центром славянского мира и хранительницей истинной веры. Народная идея в их доктрине представала как русская идея и идея государства правды, воплощаясь в понятии «Русь» как целостной системе ценностей. Такое цивилизационное понимание основывалось на признании доминанты духовного начала над материальным [11].

Именно в данном контексте славянофилы подходили к осмыслению славянского вопроса, который, по их оценке, не являлся самоцелью. Как указывает Бадалян, они придавали важное значение развитию отношений со славянскими народами, однако не рассматривали это направление в качестве единственного или даже главного предмета своей деятельности [2]. К.С.

Аксаков подчеркивал, что изучение славян имеет ценность прежде всего потому, что позволяет глубже понять русскую историю, право и национальный характер [2].

Таким образом, в понимании ранних славянофилов православие представало не как инструмент государственной политики, но как живая духовная сила, определяющая все стороны бытия русского народа: его мировоззренческие установки, особенности национального характера, культурные традиции, правовые воззрения и характер взаимоотношений с властью. Православие выступало для них источником внутренней свободы и соборного единства, составляя основу возрождения самобытной русской культуры [2, 11].

Сравнительный анализ позволяет выявить как сходства, так и принципиальные различия в понимании православия в теории официальной народности С.С. Уварова и в учении ранних славянофилов. Несмотря на существенные расхождения, можно выделить ряд общих моментов:

- как Уваров, так и ранние славянофилы исходили из того, что православие является фундаментальной основой русской народности и государственности;
- и Уваров, и славянофилы критически относились к западной цивилизации с ее культом разума и материального успеха, противопоставляя ей духовные ценности православия;
- как Уваров, так и славянофилы отстаивали идею самобытного пути развития России, не сводимого к европейским образцам;
- как Уваров, так и славянофилы подчеркивали, что православие является религией народа, а не только высших сословий. Однако содержание, которое они вкладывали в понятие «народность», существенно различалось.

Сравнительный анализ двух концепций позволяет выявить принципиальные расхождения в понимании сущности и роли православия в жизни русского общества.

В трактовке С.С. Уварова православие выступало преимущественно как фактор государственной идентичности и инструмент идеологического воздействия на подданных, тогда как ранние славянофилы рассматривали его в качестве живой духовной основы личности и общества, источника истины и внутренней свободы. Соответственно, в теории официальной народности православию отводилась охранительная функция, призванная легитимизировать самодержавный строй и существующий социальный порядок, в то время как в учении славянофилов - преображающая, направленная на формирование личности, национального характера и общественных отношений.

Особенно отчетливо различия прослеживались в вопросе о соотношении веры и разума. Уваров придерживался рационально-прагматического, утилитарного подхода к вере, тогда как славянофилы развивали принцип «цельного знания», утверждая необходимость органического соединения веры

и разума при доминирующей роли веры как организующего начала познания. Принципиально различалось и понимание отношений между церковью и государством: если Уваров рассматривал церковь как инструмент государственной политики, подчиненный интересам самодержавия, то славянофилы - как самостоятельную духовную силу, определяющую нравственные ориентиры для государства и общества.

Различным было и отношение к личности. В концепции Уварова православие выступало средством воспитания лояльного подданного, тогда как в славянофильском учении - условием развития личности, утверждения ее достоинства и свободы в Боге, что определяло и различия в идеале общественного устройства: Уваров стоял за сохранение существующего порядка с элементами умеренных реформ, в то время как славянофилы призывали к возвращению к истокам допетровской Руси с сохранением общинных начал, созывом Земского собора и отменой крепостного права.

Понятие народности также трактовалось по-разному: у Уварова - как совокупность внешних признаков, тогда как у славянофилов - как выражение внутреннего духовного единства народа, его «живой души», сформированной православием. Наконец, источник норм права в одном случае усматривался в установлениях государственной власти, в другом - в нравственном сознании народа, основанном на православных ценностях.

В отличие от утилитарного подхода Уварова, славянофилы рассматривают православие как источник глубокого духовного опыта, определяющего внутренний мир человека. Идея соборности как свободного единства людей в любви и истине является важнейшим вкладом славянофилов в развитие русской научной мысли, она противостоит как западному индивидуализму, так и государственному коллективизму, утверждая возможность гармоничного сочетания личной свободы и общественного служения.

Славянофилы утверждают достоинство человеческой личности, ее свободу и ответственность перед Богом, что нашло отражение в их отношении к праву как выражению нравственного сознания народа. При этом славянофилы рассматривают православие не как нечто внешнее, привнесенное сверху, а как органическую часть народного бытия, определяющую его культуру, быт и мировоззрение.

Славянофилы связывают православие с решением конкретных социальных проблем: отменой крепостного права, развитием общинного самоуправления, созданием справедливого общественного устройства. Славянофилы верили в возможность духовного возрождения России на основе православия и возвращения к самобытным началам русской жизни.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что вторая четверть XIX века стала временем формирования двух принципиально различных подходов к пониманию роли православия в жизни русского общества. Теория

официальной народности С.С. Уварова, ставшая государственной идеологией николаевской эпохи, рассматривала православие как инструмент укрепления самодержавия и средство идеологического воздействия на народ. В противоположность этому, ранние славянофилы - А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков - развивали глубокое религиозно-историческое учение, в котором православие выступало как живая духовная основа личности и общества, источник соборности, внутренней свободы и нравственного совершенствования.

Понимание православия, развиваемое ранними славянофилами, представляет собой живое историческое наследие, способное обогатить современные представления о путях духовного развития России. Их идеи о «цельном знании», «верующем разуме», этическом персонализме и соборности сохраняют свою значимость в контексте поиска национальной идентичности и утверждения традиционных духовно-нравственных ценностей в современном российском обществе.

Литература

1. Аксаков К.С. Государство и народ / Константин Аксаков; [коммент. А.В. Белова, предисл. А.Д. Каплина]. - Москва : Ин-т русской цивилизации, 2009. - 602 с.
2. Бадалян Д.А. Славянофилы, славяне и власть. 1840-1850-е годы / Д. А. Бадалян // Тетради по консерватизму. – 2025. – № 2. – С. 269-298.
3. Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе. (Из 40-х годов XIX столетия). - СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1904. - 14 с.
4. Корецкий А.И. Отражение элементов западного влияния в концепциях общественно-политического устройства России XIX века / А. И. Корецкий // Традиционные общества: неизвестное прошлое : Материалы XX международной научно-практической конференции, Челябинск, 29–30 мая 2024 года. – Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2024. – С. 33-45.
5. Мень А.В. Мировая духовная культура : [лекции] / протоиер. Александр Мень. - Москва : Жизнь с Богом, 2016. – 270 с.
6. Мишенков Я.А. Исторические предпосылки формирования политической культуры России / Я. А. Мишенков // Гусевские чтения - 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 27 марта 2024 года. – Ярославль, Москва: Издательство "Канцлер", 2024. – С. 284-299.
7. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.03.2023 №229 (последняя редакция).

[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

8. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Указ Президента РФ от 08.05.2024 №314 (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 (последняя редакция). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

10. Ошанс В.Э. Поиски национальной идентичности в интеллектуальной жизни русской интеллигенции второй четверти XIX в / В. Э. Ошанс // Российская идентичность : Сборник материалов Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ, Москва, 15 июля – 30 2024 года. – Москва: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. – С. 349-354.

11. Слинченко О.А. Роль православия в формировании самобытной русской культуры во взглядах ранних славянофилов: философско-правовой аспект / О. А. Слинченко // Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения : Материалы XX Международного форума, посвященного 300-летию Святителя Тихона Задонского, Липецк, 30–31 октября 2024 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. – С. 46-50.

12. Упоров И.В. Общественно-политическое развитие России в контексте абсолютизма и инакомыслия (вторая четверть XIX века) / И. В. Упоров // Гуманитарный научный журнал. – 2026. – № 4-1. – С. 236-243.

Химические науки

УДК 678.5:544.773.112.
DOI 10.34755/IROK.2026.12.74.035

Романеева О.И., специалист по учебно- методической работе,
Российский химико-технологический
университет имени Д. И. Менделеева,
Вишневский В.В., аспирант,
Московский педагогический государственный университет,
Крайник Илья Иванович, к.х.н., доцент
Российский химико-технологический
университет имени Д. И. Менделеева,
г. Москва, Россия

Получение защитных гидрофобных полимерных покрытий на основе глицидилметакрилата и его сополимеров

Аннотация. В статье рассмотрено получение и проведен анализ свойств защитных гидрофобных полимерных покрытий на основе глицидилметакрилата и его сополимеров со стиролом, бутилакрилатом и 2-этилгексилакрилатом. Целью работы является синтез гомополимера и сополимеров, их сшивка ароматическими диаминами, нанесение на стальные и алюминиевые подложки, а также комплексная оценка физико-химических свойств полученного вещества. В качестве метода синтеза применялась радикальная полимеризация в растворе 1,4-диоксана в присутствии динитрила азоизомасляной кислоты. Нанесение полимеров производилось с помощью погружения пластинок в раствор полимера в 1,4-диоксане. Контроль структуры сшитых систем осуществлялся методом ИК-спектроскопии. В результате исследования были получены полимерные покрытия в различных мольных отношениях, а также измерены их физические свойства: адгезионная прочность, шероховатость, блеск, цветовые характеристики и другие.

Ключевые слова. полимерные покрытия, глицидилметакрилат, гомополимер, сополимеры, стирол, бутилакрилат, 2-этилгексилакрилат, химия, биотехнологии.

O.I. Romanayeva, Specialist in Educational and Methodological Work,
D.I. Mendeleev Russian University
of Chemical Technology,
V.V. Vishnevsky, Graduate Student,
Moscow State Pedagogical University,
Ilya Ivanovich Kraynik, Ph.D. in Chemistry, Associate Professor
D.I. Mendeleev Russian University of

Chemistry and Technology,
Moscow, Russia,

Preparation of Protective Hydrophobic Polymer Coatings Based on Glycidyl Methacrylate and Its Copolymers.

Annotation. This article discusses the preparation and analysis of the properties of protective hydrophobic polymer coatings based on glycidyl methacrylate and its copolymers with styrene, butyl acrylate, and 2-ethylhexyl acrylate. The objective of this work is to synthesize homopolymers and copolymers, cross-link them with aromatic diamines, apply them to steel and aluminum substrates, and conduct a comprehensive evaluation of the physicochemical properties of the resulting material. The synthesis method employed was radical polymerization in a 1,4-dioxane solution in the presence of azoisobutyric acid dinitrile. The polymers were applied by immersing the plates in a polymer solution in 1,4-dioxane. The structure of the cross-linked systems was monitored using IR spectroscopy. As a result of the study, polymer coatings with various molar ratios were obtained, and their physical properties were measured, including adhesion strength, roughness, gloss, color characteristics, and others.

Key words: polymer coatings, glycidyl methacrylate, homopolymer, copolymers, styrene, butyl acrylate, 2-ethylhexyl acrylate, chemistry, biotechnology.

Введение

Защита металлов от коррозии с помощью полимерных покрытий является важной современной задачей. Особую значимость имеет создание гидрофобных слоев с заданными эксплуатационными свойствами. Несмотря на известные исследования [1-4] остаётся дефицит работ по сшивке сополимеров глицидилметакрилата (ГМА) ароматическими диаминами различного строения, что делает данное исследование актуальным.

Целью данной работы является получение полимерного покрытия на основе глицидилметакрилата и его сополимера с олеиновой кислотой, отвержденного различными ароматическими диаминами, и изучение его свойств. Для это были решены задачи: получение гомополимера ГМА и его сополимера с олеиновой кислотой методом радикальной полимеризации в растворе; сшивка полученного полимера ароматическими диаминами различного строения. Изучена кинетика сшивки; нанесение полученных полимеров на металлические подложки из стали и алюминия; изучение физико-химических свойств полученных покрытий.

Объект и методы исследования

Полимеризацию глицидилметакрилата проводили в растворе 1,4-диоксана при температуре 70–80°C на масляной бане. Перемешивание осуществлялось с помощью магнитной мешалки со скоростью 360 об/мин. Полученные полимеры выделяли осаждением в изопропаноле (для гомополимера) или н-гептане (для сополимера).

Сшивку проводили при 90°С в течение 2 часов с обратным холодильником. К 10 мл раствора полимера/сополимера в диоксане (концентрация 40% масс.) добавляли 0,22 г сшивающего агента. Полученный сшитый полимер осаждали в изопропаноле и тщательно отмывали.

Для нанесения покрытий использовался метод погружения металлической пластинки в раствор полимера. Подложки предварительно подготавливали химическим методом: обезжиривание, травление в щелочи (для алюминия) или азотной кислоте (для стали), промывка дистиллированной водой.

Структура синтезированных веществ подтверждалась методом ИК-спектроскопии (Nicolet 380).

Был изучен блеск полученных покрытий

Результаты исследования и их обсуждение

Была проведена *полимеризация глицидилметакрилата* в диоксане при 70°С с инициатором ДАК. Схема реакции представлена на рисунке 1.

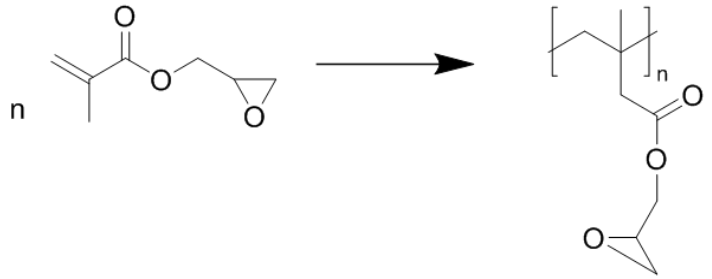

Рисунок 1 – Схема реакции полимеризации ГМА

Реакция термического распада инициатора с образованием свободных радикалов и последующее взаимодействие образовавшихся радикалов с глицидилметакрилатом приведены на рисунке 2.

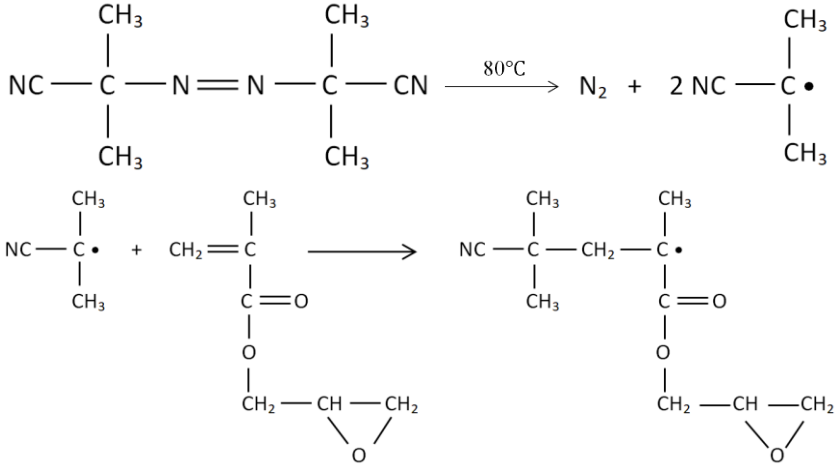

Рисунок 2 – Термическое инициирование радикальной полимеризации глицидилметакрилата

Далее провели три *реакции сополимеризации ГМА со стиролом:* с содержанием 10 мольн.%, 20 мольн.% и 30 мольн.% стирола в мономерной смеси в диоксане при 70°С с инициатором ДАК.

Схема реакции сополимеризации представлена на рисунке 3.

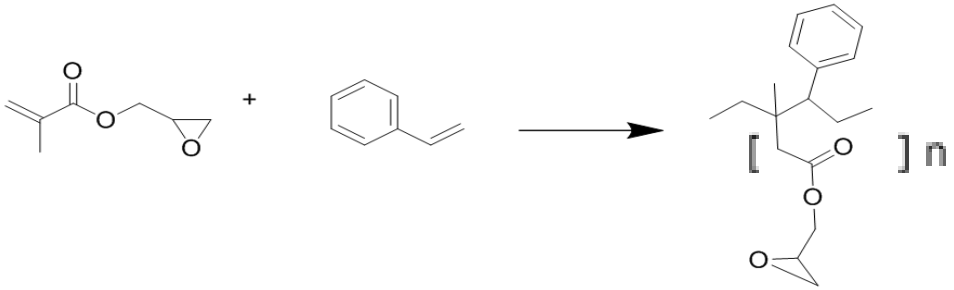

Рисунок 3 – Схема реакции сополимеризации ГМА и стирола

Провели *реакцию сополимеризации ГМА с 2-этилгексилакрилатом:* с содержанием 20 мольн.% 2-этилгексилакрилата в мономерной смеси в диоксане при 70°С с инициатором ДАК.

Схема реакции сополимеризации представлена на рисунке 4.

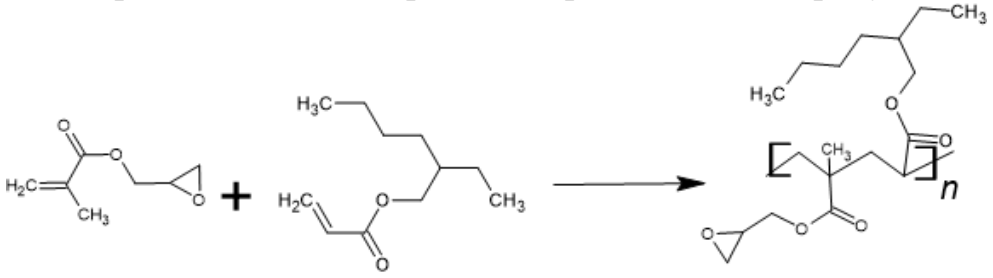

Рисунок 4 – Схема реакции сополимеризации ГМА и 2-этилгексилакрилата

В дальнейшем проводилась *сшивка полученных полимеров* с использованием в качестве сшивателей диаминодифенилсульфона и (ДДС) и диаминодифенилметана (ДДМ) при 90°С. При сшивании полимера в растворе диоксана наблюдалось увеличение вязкости реакционной смеси. При этом полного затвердевания реакционной смеси не происходило. Полное отверждение покрытия происходило после полного испарения растворителя на воздухе.

Для наглядности *схема реакции сшивки ПГМА с использованием ДДС* представлена на рисунке 5.

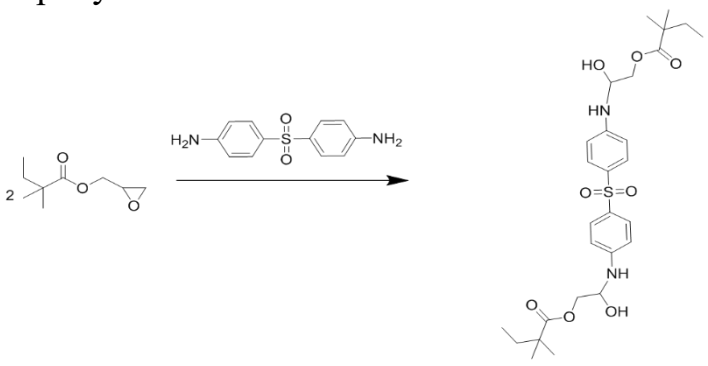

Рисунок 5 – Реакция сшивки полиглицидилметакрилата с использованием диаминодифенилсульфона как сшивающего агента

Схема *реакции сшивки сополимера ГМА со стиролом с использованием дифенилдиаминов* представлена на рисунке 6.

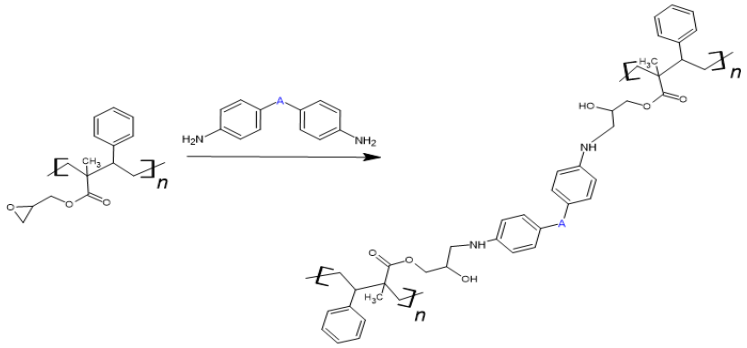

Рисунок 6 – Схема реакции сшивки сополимера глицидилметакрилата со стиролом с использованием дифенилдиаминов как сшивающих агентов, где A: -SO2, -CH2

Структура сшитого сополимера подтверждалась *методом ИК – спектроскопии* (рис. 7).

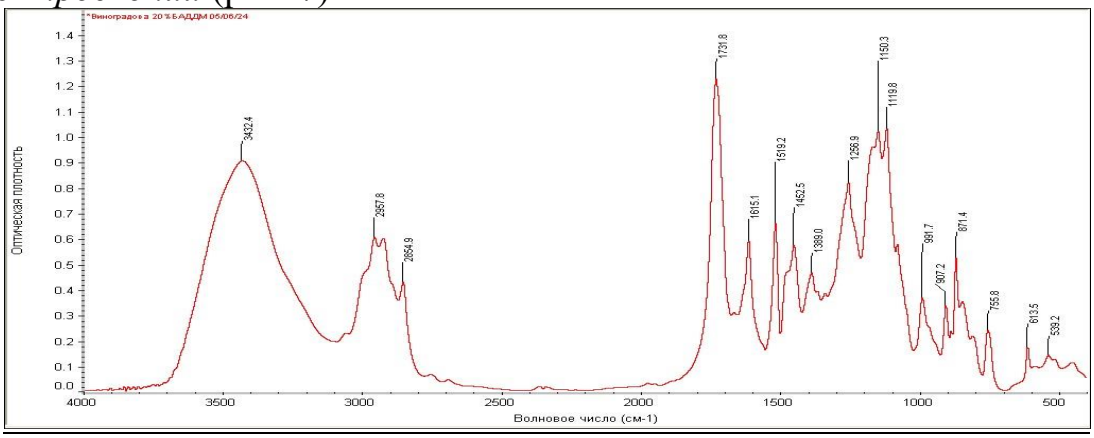

Рисунок 7 – Результаты ИК – спектроскопии сомополимера глицидилметакрилата и бутилакрилата, сшитого диаминдифенилметаном

Результаты ИК – спектроскопии отображены на рис. 8.

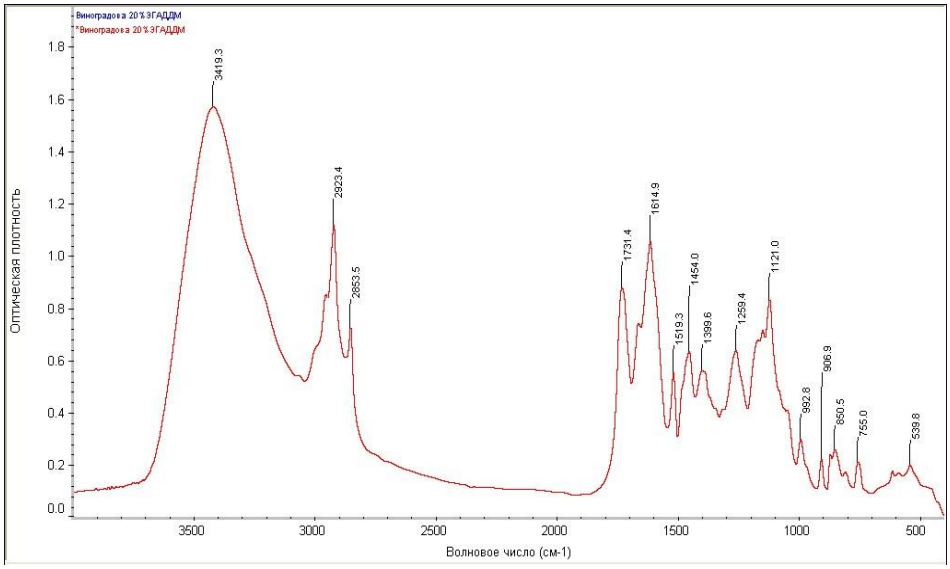

Рисунок 8 – Результаты ИК-спектроскопии сомополимера глицидилметакрилата и 2-этилгексилакрилатаа, сшитого диаминдифенилметаном

По результатам ИК-спектроскопии можно увидеть пики со значениями волновых чисел колебаний различных групп, содержащихся в сомополимерах и в сшитых сомополимерах, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – волновые числа колебаний групп, содержащихся в гомополимере глицидилметакрилата и в сшитом полимере

Группа	ν, см $^{-1}$
C – C	1050 ± 10
C – O – C	1105 ± 45
C = O	1650 ~ 1800
C = C(ароматическое кольцо)	1450 ~ 1600
C – OH	~1100
$(R)_2NH$	3330 ± 20

Измерения блеска покрытий, проводились при помощи *блескомера TQC с геометрией 60°.* Значения представлены в Глосс Юнитах (GU) (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты измерений блеска покрытий

Сополимер	Сшивающий агент	
	ДДС	ДДМ
Металл подложки	сталь	алюминий
ГМА - 90% , С - 10%	61	74
ГМА - 80%, С - 20%	14	16
ГМА - 70%, С - 30%	63	86
ГМА - 80%, БА - 20%	21	38
ГМА - 80% , 2-ЭГА - 20%	24	35

На основании полученных данных был сделан вывод о том, что покрытия на основе сополимеров, сшитых диаминодифенилсульфоном, в той или иной степени являются матовыми, а покрытия на основе сополимеров, сшитых диаминодифенилметаном, является глянцевыми.

Заключение

Таким образом, было проведено исследование защитных гидрофобных полимерных покрытий на основе глицидилметакрилата и его сополимеров, сшитых диаминами различной природы. На базе проведенного исследования, сформулируем следующие выводы:

1) Полимерные покрытия на основе глицидилметакрилата, сшитого различными диаминами, могут отверждаться на поверхностях без нагрева.

2) Полученные покрытия являются матовыми

Библиографический список

1. Абрашов А. А., Григорян Н.С., Симонова М.А. Пассивирование магниевой поверхности в растворах солей церия и/или лантана // Успехи в химии и химической технологии. – 2021. – Т. 35. – №. 5 (240). – С. 49-51.
2. Зайцева А.Е. Защита от коррозии стали-3 в кислой среде солями N-алкилпиперидиния // XXXI Каргинские чтения. Тезисы докладов Ежегодной всероссийской научно-технической конференции студентов и молодых учёных “ФИЗИКА, ХИМИЯ И НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ” – Тверь, Тверской государственный университет, 2025. – С. 166.
3. Зеньков С.А., Бондалет И.С., Дрюпин П.Ю., Медведев С.Н., Быков П.Д. Применение гидрофобных полимерных покрытий для футеровки поверхности рабочих органов машин // Труды Братского государственного университета. Серия: Естественные и инженерные науки. - 2024. - Т. 1. - С. 303-305.
4. Кузнецова О. П. Противокоррозионные свойства покрытий на основе водных дисперсий акриловых сополимеров // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – №. 10. – С. 566-569.

УДК 544

Хакимова Дильбар Кудратовна

к.х.н.,доцент кафедры «ЭиРТ» ДФ НИТУ МИСИС

Мирзоева Бибисоро Музафаровна

ассистент кафедры «ЭиРТ» ДФ НИТУ МИСИС

Идентификация гидрофторида лития тензиметричеким методом

Identification of Lithium Hydrofluoride by the Tensimetric Method

Аннотация: В работе исследована термическая стабильность гидрофторида лития и определены его термодинамические характеристики методом тензиметрии. Гидрофторид лития получен взаимодействием 43%-ного раствора плавиковой кислоты с карбонатом лития с последующей сушкой продукта в вакууме. Изучено давление паров фтороводорода над гидрофторидом лития в интервале температур 300–380 К в равновесных условиях. Установлена линейная зависимость логарифма давления пара HF от обратной температуры. На основании экспериментальных данных рассчитаны энтальпия и энтропия процесса разложения LiF·HF. Дополнительно исследована возможность образования гидрофторида лития при длительном воздействии паров плавиковой кислоты различной концентрации на фторид лития. Полученные результаты сопоставлены с характеристиками чистого гидрофторида лития. Показана возможность применения тензиметрического метода для идентификации LiF·HF.

Ключевые слова: гидрофторид лития, фторид лития, фтороводород, термическое разложение, давление пара, тензиметрический метод, энтальпия, энтропия, термодинамические характеристики

Annotation: The thermal stability of lithium hydrofluoride was investigated, and its thermodynamic characteristics were determined using the tensimetric method. Lithium hydrofluoride was prepared by reacting a 43% hydrofluoric acid solution with lithium carbonate, followed by vacuum drying of the product. The hydrogen fluoride vapor pressure over lithium hydrofluoride was studied under equilibrium conditions in the temperature range of 300–380 K. A linear dependence of the logarithm of HF vapor pressure on the reciprocal temperature was established. Based on the experimental data, the enthalpy and entropy of the LiF·HF decomposition process were calculated. Additionally, the possibility of lithium hydrofluoride formation upon prolonged exposure of lithium fluoride to hydrofluoric acid vapors of varying concentrations was investigated. The results obtained were compared with the characteristics of pure lithium hydrofluoride. The feasibility of using the tensimetric method to identify LiF·HF was demonstrated.

Keywords: lithium hydrofluoride, lithium fluoride, hydrogen fluoride, thermal decomposition, vapor pressure, tensimetric method, enthalpy, entropy, thermodynamic characteristics

Целью данной работы является исследование термической стабильности гидрофторида лития, определение термодинамических характеристик его разложения тензиметрическим методом и установление возможности идентификации LiF·HF по температурной зависимости давления паров фтороводорода. Дополнительной целью было изучение возможности образования гидрофторида лития при взаимодействии фторида лития с парами плавиковой кислоты различной концентрации

Согласно литературным данным, среди гидрофторидов щелочных металлов гидрофторид лития отличается наиболее высокой устойчивость[2]. При комнатной температуре на воздухе LiF·HF постепенно теряет фтороводород и переходит во фторид лития. Температура его разложения составляет 403К, а давление пара над LiF·HF при 298К достигает 252 Па. [3]

В литературе приведены следующие термодинамические характеристики процесса разложения гидрофторида лития [4] (табл.1):

Таблица 1. Термодинамические характеристики процесса разложения гидрофторида лития

№	Название, обозначение	Значение	Что характеризует
1	Стандартная молярная теплоёмкость при постоянном давлении, ΔC^0_p	- 1.46Дж/град,моль$^{-1}$ (300К); 6,15 (375К)	Изменение энтальпии вещества при изменении температуры, количество теплоты, необходимое для нагревания 1 моль вещества на 1К при постоянном давлении
2	Стандартная молярная энтропия при 298 К, ΔS^0_{298}	- 11.08 Дж моль$^{-1}$	Термодинамическое состояние вещества при стандартных условиях связана с распределением энергии и числом доступных микросостояний

3	Стандартная энергия Гельмгольца, ΔF^0_{298} ,	- 14.64 кДж/моль$^{-1}$	Энергетический эффект процесса при постоянных Т иV
4	Стандартная энергия Гиббса, ΔG^0_{298}	- 14.85 кДж моль$^{-1}$	Термодинамическая возможность протекания процесса при постоянных Т и Р
5	Стандартная энтальпия, ΔH^0	- 57.32 кДж моль$^{-1}$	Тепловой эффект образования вещества
6	Стандартная энтальпия при 298К, ΔH^0	- 56.10 кДж моль$^{-1}$	Значение энтальпии при 298К

В связи с различиями в литературных данных представляет интерес определение термодинамических характеристик гидрофторида лития независимыми экспериментальными методами.

Гидрофторид лития был синтезирован взаимодействием 43%-ного раствора плавиковой кислоты с карбонатом лития[1]. Полученный продукт подвергали сушке в вакууме при нагревании до 280 К.

Термическая стабильность гидрофторида лития исследовалась тензиметрическим методом с использованием мембранного нуль-манометра [5]. Данный метод относится к высокоточным физико-химическим методам определения давления пара и основан на применении мембранного датчика в качестве нуль-индикатора. Мембрана была изготовлена из химически стойкого стекла марки «Пирекс», что позволяло проводить измерения при температурах до 450 К, то есть в диапазоне, соответствующем условиям исследуемой системы[2].

Результаты тензиметрических исследований показали, что термическое разложение LiF·HF в равновесных условиях происходит в интервале температур 300–380 К.

Экспериментальные значения давления пара, образующегося при разложении фтороводорода по реакции

$$\mathbf{LiF \cdot HF \rightleftharpoons LiF + HF}$$

были представлены в координатах приведеные в виде lgPат,HF = f(1/T), выражаются уравнением

$$\lg P_{HF} = 7.23 \pm 0.15 - \frac{2726 \pm 147}{T}$$

Полученная температурная зависимость описывается соответствующим линейным уравнением. На основании данного уравнения были рассчитаны

термодинамические параметры процесса разложения гидрофторида лития. Их значения составили:

$$\Delta H^0_T = 52.17 \pm 2.1 \text{ кДжмоль}^{-1}$$
$$\Delta S^0_T = 138.41 \pm 2.1 \text{ Дж моль}^{-1}$$

Следующим этапом исследования стало изучение длительного, в течение шести месяцев, воздействия паров плавиковой кислоты различной концентрации (10, 15, 20, 30, 35 и 40 %) на фторид лития в условиях равновесия. Основной целью эксперимента было установление возможности образования гидрофторида лития при воздействии газообразного фтороводорода на LiF.

Кроме того, для идентификации полученных продуктов было проведено их тензиметрическое исследование и сопоставление полученных характеристик с характеристиками чистого гидрофторида лития.

При тензиметрическом исследовании продукта, полученного после воздействия паров 10%-ной плавиковой кислоты, установлено, что его давление пара практически не отличается от давления пара над чистым гидрофторидом лития. Зависимость lgP от обратной температуры имеет линейный характер. По экспериментальным данным методом наименьших квадратов было получено соответствующее уравнение. На его основе рассчитаны термодинамические характеристики процесса разложения гидрофторида лития:

$$\Delta H = 50,79 \text{ кДж моль}^{-1},$$
$$\Delta S = 138,03 \text{ Дж моль}^{-1}$$

Для продуктов, полученных при воздействии паров плавиковой кислоты других концентраций, были получены следующие результаты (Табл.2)

Таблица 2. Результаты экспериментов для других концентраций плавиковой кислоты:

Концентрация HF, %	**Уравнение зависимости** lgP	ΔH **кДж·моль⁻¹**	ΔS **Дж·моль⁻¹·К⁻¹**
15	$\lg P_{мм.рт.ст.} = 7,520 \pm 0,33 - \frac{2777 \pm 29}{T}$	53,17	143,97
20	$\lg P_{мм.рт.ст.} = 6,27 \pm 0,54 - \frac{2312 \pm 54}{T}$	46,77	121,42
30	$\lg P_{мм.рт.ст.} = 5,36 \pm 0,29 - \frac{2043 \pm 32}{T}$	39,12	102,63

35	$\lg$ Рмм.рт.ст.= 6,26 ± 0,37- $\frac{2337 \pm 37}{T}$	44,72	119,87
40	$\lg$ Рмм.рт.ст.= 7,37 ± 0,37- $\frac{2739 \pm 33}{T}$	52,42	141,08

Сопоставление результатов тензиметрического исследования семи систем показывает, что в шести случаях наблюдается удовлетворительное взаимное соответствие экспериментальных данных как по характеру температурной зависимости давления паров фтороводорода, так и по рассчитанным термодинамическим характеристикам.

Таким образом, проведённые исследования подтверждают возможность использования тензиметрического метода для идентификации гидрофторида лития. Близость полученных значений давления пара, энтальпии и энтропии разложения у исследованных образцов к соответствующим характеристикам чистого LiF·HF свидетельствует о возможности образования гидрофторида лития при взаимодействии фторида лития с парами фтороводорода.

Список литературы

1. Мухин В. В., Шемякина И. В., Шемякин С. В., Богаев А. А. Технологические аспекты получения особо чистого фторида лития из технического карбоната лития / // Вакуум. техн. и технол. - 2004. - 14, № 2. - С. 93-96, 112. - Рус.
2. Рузматова Г. Получение и термодинамические характеристики гидрофторидов s-элементов : дис. ... канд. хим. наук. — Душанбе, 2018. — С. 116.
3. Рузматова Г.К., Шарипов Д.Ш, Насриддинов С.К., Бадалов А.Б. Получение, термодинамические характеристики и термодинамическая стабильность гидрофторида лития // Вестник СПбГУ. — 2012. — №. 4. — С. 89.
4. Рузматова Г.К.,Шарипов Д.Ш.Насриддинов С.К., Бадалов А.Б. Термическая стабильность гидрофторида лития // Вестник Таджикского технического университета. — 2013. — №. 2. — С. 10-14.
5. Хакимова Д.К. Получение, термическая устойчивость и термодинамические характеристики гидрофторидов стронция и бария : автореф. дис. ... канд. хим наук. — Душанбе, 2009. — 23 с.

Экономические науки

УДК 711.4
DOI 10.34755/IROK.2026.47.60.041

Касюгин Матвей Николаевич
руководитель проекта Департамента по работе с регионами и органами государственной власти АО «Концерн Росэнергоатом»
Россия, Москва

Мастер-план как инструмент устойчивого развития города: механизмы реализации и цифровой мониторинг

Аннотация: в статье рассматривается мастер-план как инструмент согласования пространственного, социально-экономического и инфраструктурного развития города. Актуальность исследования связана с расширением российской практики мастер-планирования и переходом от разработки концепций к сопровождению их реализации. Цель работы состоит в определении условий, при которых мастер-план становится рабочим механизмом управления, а не только описанием желаемого будущего территории. Методологическую основу составили анализ нормативных и официальных документов, сравнительный анализ научных публикаций и рассмотрение российских практик. Показано, что мастер-план не заменяет генеральный план и иные предусмотренные законодательством документы, а выполняет интегрирующую функцию: связывает целевые ориентиры, проектный портфель, инфраструктурные решения и источники финансирования. Предложена модель реализации мастер-плана через проектный офис, цифровой реестр проектов, набор показателей и регулярную актуализацию. Систематизированы основные риски - институциональные, финансовые, нормативные, организационные и социальные. Обосновано, что цифровой мониторинг должен рассматриваться как постоянный элемент управления реализацией мастер-плана.

Ключевые слова: мастер-план; устойчивое развитие города; пространственное развитие; стратегическое планирование; инфраструктура; цифровой мониторинг; проектное управление; управление рисками.

Master plan as a tool for sustainable urban development: implementation mechanisms and digital monitoring

Abstract: The article examines the master plan as an instrument for coordinating spatial, socio-economic and infrastructure development. The study identifies conditions under which the master plan becomes an operational management mechanism. The methodology combines analysis of regulatory and official

documents, recent research and Russian practices. The master plan is considered not as a replacement for statutory planning documents, but as an integrative tool connecting development goals, projects, infrastructure and financing. An implementation model based on a project team, digital project register, indicators and regular updating is proposed. Institutional, financial, regulatory, organizational and social risks are systematized. Digital monitoring is treated as a permanent element of implementation management.
Keywords: master plan; sustainable urban development; spatial development; strategic planning; infrastructure; digital monitoring; project management; risk management.

Введение

Современная городская политика требует согласования землепользования, инфраструктуры, жилищного строительства, экономики и качества городской среды. Мастер-план применяется как инструмент, объединяющий пространственное видение и приоритетные проекты в единой логике управления [4; 5].

Градостроительный кодекс Российской Федерации закрепляет систему документов территориального планирования, однако мастер-план не назван самостоятельным видом такого документа [1]. Вместе с тем методические подходы к мастер-планированию уже сформированы, а практика его применения расширяется [4; 6]. В 2026 г. задача поставлена уже в масштабе 200 городов и агломераций; одновременно выявлен дефицит региональных команд, способных сопровождать мастер-планы [7]. Следовательно, центральным вопросом становится не подготовка концепции, а ее реализация.

Методология

Исследование основано на анализе законодательства, официальных материалов и научных публикаций 2024-2026 гг. Использована аналитическая рамка из четырех элементов: целевая модель города, портфель проектов, организационно-финансовые механизмы и цифровой контур мониторинга. Такой подход позволяет рассматривать мастер-план как управленческий цикл.

Место мастер-плана в системе планирования

Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. и план ее реализации усиливают значение связи пространственных приоритетов с конкретными мероприятиями [2; 3]. В этой системе мастер-план целесообразно трактовать как интеграционный инструмент между стратегическими целями, территориальными решениями и проектами.

Национальный стандарт мастер-планов ВЭБ.РФ задает методический каркас с учетом особенностей конкретного города или агломерации [6].

Исследования связывают мастер-план с объединением социально-экономических и пространственных параметров развития [4; 5].

Механизм реализации

Результативная реализация мастер-плана предполагает пять действий: перевод целевого видения в показатели; формирование портфеля взаимосвязанных проектов; закрепление ответственности и источников финансирования; увязка решений с действующими документами и программами; регулярный мониторинг и корректировка.

Организационным ядром может быть проектный офис или координационная команда. В 2026 г. среди системных вызовов названы неопределенность статуса мастер-плана, дефицит кадров и слабое межведомственное взаимодействие [7]. Поэтому команда сопровождения должна быть частью механизма мастер-планирования, а не временным ресурсом разработки.

Цифровой мониторинг

Цифровой контур позволяет превратить мастер-план из статичного документа в систему управления реализацией. Минимальный состав: единый реестр проектов, сроки и контрольные точки, данные о финансировании, геопространственная привязка и показатели результата. Цифровизация должна сокращать неопределенность и поддерживать управленческие решения, а не увеличивать отчетность.

Для оценки устойчивого развития показатели целесообразно группировать по четырем блокам: пространственному, инфраструктурному, социальному и экономическому. Важно измерять не только выполнение мероприятий, но и эффект: доступность социальных объектов, связанность территории, качество общественных пространств, создание рабочих мест и привлечение внебюджетных средств. Набор показателей должен соответствовать целям конкретного города.

Ключевые риски

Выделяются пять групп рисков. Институциональные связаны с полномочиями и координацией; финансовые - с ресурсами и изменением стоимости; нормативные - с несогласованностью решений с обязательными документами; организационные - с дефицитом компетенций и качеством данных; социальные - с расхождением проектных решений и ожиданий жителей [4; 7].

Снижение рисков требует встроенной системы управления: четких зон ответственности, поэтапного формирования инвестиционного портфеля, предварительной правовой проверки, единых требований к данным и раннего участия жителей. Такой подход соответствует современному пониманию мастер-плана как документа, включающего не только пространственную концепцию, но и механизмы реализации [6].

Заключение

Мастер-план в современной России развивается от концептуального документа к механизму комплексного управления территорией. Его практическое назначение состоит в связывании долгосрочных ориентиров с проектным портфелем, инфраструктурой, финансированием и ответственными участниками. Наличие мастер-плана не тождественно его реализации: результат возникает при наличии организационного и цифрового контура сопровождения.

В условиях расширения практики до 200 городов и агломераций особое значение приобретает компетентность региональных команд [7]. Перспективна цифровая система, в которой проекты, показатели, сроки и финансирование связаны с пространственными данными. Это позволяет регулярно выявлять отклонения и актуализировать решения, сохраняя непрерывный цикл: цели - проекты - финансирование - реализация - мониторинг - корректировка.

Библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 04.08.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/

2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р. URL: http://government.ru/docs/all/157308/

3. Об утверждении плана реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.08.2025 № 2149-р. URL: https://static.government.ru/media/files/cdE1omAdKKmtx3MjJXHsPoM7sF8jw1aA.pdf

4. Герцберг Л.Я. Интеграция мастер-планов в Российское законодательство // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 3. С. 88-95. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-3-88-95.

5. Шпакова Р.Н., Городецкий Д.И. Мастер-планы в системе стратегического планирования муниципальных образований // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 110. С. 148-165. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-110-2025-148-165.

6. Национальный стандарт мастер-планов / ВЭБ.РФ. 2024. URL: https://www.veb.ru/natsionalnyy-standart-master-planov/

7. ДОМ.РФ представил исследование по готовности регионов к разработке и реализации 200 мастер-планов // Министерство транспорта

Российской Федерации. 13.08.2026. URL: https://mintrans.gov.ru/eye/press-center/branch-news/9370

8. Смирнов И.П., Смирнова А.А., Лебедев П.С. Мастер-план малого города: опыт предпроектного социально-географического исследования (на примере Бежецка Тверской области) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024. Т. 88, № 5. С. 836-852. DOI: 10.31857/S2587556624050158.

9. Буренков А.В., Тодовянская А.В. Мастер-план как инструмент долгосрочного планирования и поступательного развития регионов РФ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 6-2 (150). С. 93-96.

Трансформация финансового управления под влиянием законодательных изменений

Рябова Виктория Павловна, студентка
Замолотдинова Кристина Павловна, студентка
Белухин Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент
Институт цифровой экономики и управления бизнес-процессами НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально- информационных технологий – ИМСИТ» (г. Краснодар) Российская Федерация

В статье рассматривается ряд ключевых тем, связанных с финансовым менеджментом и его влиянием на деятельность предприятия. Выявлено чем обусловлена недостаточная эффективность финансового менеджмента. Рассмотрены направления для повышения эффективности финансового менеджмента предприятия.

Ключевые слова: финансовый менеджмент, предприятие, финансовый результат, налоговый кодекс, прибыль, налогообложение, налоговые льготы, результат деятельности.

The article discusses a number of key topics related to financial management and its impact on the company's operations. It is revealed what causes the insufficient effectiveness of financial management. The directions for improving the efficiency of the financial management of the enterprise are considered.

Keywords: financial management, enterprise, financial result, tax code, profit, taxation, tax benefits, result of activity.

В современных условиях хозяйствования финансовое управление предприятием формируется под воздействием не только внутренних экономических факторов, но и изменений нормативно-правовой среды. Изменение налоговых ставок, порядка исполнения обязательств перед бюджетом, условий применения специальных налоговых режимов и механизмов предоставления налоговых льгот непосредственно отражается на денежных потоках организации, величине ее финансового результата и возможностях дальнейшего развития.

Рассмотрим в основном изменения законодательства, которые произошли в период 2023–2025 гг. и которые непосредственно оказали влияние на финансовое управление предприятий в РФ.

Одним из наиболее значимых изменений для финансового управления стало введение с 1 января 2023 г. единого налогового счета. Переход на ЕНС изменил не только технический порядок расчетов организаций с бюджетом,

но и организацию текущего финансового планирования. Если ранее финансовому менеджменту требовалось контролировать отдельные платежи по каждому виду налогов, то после введения ЕНС основное внимание стало уделяться формированию совокупной налоговой обязанности и достаточности денежных средств для ее исполнения. Единый налоговый платеж перечисляется в счет совокупной обязанности, что изменило порядок распределения денежных средств предприятия между налоговыми обязательствами.

Для финансового управления это означало переход от контроля отдельных налоговых платежей к управлению единым налоговым денежным потоком. Предприятиям потребовалось учитывать в платежном календаре не только сроки уплаты конкретных налогов, но и общую сумму средств, которую необходимо обеспечить к установленному сроку. Кроме того, введение ЕНС повысило значение оперативного контроля расчетов с бюджетом и взаимодействия финансовой и бухгалтерской служб. Таким образом, ЕНС фактически изменил механизм краткосрочного управления ликвидностью: налоговые платежи стали рассматриваться как единый элемент планируемого денежного потока, а контроль расчетов с бюджетом стал более тесно связан с текущим финансовым планированием.

Следующий этап трансформации связан с налоговыми изменениями, принятыми в 2024 г. и вступившими в силу преимущественно с 2025 г. Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ были внесены масштабные изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации. Наиболее существенным для финансового результата организаций стало увеличение основной ставки налога на прибыль с 20 до 25%. Новая ставка применяется к налоговой базе начиная с отчетных периодов 2025 г.

Одновременно были изменены условия применения упрощенной системы налогообложения. В частности, были увеличены предельные значения доходов и остаточной стоимости основных средств для сохранения права на применение УСН. С 2025 г. организации и индивидуальные предприниматели на УСН при превышении установленного уровня доходов стали плательщиками НДС, при этом законодательством предусмотрены освобождение от НДС и пониженные ставки при соблюдении определенных условий.

В таблице 1 представлены основные законодательные изменения в период 2023-2025 гг.

Таблица 1 - Основные законодательные изменения, повлиявшие на финансовое управление организаций в 2023–2025 гг.

Период	Законодательное изменение	Основное направление влияния
1	2	3
2023 г.	Введение единого налогового счета и единого налогового платежа	Изменение порядка налоговых расчетов и контроля денежных потоков
2023 г.	Изменение порядка исполнения налоговых обязательств	Необходимость корректировки финансового календаря
2024 г.	Принятие Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ	Подготовка организаций к изменению налоговой нагрузки с 2025 г.
2025 г.	Повышение основной ставки налога на прибыль с 20 до 25%	Сокращение потенциального объема чистой прибыли при неизменном финансовом результате до налогообложения
2025 г.	Изменение условий применения УСН	Необходимость пересмотра налоговой политики отдельных организаций

Продолжение таблицы 1

1	2	3
2025 г.	Введение НДС для части налогоплательщиков на УСН	Изменение структуры налоговых обязательств и денежных потоков
2025 г.	Введение федерального инвестиционного налогового вычета	Расширение инструментов налогового и инвестиционного планирования

Данные таблицы 1 позволяют выделить два основных направления трансформации финансового управления. Первое связано с изменением порядка исполнения налоговых обязательств и усилением требований к оперативному контролю денежных средств. Второе заключается в изменении самой величины налоговой нагрузки и появлении новых возможностей ее регулирования посредством налоговых стимулов.

Повышение ставки налога на прибыль с 20 до 25% непосредственно влияет на величину финансового результата, остающегося в распоряжении организации. При прочих равных условиях увеличение ставки означает рост суммы налога и сокращение располагаемой прибыли. В результате предприятие получает меньше собственных средств, которые могут быть направлены на развитие, формирование резервов, инвестиции или выплату дивидендов. С точки зрения финансового менеджмента это приводит к необходимости пересмотра подходов к управлению прибылью. Организации

должны уделять больше внимания контролю себестоимости, поиску внутренних резервов снижения расходов и повышению эффективности использования активов. В противном случае рост обязательных платежей может привести к сокращению финансового результата и ограничению возможностей самостоятельного финансирования.

В результате повышение ставки налога на прибыль изменило и подход к оценке эффективности финансовых решений. Инвестиционный проект или направление деятельности необходимо оценивать не только по способности формировать прибыль до налогообложения, но и по объему финансового результата, который останется у предприятия после исполнения налоговых обязательств.

Изменения в сфере УСН имеют иной механизм воздействия. Для организаций, доходы которых приближаются к установленным законодательством пороговым значениям, особое значение приобретает прогнозирование выручки. Достижение определенного уровня доходов способно изменить налоговые обязательства предприятия, поэтому динамика выручки начинает иметь значение не только с позиции увеличения дохода, но и с позиции изменения налогового режима.

Для организаций, доходы которых приближаются к установленным законодательством пороговым значениям, прогнозирование выручки стало выполнять дополнительную управленческую функцию. Финансовый менеджер должен учитывать не только возможность увеличения объема продаж, но и вероятность изменения налоговых обязательств при достижении установленных законодательством значений. С 2025 г. для части налогоплательщиков на УСН возникла обязанность по исчислению НДС, что непосредственно влияет на расчет цены, маржинальности и конечного финансового результата.

В таблице 2 представлена количественная оценка влияния налоговых изменений 2025 г. на финансовое управление организациями.

Таблица 2 - Количественная оценка влияния налоговых изменений 2025 г. на финансовое управление организациями

Показатель	До изменений	После изменений	Изменение	Влияние на финансовый менеджмент
Основная ставка налога на прибыль	20%	25%	5	Увеличение суммы налога и снижение располагаемой прибыли

Налог при прибыли до налогообложения 100 млн руб.	20 млн. руб.	25 млн. руб.	5	Сокращение средств, доступных для инвестиций, погашения обязательств и формирования резервов
Прибыль после налога при прибыли до налогообложения 100 млн руб.	80 млн. руб.	75 млн. руб.	- 5	Снижение собственных источников финансирования на 6,25%
Доход организации на УСН, при котором возникает обязанность по НДС	До 60 млн. руб. освобождение	Свыше 60 млн. руб. - НДС	Новы налоговый фактор	Необходимость учитывать налоговый порог при планировании выручки
Специальная ставка НДС для УСН при доходах свыше 60 млн руб.	Не применялась	5%	5	Необходимость пересмотра цен, маржинальности и денежных потоков
Специальная ставка НДС при доходах свыше 250 млн руб.	Не применялась	7%	7	Необходимость сценарного планирования при росте выручки

Данные таблицы 2 позволяют количественно оценить влияние изменений налогового законодательства на финансовое управление организациями. Наиболее существенным изменением стало повышение с 2025 г. основной ставки налога на прибыль с 20 до 25%. Увеличение ставки на 5 процентных пунктов непосредственно отражается на величине финансовых ресурсов, остающихся в распоряжении предприятия. Например, при сохранении прибыли до налогообложения на уровне 100 млн руб. сумма налога увеличивается с 20 до 25 млн руб., то есть на 5 млн руб., а прибыль после налогообложения сокращается с 80 до 75 млн руб. Таким образом, объем собственных финансовых ресурсов предприятия уменьшается на 6,25%, что

ограничивает возможности финансирования инвестиционных проектов, формирования резервов, погашения обязательств и развития текущей деятельности.

Изменения порядка налогообложения организаций, применяющих УСН, оказывают влияние прежде всего на планирование выручки, ценообразование и управление денежными потоками. С 2025 г. Увеличение выручки организации теперь необходимо оценивать не только с точки зрения роста доходов, но и с учетом возможного изменения налоговых обязательств. Например, при облагаемой реализации в размере 100 млн руб. применение ставки НДС 5% соответствует 5 млн руб. налогового обязательства до учета особенностей формирования налоговой базы. Это требует от финансового менеджмента заранее оценивать влияние достижения установленных порогов на цены, маржинальность и объем денежных средств, доступных предприятию.

Введение единого налогового счета с 2023 г. не увеличило непосредственно размер налоговой ставки, однако изменило организацию управления денежными потоками предприятия. Вместо раздельного контроля отдельных налоговых платежей финансовому менеджменту необходимо учитывать совокупную налоговую обязанность и обеспечивать наличие достаточного объема денежных средств к установленному сроку. В результате налоговое планирование стало теснее связано с платежным календарем и управлением ликвидностью организации.

Одновременно фактическая динамика финансовых результатов российских организаций показывает, что в 2023–2025 гг. финансовое состояние предприятий характеризовалось неоднозначными изменениями. Доля прибыльных организаций снизилась с 75,3% в 2023 г. до 72,9% в 2025 г., то есть на 2,4 процентного пункта, несмотря на увеличение их количества с 44,9 до 46,4 тыс. организаций. Совокупная прибыль прибыльных организаций за этот период сократилась с 38 342,2 до 35 968,5 млрд руб., или на 2 373,7 млрд руб. Одновременно доля убыточных организаций увеличилась с 24,7 до 27,1%, а сумма убытка выросла с 5 035,9 до 8 895,6 млрд руб., то есть на 3 859,7 млрд руб.

При этом приведенная динамика не позволяет утверждать, что ухудшение финансовых результатов российских организаций непосредственно вызвано исключительно изменениями налогового законодательства. Снижение прибыли наблюдалось уже в 2024 г., когда основные рассматриваемые изменения налога на прибыль еще не вступили в силу, поэтому на финансовые результаты воздействовали и другие факторы: изменение спроса, рост отдельных видов затрат, стоимость заемного финансирования и общие условия хозяйственной деятельности.

Список литературы

1 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/

2 О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 29. — Ст. 4061. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480697/

3 О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием порядка исчисления и уплаты налогов и сборов: Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 29. — Ст. 5325. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421873/

4 Финансовые результаты деятельности организаций в 2023 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — 2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/

5 Финансовые результаты деятельности организаций в 2025 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — 2026. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/32_11-03-2026.html

6. Ду, Ч. Меры финансовой поддержки социального предпринимательства в России и Краснодарском крае / Ч. Ду // Студенческая научно-исследовательская лаборатория: современное состояние и перспективы : Сборник научных статей IV Международной студенческой междисциплинарной научно-практической конференции, Краснодар, 10–11 декабря 2025 года. – Краснодар: Академия маркетинга и социально-информационных технологий - ИМСИТ, 2025. – С. 129-134.

УДК 336
DOI 10.34755/IROK.2026.98.83.033

Безруков А.В., к.э.н., доцент, доцент кафедры статистики ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
Чан Тхи Хуэ, аспирант кафедры финансов устойчивого развития ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Современные тенденции в асимметриях взаимодействия волатильности цен на золото и фондового рынка в России и Вьетнаме

Аннотация

В статье рассматривается современная ситуация на рынке золота в России и Вьетнаме и его взаимодействие с соответствующими страновыми фондовыми рынками в аспекте корреляций между их волатильностями. На основе исторических данных за 2023-2026 гг. анализируются общие закономерности динамики цен на золото, индекса МосБиржи и индекса фондовой биржи Хошимина. На основе корреляционного анализа выявлена положительная корреляция между волатильностью фондового индекса и рынком золота в обеих анализируемых странах. На основе данных о доходностях цен на золото и фондовых индексов получены модели волатильности EGARCH, на основе которых установлена высокая продолжительность воздействия шоковых макроэкономических событий на рынок активов, однако статистически значимые кратковременные шоковые воздействия характерны только для Вьетнама, где действует эффект обратного воздействия рычага, в то время как в России кратковременные воздействия существенно менее выражены, статистически значимого рассоединения волатильностей на финансовом рынке вследствие геополитических и внутренних макроэкономических факторов не происходит.

Ключевые слова: финансовый рынок, волатильность цен на золото, волатильность фондового индекса, модель экспоненциальной условной гетероскедастичности, Россия, Вьетнам, корреляция фондового рынка и рынка золота

Bezrukov A.V., Candidate of Economics, Associate Professor
Associate Professor of the Statistics department
Plekhanov Russian University of Economics
Tran Thi Hue
post-graduate student of the Department of Sustainable Development Finance of
Plekhanov Russian University of Economics

The modern trends in skewnesses of interactions between gold price and stock market volatilities in Russia and Vietnam

Annotation

The article considers the modern state of the gold market in Russia and Vietnam and its interactions with the respective country stock markets in the aspect of correlatoions between their volatilities. Upon the historical data for 2023-2026 there are analyzed the overall regularities of dynamics of gold price, IMOEX stock index and VNI stock index. Upon the correlation analysis there is revealed the existing positive correlation between the stock market volatility and gold market in both researched countries. Upon the data on returns on gold price and stock market indices there were obtained the EGARCH volatility models which allowed to confirm high duration of shock macroeconomic events impact on the capital market, however statistically significant short-term shock impacts are only characteristic for Vietnam where there exists the inverse leverage effect, while in Russia the short-term shock impacts are less pronounced and there is no apparent current statistically significant separation of volatilities on the financial market due to geopolitical and internal macroeconomic factors.

Key words: financial market, gold price volatility, stock index volatility, model of exponential conditional heteroskedasticity, Russia, Vietnam, correlations between stock market and gold market

В современных условиях развития рынка активов и расширения секторов частных инвестиций формируется потребность у участников рынка применения стратегий использования «защитных» активов от текущих изменений, что представляет особую актуальность в ситуации усиленного контроля над финансовым рынком на фоне геополитических и внутренних макроэкономических факторов.

Данная ситуация характеризуется также повышенной колеблемостью цен на золото как актива, традиционно используемого в России частными инвесторами для защиты изменений стоимости портфеля. Сектор частных инвестиций во Вьетнаме, который составляют преимущественно розничные компании, особенно остро реагирует на изменения как макроэкономической среды, так и на стоимость национальной валюты, что оказывает непосредственное воздействие на волатильность рынка золота через канал денежного обращения.

Вышеизложенные факторы обуславливают актуальность темы статьи, и позволяют сформулировать ряд исследовательских задач, в частности:

- Происходит ли рассоединение в России текущего состояния финансового рынка вследствие институционной изоляции?

- Одновременно, во Вьетнаме, существует ли корреляция между распродажами акций розничных компаний и пиками цен на золото в текущем состоянии рынка золота?

Информационную базу статьи составляют дневные данные о ценах на золото в России и во Вьетнаме, индекс МосБиржи и индекс Фондовой биржи Хошимина за период с января 2023 по август 2026 гг (рис.1). Результаты статистических расчетов и моделирования получены авторами в среде Python 3.12.

Рис.1. Внутристрановые цены на золото и значения фондовых индексов IMOEX
и VN-Index в России и Вьетнаме за период 2023-2026 гг. Источник: составлено авторами

Приведем некоторые описательные статистики, вычисленные по исходным данным временных рядов цен на золото и значений фондовых индексов (табл. 1).

Таблица 1

Описательные статистики цен на золото и фондовых индексов
в России и Вьетнаме за период 2023-2026 гг. Источник: составлено авторами

	Observations	Mean (%)	Std Dev (%)	Skewness	Kurtosis (Excess)	Jarque-Bera Stat	JB p-value

Asset Class					
R_RU_Gold	957	0.1152	1.3065	-0.2471	
3.1197	392.2115	0.0			
R_RU_Equity	957	0.0003	1.2600	0.1850	
3.8837	598.6972	0.0			
R_VN_Gold	957	0.1014	1.2550	-0.9619	
8.8353	3223.0460	0.0			
R_VN_Equity	957	0.0588	1.1899	-0.9151	
11.1825	5061.9905	0.0			

Наблюдаемые исторические волатильности цен на золото и фондового рынка, таким образом, составляют: в России 1,30% и 1,26% и во Вьетнаме 1,26% и 1,19%, соответственно.

Обратим внимание на две необычные закономерности. В обычной практике на финансовых рынках волатильность фондового рынка должна быть несколько выше. В то же время, за последние 3 года волатильность цен на золото в обеих странах выше, чем волатильность рынка. В частности, подобные результаты, с одной стороны, свидетельствуют о том, что на финансовых рынках в режиме «контроля сверху» золото становится скорее спекулятивным активом, чем инструментальным средством защиты инвестиций и валютных сбережений. С другой стороны, высокие коэффициенты эксцесса во Вьетнаме для цен на золото (8,84) и фондового рынка (11,18) со значениями коэффициентов Харке-Бера 3223 и 5062, соответственно, подтверждают предположение о высоких рисках и «тяжелых» хвостах распределения доходностей, характерных для распродаж акций компаний в розничной торговле во Вьетнаме.

Для ответа на первый исследовательский вопрос сопоставим условные волатильности.

Высокий эксцесс в наблюдаемых данных в России, вследствие геополитических шоковых изменений, и во Вьетнаме, вследствие массовой розничной торговли, а также p-значения критерия Харке-Бера $p<0.001$ создает необходимость отказаться от стандартных линейных моделей волатильности и целесообразность применения асимметричной t-распределенной EGARCH-модели волатильностей исходных временных рядов для корректного отображения условной дисперсии.

Напомним, что модель условной экспоненциальной гетероскедастичности (EGARCH-волатильности), предложенная Нельсоном [6], подразумевает, что текущая дисперсия σ_t^2 зависит как от абсолютного размера, так и от знака лагов остатков. Таким образом, согласно EGARCH-модели, условная волатильность в момент времени t представляется через логарифм дисперсии $ln(\sigma_t^2)$ следующим образом:

$$ln(\sigma_t^2) = \omega + \beta * ln(\sigma_{t-1}^2) + \alpha * (|z_{t-1}| - \mathbb{E}[|z_{t-1}|]) + \gamma z_{t-1}$$

, где:

σ_t^2 – условная дисперсия в момент времени t;

ω – константа модели, начальное значение дисперсии;

β - параметр долгосрочности для прошлой условной дисперсии, представляющий собой оценку длительности периода затухания шоковых воздействий;

α – параметр авторегрессионной условной гетероскедастичности, характеризующий амплитуду шоковых колебаний или абсолютную величину нормированных остатков;

γ – параметр асимметрии, характеризующий эффект асимметричности воздействия шоковых колебаний в отрицательной области доходностей, поскольку характерно, что отрицательные шоковые воздействия («плохие новости») сильнее влияют на волатильность, чем положительные;

z_t- нормированный регрессионный остаток, характеризующий «нововведения» для волатильности, где $z_t = \varepsilon_t/\sigma_t$ соответствует распределению с нулевым средним и единичной дисперсией. При этом, для стандартного нормального распределения $\mathbb{E}[|z_{t-1}|] = \sqrt{2/\pi}$

На основе исходных данных вычислим логарифмы доходностей цен на золото и фондовых индексов, и получим асимметричные t-распределенные модели EGARCH(p=1,o=1,q=1, skew-t) для рынков золота в России и во Вьетнаме.

Графики логарифмов доходностей представлены на рис. 2.

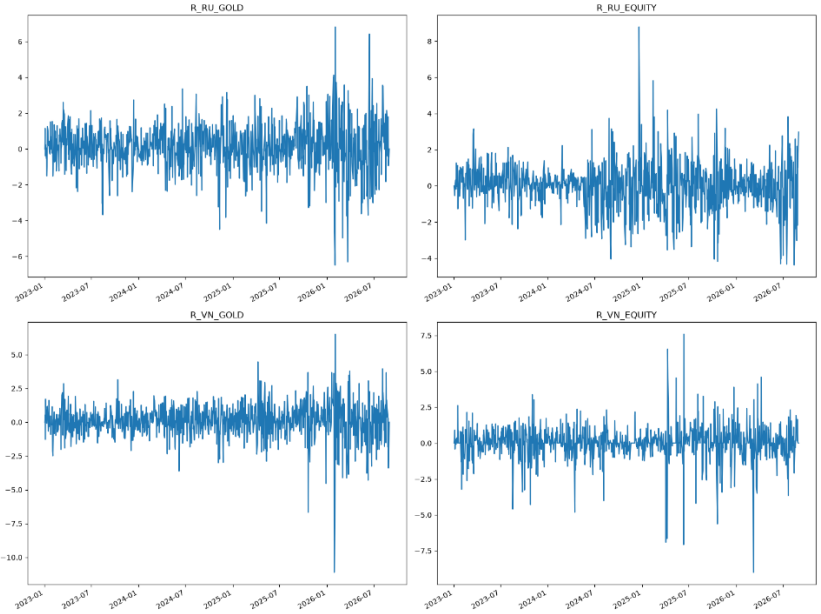

Рис. 2. Логарифмы доходностей цен на золото и фондовых рынков в России и Вьетнаме за период 2023-2026 гг. Источник: составлено авторами

Асимметричность волатильности обусловлена как коэффициентами асимметрии в доходностях в исходных данных, так и наблюдением, что волатильности рассматриваемых характеристик на спаде превышают их волатильности на подъеме. кроме этого, сопоставляя графики доходностей с исходными временными рядами, мы наблюдаем общую закономерность возникновения отрицательных доходностей в случае негативных событий на рынке (в период t доходность rt<0 и наоборот).

Сопоставляя полученные смоделированные условные волатильности рынка активов и волатильности рынка золота, отметим следующие результаты.

Корреляция условных волатильностей цен на золото и фондового рынка, полученных на основе моделей EGARCH(1,1), в России составляет +0,32, и +0,23 во Вьетнаме. Положительные значения этих корреляций отражают совместное движение волатильностей рынка активов и внутреннего рынка золота в обеих странах, в то время как повышение колеблемости фондовых рынков приводит также к повышению неопределенности на рынке золота (рис.3). Отметим, что за исследуемый период в России корреляция между волатильностями рынка золота и фондового рынка выше, чем во Вьетнаме. В частности, это может означать более сильный уровень контроля «сверху» над финансовым рынком в целом, что обусловлено необходимостью контроля современных геополитических факторов.

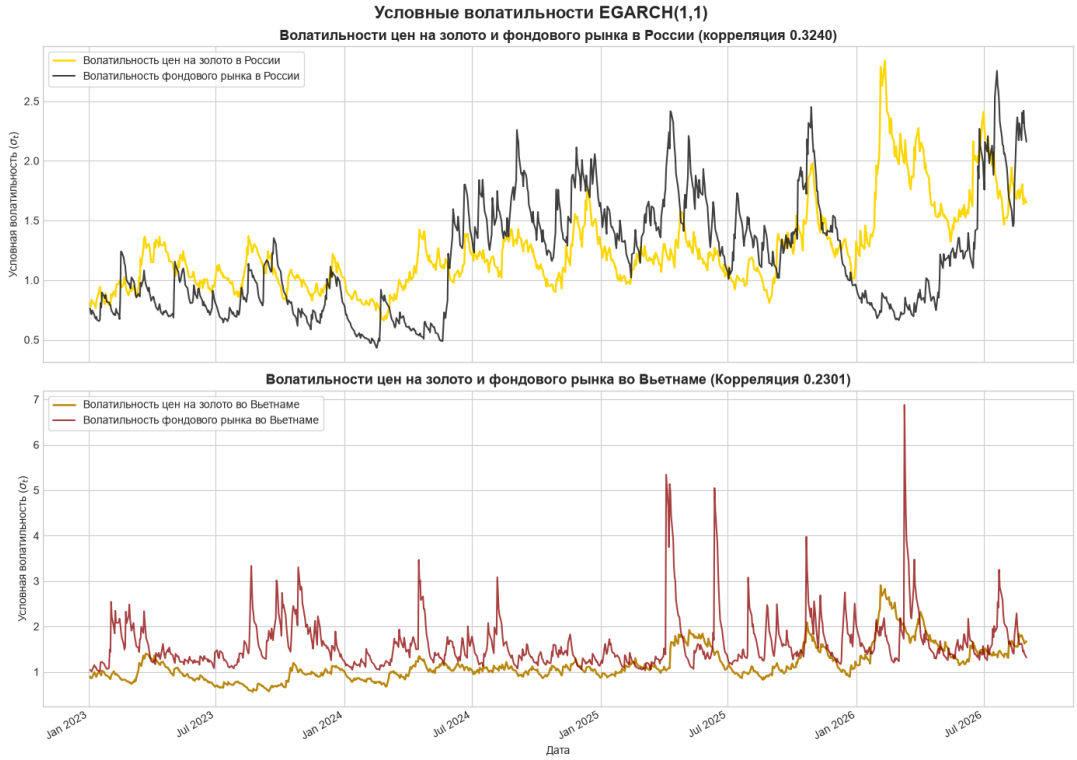

Рис. 3. EGARCH-волатильности цен на золото и фондового рынка в России и Вьетнаме за период 2023-2026 гг. Источник: составлено авторами

В России, таким образом, как геополитические, так и макроэкономические шоковые воздействия обуславливают повышенную колеблемость как фондового рынка, так и стоимость национальной валюты. В то же время, поскольку волатильность цен на золото в России фактически хеджирована национальной валютой, резкие изменения фондового рынка напрямую отражаются в повышенной волатильности цен на золото через канал денежного обращения.

Во Вьетнаме более слабая степень взаимодействия этих волатильностей отражает результат воздействия Указ 24/2012 об управлении рынком золота, закрепляя монополию государства на производство золотых слитков и ограничивая покупку и продажу золота только в строго лицензированных банках и компаниях, в целях стабилизации курса национальной валюты и ограничения ценового скачка. На современном этапе заметно создающее трение между фондовым рынком и ценами на золото воздействие Указа 24, поскольку оно создает расхождение с ценами на мировом рынке золота, вследствие чего власти Вьетнама обсуждают его реформирование. В то же время, жесткий контроль государства предложения на рынке золота создает определенный буфер, предотвращая повышение волатильности цен на золото на внутреннем его рынке вследствие спадов на рынке активов.

В качестве дополнительного методологического контроля результатов отметим высокую корреляцию (r=0.8080) между волатильностями цен на золото в России и во Вьетнаме. В частности, это свидетельствует о структурной целостности исходных данных, что соответствует предположению о том, что, несмотря на высокую сегментацию внутренних рынков (геополитические санкции и контролирующие ограничения), цены на золото в обеих рассматриваемых странах определяются прежде всего текущей конъюнктурой мирового рынка золота.

В рамках 2-й исследовательской задачи получена модель EGARCH(1,1) в целях выяснения, позволяют ли снижения доходностей рынка активов предсказывать изменения цен на золото. Основные результаты моделирования представлены в табл.2.

Таблица 2

Оценки параметров моделей t-распределенных моделей условной экспоненциальной гетероскедастичности для России и Вьетнама
Источник: составлено авторами

Параметр модели	Модель волатильности цен на золото в России	Модель волатильности цен на золото во Вьетнаме	Интерпретация
Среднее μ	0,1551 ***	0,1151 ***	Положительный коэффициент дрейфования для обоих временных рядов

ARCH α_1	0,1444	0,1380 **	Кратковременные мгновенные шоковые воздействия статистически значимы только во Вьетнаме
Асимметрия распределения γ_1	0,0359 *	0,0573 ***	Эффект обратного воздействия рычага существенно более сильный и статистически значимый во Вьетнаме
GARCH β_1	0,9828 ***	0,9868 ***	Сильное сохранение воздействия волатильности во времени после шоковых колебаний, характеризующееся крайне медленным затуханием
Форма распределения η	6,4626 ***	6,1787 ***	Островершинное распределение с «тяжелыми хвостами», подтверждается целесообразность применения асимметричного t-распределения как приемлемой модели волатильности

Условные обозначения статистической значимости параметров: * - умеренно значим (p<0.1); ** - значим (p<0.05); *** - высоко значим (p<0.01

Полученные результаты моделирования позволяют сделать следующие выводы.

Высокая статистически значимая продолжительность воздействия в обеих рассматриваемых странах ($\beta_1 = 0.9828$, $p<0.001$ в России и $\beta_1 = 0.9868$, $p<0.001$ во Вьетнаме) свидетельствует о существенно длинной «памяти» рынка. Снижение дисперсии после шоковых макроэкономических воздействий на рынок активов происходит крайне медленно.

Правосторонняя асимметрия волатильности в России ($\gamma_1 = 0.0359$, $p<0.1$), характеризующаяся умеренной статистической значимостью, подтверждает обратный эффект рычага, для которого положительные доходности цен на золото, вызванные внутренними всплесками спроса вследствие ожиданий девальвационных тенденций курса национальной

валюты, повышают будующую волатильность более сильно, чем отрицательные изменения цен.

Во Вьетнаме правосторонняя асимметрия волатильности цен на золото выражена гораздо сильнее и высоко статистически значима ($\gamma_1 = 0.0573$, $p<0.01$). Структурные положительные шоковые сдвиги в доходностях цен на золото существенно сильнее влияют на будущую условную их волатильность, чем отрицательные одинаковые по силе воздействия. Это соответствует классической модели безопасного актива в ситуации панического или спекулятивного инерционного сдвига, создавая интенсивный спрос на золото во время периода локальной неопределенности фондового рынка.

Для обеих моделей волатильности параметры хвостов распределения (для России $\eta = 6.4626$, $\lambda = -0.0433$, для Вьетнама $\eta = 6.1787$, $\lambda = -0.0394$) практически одинаковы, что подтверждает островершинность распределения волатильности и целесообразность применения асимметричного t-распределения для доходностей (рис.4). В обеих странах реальная структура волатильностей цен на золото характеризуется высокими внезапными всплесками с повышенными ее значениями.

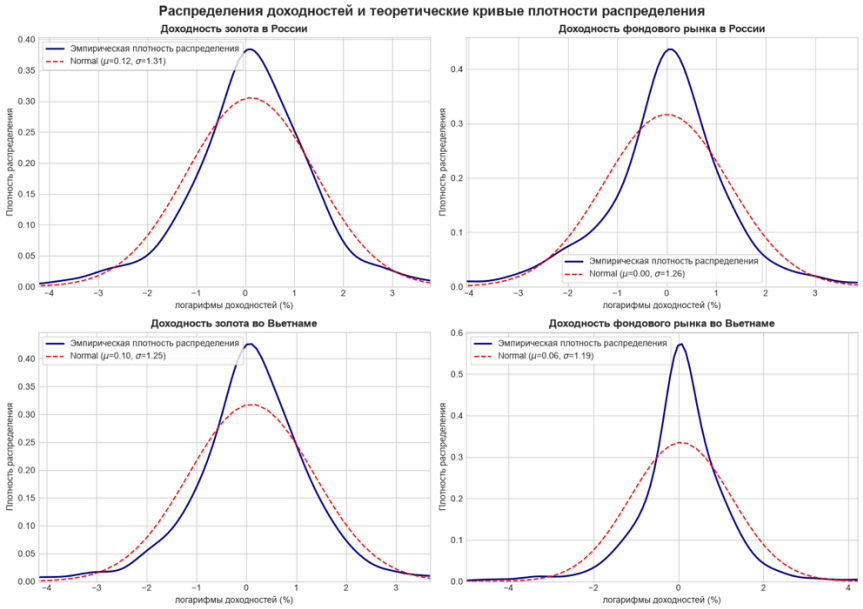

Рис. 4. Фактические и теоретические распределения доходностей фондового рынка и цен на золото в России и Вьетнаме
Источник: составлено авторами

В России коэффициент $\alpha = 0.1444$ в модели волатильности статистически незначим ($p>0.05$, $p>0.1$), в то время как для модели волатильности рынка золота во Вьетнаме он обладает статистической значимостью ($\alpha = 0.1380$, $p<0.05$). Данный результат, в частности, означает,

что во Вьетнаме мгновенные дневные изменения доходности вызывают более сильную реакцию в дисперсии, чем в России, вследствие того, что внутренний золотовалютный рынок во Вьетнаме более чувствителен к мгновенным шоковым изменениям из-за более реактивной базы частных инвесторов «передового» сегмента рынка.

Библиографический список:

1. Минашкин, В. Г. Статистика фондового рынка : учебное пособие / В. Г. Минашкин. – Москва : Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2003. – 131 с.
2. Салин, В. Н. Биржевая статистика : учебное пособие / В. Н. Салин, И. В. Добашина. — Москва : Финансы и статистика, 2003. — 176 с.
3. Хохлова О. А. Проблемы оценивания рисков экономической деятельности // Математическое моделирование в управлении рисками : материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2012. – С. 144–146.
4. Bollerslev T. Generalized Autoregressive Conditional Heteroskedasticity // Journal of Econometrics. – 1986. – N 31. – P. 307–327.
5. Engle R. Autoregressive Conditional Heteroscedasticity with Estimates of the Variance of United Kingdom Inflations // Econometrica. – 1982. – N 20. – P. 987–1007.
6. Nelson, D. B. (1991). Conditional heteroskedasticity in asset returns: A new approach. *Econometrica*, 59(2), 347-370.

УДК 330.1; 334.01
DOI 10.34755/IROK.2026.44.42.034

Курганская И.Ю.
Аспирант кафедры Менеджмент
АНО ВО Российский новый университет
Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-4593-2168
SPIN 7782-1213

Современные ограничения развития эндаумент-фондов в благотворительной сфере России

Аннотация: в статье рассматриваются ограничения, которые сдерживают распространение эндаумент-фондов в благотворительной сфере России. Несмотря на увеличение числа целевых капиталов и постепенное развитие нормативной базы, данный инструмент пока не стал распространенным источником долгосрочного финансирования благотворительных организаций. В работе показано, что проблема связана не только с законодательными условиями. Существенное значение имеют небольшой размер многих целевых капиталов, ориентация благотворителей на финансирование текущих задач, недостаточная информационная открытость, ограниченность профессиональных компетенций и сложность привлечения пожертвований на долгосрочные цели. Сделан вывод о необходимости рассматривать развитие эндаументов как управленческую задачу, связанную с формированием финансовой устойчивости благотворительных организаций.

Ключевые слова: эндаумент-фонд, фонд целевого капитала, целевой капитал, некоммерческие организации, финансовая устойчивость, благотворительная сфера, пожертвования.

Kurganskaya I.Yu.
Postgraduate student of the Department of Management
Russian New University
Moscow, Russia

Current constraints on the development of endowment funds in Russia’s charitable sector

Annotation: the article examines the constraints hindering the spread of endowment funds within Russia’s charitable sector. Despite the growing number of endowments and the gradual development of the regulatory framework, this instrument has not yet become a widespread source of long-term funding for charitable organizations. The study demonstrates that the issue stems from more than just legislative conditions; significant factors include the small size of many endowments, a tendency among donors to prioritize funding for immediate needs, a lack of transparency, limited professional expertise, and the difficulty of securing

donations for long-term objectives. The authors conclude that the development of endowments should be viewed as a management challenge linked to building the financial sustainability of charitable organizations.

Ключевые слова: endowment fund, endowment capital, endowment, non-profit organizations, financial sustainability, charitable sector, donations.

Финансирование благотворительных организаций в России в значительной степени зависит от текущего поступления пожертвований. Такая модель позволяет решать конкретные социальные задачи, однако делает организацию зависимой от регулярности поступления денежных средств. При снижении объема пожертвований НКО вынуждена сокращать программы, искать новых партнеров или использовать имеющиеся резервы. Поэтому для благотворительного сектора постепенно возрастает значение финансовых механизмов, рассчитанных не только на получение средств сегодня, но и на создание источников финансирования на более продолжительный период.

Одним из таких механизмов является целевой капитал (эндаумент). Его принципиальное отличие от обычного пожертвования состоит в том, что переданное имущество не расходуется непосредственно на текущую деятельность организации. Оно передается в доверительное управление, а полученный доход направляется на финансирование предусмотренных целей. Именно эта особенность позволяет рассматривать эндаумент как один из инструментов повышения финансовой устойчивости НКО.

Правовая основа российского института целевого капитала была сформирована еще в 2006 году после принятия Федерального закона №275-ФЗ. Закон определяет целевой капитал как часть имущества НКО, сформированную в установленном порядке и переданную управляющей компании для получения дохода, который используется для финансирования некоммерческой деятельности [1]. Действующее законодательство допускает использование дохода от целевого капитала в том числе в сфере социальной помощи и в целях, предусмотренных законодательством о благотворительной деятельности.

За прошедшие годы российский рынок эндаументов заметно вырос. По данным, приведенным Русфондом, если в 2007 году в стране насчитывалось только 16 таких фондов, то в 2024 году их число превысило 300. При этом наиболее распространены эндаументы в образовательной сфере, хотя целевые капиталы постепенно получают развитие и в благотворительности. Например, доход эндаумента фонда «Вера» в 2024 году составил 91,4 млн. руб., а целевой капитал фонда «Подари жизнь» принес почти 12 млн. руб. [3].

Однако количественное увеличение числа фондов само по себе еще не означает широкого распространения модели эндаумента. Одним из основных ограничений остается **недостаточный масштаб капитала**. Экономический смысл эндаумента появляется тогда, когда доход от управления накопленными средствами способен обеспечить заметную часть расходов

организации либо финансирование отдельных направлений ее деятельности. Небольшой капитал дает ограниченный доход, тогда как его создание и дальнейшее сопровождение требуют организационной работы, отчетности и участия профессиональных управляющих. Похожая проблема наблюдается и в наиболее развитом российском сегменте университетских эндаументов. В Концепции развития фондов целевого капитала вузов отмечалось, что значительное количество фондов создавалось в минимальном размере и впоследствии практически не увеличивало капитал [2].

Второе ограничение связано со **структурой благотворительного спроса**. Благотворительная организация обычно обращается к донору с понятной текущей задачей. Это может быть лечение человека, приобретение оборудования, поддержка конкретной социальной программы. Результат такого пожертвования относительно легко объяснить и показать. В случае эндаумента ситуация иная. Донор передает средства не на немедленное решение проблемы, а на создание финансового ресурса, эффект от которого проявляется постепенно.

В этом возникает определенное противоречие. Для НКО целевой капитал представляет интерес именно как долгосрочный ресурс, тогда как значительная часть благотворительных решений ориентирована на достижение результата в более коротком периоде. Данная проблема отмечалась еще в первых российских исследованиях целевого капитала [4]. Исследователи обращали внимание на различие между стратегическими потребностями организации и необходимостью финансировать многочисленные текущие задачи. За прошедшее время сам институт эндаументов значительно развился, однако указанное противоречие полностью не исчезло.

Третьим ограничением является **информационная закрытость части рынка.** Для обычного благотворительного пожертвования доверие имеет большое значение, а для передачи средств в целевой капитал его значение еще выше. Донор должен быть уверен не только в добросовестности организации, но и в качестве управления капиталом, понятности инвестиционной политики и прозрачности дальнейшего использования полученного дохода.

По данным исследования, приведенного Русфондом, 34% российских эндаументов не имеют работающих сайтов и публичной отчетности [3]. Одновременно в России отсутствует единый реестр целевых капиталов, что затрудняет получение целостной информации о состоянии данного сектора. Проблема имеет не только информационное, но и экономическое значение. Недостаток открытых данных повышает неопределенность для потенциального донора и затрудняет распространение успешных практик между организациями.

Четвертое ограничение связано с **управленческой сложностью самого инструмента.** Создание эндаумента не заканчивается сбором первоначального капитала. Организации необходимо сформировать систему

управления, создать совет по использованию целевого капитала, обеспечить взаимодействие с управляющей компанией, соблюдать требования к отчетности и одновременно продолжать работу с благотворителями. Закон прямо устанавливает обязанность создания соответствующего совета до передачи средств в доверительное управление и предусматривает специальную отчетность по каждому сформированному целевому капиталу [1].

Для крупных организаций такие требования являются выполнимыми. Однако, для небольшой региональной НКО они могут означать необходимость появления новых компетенций и дополнительных организационных затрат. Поэтому формальная возможность создать целевой капитал еще не означает организационную готовность НКО эффективно им управлять.

Еще одно ограничение заключается в **сложности формирования первоначального капитала.** Законодательство устанавливает минимальные условия, которые необходимо выполнить для его создания. В частности, если установленный размер пожертвований не будет собран в предусмотренный срок, средства не могут быть переданы в доверительное управление. В действующей редакции закона речь идет о сумме более 3 млн. руб. либо о возможности продления срока сбора при достижении суммы свыше 1,5 млн. руб. Сам по себе данный порог нельзя считать чрезмерно высоким для крупного фонда. Однако для небольшой НКО сложность заключается не столько в абсолютном размере суммы, сколько в необходимости убедить доноров отказаться от немедленного расходования пожертвования в пользу будущего дохода.

Таким образом, современные ограничения развития эндаумент-фондов имеют взаимосвязанный характер. Недостаточный объем капитала ограничивает размер получаемого дохода. Небольшой доход снижает заметность инструмента для НКО и доноров. Низкая распространенность практики препятствует накоплению управленческих компетенций. Недостаточная прозрачность, в свою очередь, осложняет привлечение новых участников и расширение донорской базы.

Поэтому дальнейшее развитие эндаументов в благотворительной сфере представляется целесообразным связывать не только с совершенствованием законодательства. Не менее важной задачей становится включение целевого капитала в общую систему управления финансовой устойчивостью НКО. Для этого организация должна определить место эндаумента среди других источников финансирования, установить приемлемое соотношение текущих пожертвований и долгосрочных накоплений, обеспечить прозрачность использования дохода и выстроить постоянную работу с донорами.

В результате эндаумент следует рассматривать не как замену традиционной благотворительности, а как ее долгосрочное дополнение. Для российских благотворительных организаций его значение состоит прежде

всего в возможности постепенно снижать зависимость от исключительно текущих поступлений и формировать собственную финансовую основу для продолжения социально значимой деятельности. Именно переход от создания отдельных целевых капиталов к их включению в систему управления устойчивостью НКО может стать следующим этапом развития данного института в России.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 30.12.2006 №275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939 (дата обращения 01.10.2026).

2. Распоряжение Минобрнауки России от 13.11.2023 №400-р «Об утверждении Концепции развития фондов целевого капитала образовательных организаций высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на 2023 - 2035 годы». URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minobrnauki-rossii-ot-13112023-n-400-r-ob-utverzhdenii/ (дата обращения 01.10.2026).

3. Дармина М. Парадоксы роста. Опубликован справочник благотворительных фандрайзинговых фондов «Русфонд.Навигатор» за 2024 год / М. Дармина. 2025. URL: https://rusfond.ru/navigator_stat/015 (дата обращения 01.10.2026).

4. Соколова С.В. Эндаумент-фонд – целевой капитал некоммерческой организации / С.В. Соколова, Б.И. Соколов // Проблемы современной экономики. №2 (26). 2008. URL: https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2026 (дата обращения 01.10.2026).

DOI 10.34755/IROK.2026.14.75.030

Xiangni Chen, Ran Zhang, Benxiang Lu
Undergraduate Student (Junior)
Lyu Ye
Associate Professor
Sichuan University of Science & Engineering
China, Yibin
Сянни Чен, Ран Чжан, Бэньсян Лу
Студентка бакалавриата (младших курсов)
Лю Е
доцент
Сычуаньский университет науки и техники
Китай, Ибинь

AI in Human Resource Management in China: Opportunities and Risks

Искусственный интеллект в управлении человеческими ресурсами в Китае: возможности и риски

Abstract

Artificial intelligence is reshaping the core functions of human resource management in China. Focusing on the Chinese context, this paper reviews domestic literature, policies, and enterprise practices to examine AI applications in recruitment, training, performance, and compensation management. It identifies opportunities such as improving efficiency, optimizing decision-making, and achieving personalized learning, and examines risks including algorithmic bias, data privacy, lack of transparency in decision-making, and the loss of human factors. The study suggests that under China's institutional and legal environment, the realization of AI's value in human resource management depends on whether organizations can establish ethical governance frameworks and human-AI collaboration mechanisms.

Keywords: artificial intelligence; human resource management; algorithmic bias; data privacy; human–AI collaboration

Аннотация.

Искусственный интеллект меняет основные функции управления человеческими ресурсами в Китае. В этой статье, посвященной китайскому контексту, рассматривается отечественная литература, политика и практика предприятий, чтобы изучить применение ИИ в подборе персонала, обучении, управлении производительностью и вознаграждениями. В нем определяются такие возможности, как повышение эффективности, оптимизация процесса принятия решений и достижение персонализированного обучения, а также анализируются риски, включая предвзятость алгоритмов, конфиденциальность данных, отсутствие прозрачности при принятии

решений и отсутствие учета человеческого фактора. Исследование предполагает, что в рамках институциональной и правовой среды Китая, осознание значения ИИ в области управления человеческими ресурсами зависит от того, организации могут устанавливать этические основы управления и механизмы взаимодействия человека и ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; управление человеческими ресурсами; алгоритмическом смещения; конфиденциальность данных; человека–Сотрудничество АИ

1. Introduction

Digital transformation is changing the fundamental logic of organizational operations, and human resource management (HRM) has become a frontier for AI technology. According to the Artificial Intelligence Industry Development Research Report (2025) released by the China Academy of Information and Communications Technology, the scale of China's core AI industry exceeded 900 billion yuan in 2024, a year-on-year increase of 24% [1]. From resume screening to intelligent scheduling, from attrition prediction to personalized training, AI application in HR scenarios is becoming increasingly widespread. However, technological optimism masks a fundamental fact: AI in HRM is a "double-edged sword" [2]. Examining the opportunities and risks of AI in HRM has theoretical and practical significance. This paper focuses on the Chinese context, using literature review and theoretical analysis to explore the double-edged effects of AI in human resource management, and proposes governance paths under China's institutional environment.

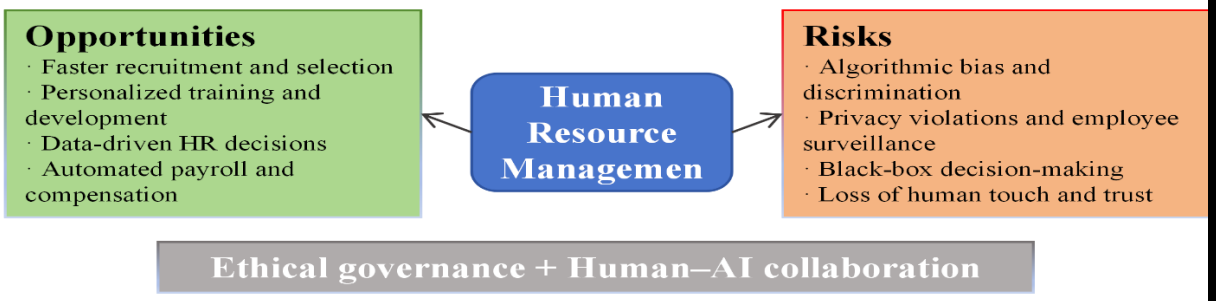

Figure 1. The double-edged sword of AI in human resource management

2. Research Methods

This paper primarily uses literature review and theoretical analysis as research methods. The sources of literature mainly include academic journals, industry reports, and policy documents related to artificial intelligence and human resource management in China. The research focuses on a dialectical analysis of the opportunities and risks of AI in HRM, and proposes response strategies in combination with current Chinese laws and regulations.

3. Research Results

AI application is most mature in recruitment. Resume screening tools based on

natural language processing and machine learning can quickly process massive applications, significantly shortening the initial screening cycle. According to the Chinese newspaper Rural Mass Daily, Chinese enterprise practices show that AI can significantly shorten screening time and improve recommendation accuracy [3]. Research indicates that AI technology demonstrates value in improving resume screening efficiency, precisely matching job needs, and optimizing candidate experience [4]. AI-powered adaptive learning platforms can dynamically adjust training content and pace based on employees' skill gaps and career development goals. Research indicates that AI's automation and intelligent forecasting functions not only improve efficiency in resume screening and attendance management but also demonstrate advantages in decision support, freeing HR departments from transactional operations [5]. In talent analysis, AI technology transforms employee data into actionable insights, assisting managers in more precise talent inventory, succession planning, and performance forecasting. Research points out that specific AI application scenarios in human resource management include automated resume screening, intelligent performance evaluation systems, personalized learning and development path planning, predictive HR analysis, and intelligent payroll and benefits management [6].

However, the bias of AI systems does not stem from the algorithms themselves but from training data. Research points out that the risks of new types of employment gender discrimination under algorithmic decision-making exhibit automatic, covert, and continuous characteristics through scenarios such as targeted push in intelligent recruitment and implicit salary differences in platform management, exacerbating the governance dilemma of traditional labor law systems [7]. In the algorithmic era, all aspects of workers' information are digitized, and algorithms directly or indirectly affect workers' rights, and these impacts are not easily detected by workers [8]. The application of AI in HR often requires the collection and processing of large amounts of employee data. According to the Chinese newspaper Workers' Daily, a survey conducted by a domestic human resources service provider found that over half of employees reported their work was monitored, with employers focusing on website browsing, computer screens, email content, social media, and location tracking. 25% of professionals expressed dislike of this [9]. A study by the School of Management at Huazhong University of Science and Technology in China surveyed 494 employees who had experienced AI algorithm monitoring, finding that AI-driven developmental feedback monitoring positively impacts employee innovation performance, while controlling feedback negatively impacts innovation performance [10]. The Personal Information Protection Law of the People's Republic of China came into effect on November 1, 2021, clearly stating that personal information processors may process personal information only "as necessary for the implementation of human resource management in accordance with legally formulated labor rules and regulations and legally concluded collective contracts" [11]. Many AI systems operate in a "black box" manner, making it difficult for HR personnel and employees to understand the specific basis behind decisions. At the

same time, AI cannot replace human empathy, intuitive judgment, and the ability to make decisions in complex situations. Research points out that the introduction of AI performance appraisers significantly reduces candidates' perceptions of distributive fairness and procedural fairness, thereby weakening their willingness to dedicate themselves to work [12]. AI can recognize patterns but cannot understand context; it can issue alerts but cannot provide care.

HR function	AI application	Opportunities	Risks
Recruitment and selection	Resume screening, chatbot interviews, candidate ranking	Faster screening, lower costs, reduced initial bias	Algorithmic bias, discrimination lawsuits, opaque ranking
Training and development	Adaptive learning platforms, personalized recommendations	Personalized skill development, higher completion rates	Over-automation, limited human mentoring, data privacy
Performance management	Continuous feedback, productivity analytics	Real-time insights, more objective evaluation	Surveillance, stress, lack of context
Compensation and benefits	Automated payroll, benefits administration	Time savings, error reduction, higher efficiency	Data errors, privacy risks, reduced human oversight
Employee relations	Sentiment analysis, turnover prediction	Early warning, better retention	Privacy intrusion, trust erosion, dehumanization

Figure 2 AI applications in HR functions: opportunities and risks

4. Discussion

The responsible application of AI in HRM requires organizations to establish clear ethical governance mechanisms. To regulate the rational use of AI technology in labor management, employers should strengthen human supervision and the obligation to explain the use of AI technology, considering human intervention as a necessary means [8]. Effective governance needs to focus on the following elements: algorithm audit systems, bias detection and correction processes, the principle of data minimization, employee informed consent mechanisms, and the requirement for decision explainability [7]. The Action Plan for Accelerating Digital Talent Development to Support the Development of the Digital Economy (2024–2026), issued by the Ministry of Human Resources and Social Security and eight other departments, proposes to carry out solid actions in cultivating, attracting, retaining, and utilizing digital talent over about three years, providing policy guidance for human resource management in the AI era [13].

At the same time, AI's best role in HRM is not to replace humans but to enhance human capabilities. Research integrating studies from psychology and management, using signal theory as an entry point, analyzes the impact of AI recruitment on different dimensions of job seekers' perception of fairness and proposes strategies to improve human-AI collaboration effectiveness [2]. AI is responsible for screening, HR for relationship building and final decision-making. Research suggests that organizations "embrace human-centered AI" and institutionalize AI ethics [4]. The

strategic focus of organizations should not be "how many people can AI replace," but rather "how to create greater value through collaboration between AI and humans."

5. Conclusion

The use of AI in human resource management shows a clear "double-edged sword" characteristic. On the one hand, it has advantages in areas like recruitment efficiency, personalized learning, data-driven decision-making, and automated payroll management. On the other hand, challenges like algorithmic bias, privacy risks, opaque decision-making, and the loss of human factors cannot be ignored. This paper argues that AI's value in HRM is not automatic—it depends on certain conditions: its success hinges on whether organizations can place ethical governance and human-AI collaboration at the heart of technology deployment. For HR professionals, this means a role shift: moving from process executors to supervisors of AI systems, ethical guardians, and designers of employee experiences.

References

[1]. China Academy of Information and Communications Technology. Artificial Intelligence Industry Development Research Report (2025). Beijing: CAICT, 2026.
[2]. Han Min, Chen Xiaoxi. Fairness Threats and Improvement Strategies of AI Recruitment in Organizational Selection Contexts. China Human Resources Development, 2025, 42(9): 6-17.
[3]. Recruitment, Attendance, and Payroll All Handled by AI // Rural Mass Daily. — December 1, 2025.
[4]. Ren Huijun, Sun Haocheng. Reflections on Human Resource Management in the Era of Artificial Intelligence from the Enterprise Perspective. China Management Informationization, 2025, (4): 130-132.
[5]. Xu Haibo. Application and Effectiveness Evaluation of Intelligent Technology Empowering Human Resource Management Processes. Sales and Management, 2025, (13): 9-11.
[6]. Wei Rurong. Application Dilemmas and Optimization Paths of Generative AI in Human Resource Management—Taking Recruitment and Performance Evaluation Modules as Examples. Journal of Humanities and Social Sciences, 2026, 2(2): 165-168. DOI: 10.70693/rwsk.v2i2.259.
[7]. Yang Yunxia, Xie Min. Research on the Regulation of Employment Gender Discrimination Caused by Algorithms. Journal of Shaanxi Academy of Governance, 2025, (2).
[8]. Zhang Linhan. Dilemmas and Countermeasures of Legal Regulation of Labor Employment Discrimination in the Algorithmic Era. Journal of Beijing Vocational College of Labor and Social Security, 2024, (1): 27-33.
[9]. How to Define the Boundary of Workplace "Digital Surveillance"? // Workers' Daily. — May 11, 2026.
[10]. Liu Luming, He Yuanqiong, Hu Mengyuan. Active Learning or Deliberate Avoidance? Research on the Impact of AI Algorithm Monitoring on Employee Innovation Performance. Science of Science and Management of S.& T., 2024,

45(10): 181-197.
[11]. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. 2021.
[12]. Liang Wei, Shan Xiaoyu, Chen Zhengqiao, et al. The Impact of AI Performance Appraisers on Employees' Perceived Fairness and Work Devotion. Scientific Decision Making, 2024, (12): 127-135.
[13]. Ministry of Human Resources and Social Security and Eight Other Departments. Action Plan for Accelerating the Cultivation of Digital Talents to Support the Development of the Digital Economy (2024–2026). 2024.

УДК 332.1

Абдуллаев Мурад Фархад оглы,
аспирант Института мировой экономики,
г. Дербент, Республика Дагестан

Платформенные решения для оборота данных как драйвер инновационного развития в отраслях российской экономики

Platform solutions for data circulation as a driver of innovative development in sectors of the Russian economy

Аннотация: В статье анализируются платформенные решения для оборота данных как драйвер инновационного развития отраслей экономики России в 2026 году. Показано, что цифровые платформы снижают издержки на 18–25%, повышают производительность и укрепляют технологический суверенитет.

Ключевые слова: Платформенные решения, оборот данных, инновации, технологический суверенитет.

Abstract: This article analyzes platform solutions for data circulation as a driver of innovative development in Russian economic sectors in 2026. It is shown that digital platforms reduce costs by 18–25%, increase productivity, and strengthen technological sovereignty.

Keywords: Platform solutions, data circulation, innovation, technological sovereignty.

В условиях стремительной цифровой трансформации экономики платформенные решения для оборота данных выходят на передний план как ключевой фактор конкурентоспособности национальных отраслей, и для России, находящейся на этапе активного импортозамещения и технологического суверенитета, создание эффективных цифровых платформ становится не просто инструментом оптимизации, а стратегическим приоритетом государственной политики.

По состоянию на сентябрь 2026 года в российской экономике функционирует более 570 отраслевых и межотраслевых цифровых платформ, обеспечивающих сбор, обработку, хранение и коммерческий оборот данных, что на 47% больше, чем в 2024 году, и этот рост напрямую связан с реализацией национального проекта «Экономика данных», который предусмотрел создание единой системы межплатформенного взаимодействия и стандартизацию форматов обмена информацией. Министерство цифрового развития оценивает совокупный экономический эффект от внедрения платформенных решений в 2025-2026 годах в 1,2 трлн рублей, причем основными бенефициарами стали промышленность, транспорт, энергетика,

сельское хозяйство и финансовый сектор, где цифровые платформы позволили сократить операционные издержки в среднем на 18-25% и повысить точность прогнозирования спроса и логистических цепочек на 30-40%. [1]

Таблица 1. Ключевые показатели внедрения платформенных решений в отраслях (2026 год)

Отрасль	Количество платформ, шт.	Количество предприятий на платформах, шт.	Снижение издержек, %	Экономический эффект, млрд руб.
Промышленность	127	3 700	20	180
Транспорт и логистика	34	1 100+	23	310
Энергетика	68	1 600	18	250
Финансовый сектор	89	3 500	25	170
Сельское хозяйство	42	9 200+	22	200
Прочие отрасли	210	2 100	15	90
ИТОГО	**570+**	**21 200+**	**~20**	**1 200**

Промышленный сектор стал одним из лидеров по внедрению платформенных решений для оборота данных, и по данным Министерства промышленности и торговли, на сентябрь 2026 года 3,7 тысячи крупных и средних предприятий используют отраслевые цифровые платформы для обмена данными о производственных процессах, загрузке мощностей, качестве продукции и движении материальных потоков, что позволило повысить коэффициент использования производственных мощностей на 8-12% и снизить долю брака на 22% за счет предиктивной аналитики и своевременного выявления отклонений. Наиболее заметные результаты достигнуты в металлургии, нефтехимии и машиностроении, где созданы консорциумы производителей и поставщиков, объединенные едиными платформами данных, позволяющими в режиме реального времени оптимизировать цепочки поставок, распределять заказы между предприятиями и синхронизировать графики ремонтов и обслуживания оборудования, что в совокупности дало экономию материальных ресурсов на

сумму более 180 млрд рублей за первое полугодие 2026 года. Помимо внутрикорпоративного эффекта, платформы данных создали новые возможности для межотраслевого взаимодействия, например, платформа «Цифровая металлургия», запущенная в пилотном режиме в 2025 году и масштабированная на все регионы к июню 2026 года, объединяет данные 78 металлургических предприятий, 156 поставщиков сырья и 243 потребителей готовой продукции, обеспечивая прозрачность ценообразования и сокращая цепочку посредников, что снизило конечную стоимость металлопроката для строительной отрасли на 5-7%. [2]

Транспорт и логистика демонстрируют еще более впечатляющую динамику цифровизации через платформенные решения, и на сегодняшний день в России функционирует 34 отраслевые платформы, покрывающие все виды транспорта - автомобильный, железнодорожный, авиационный и морской, а также мультимодальные перевозки, и их совокупный оборот данных за первое полугодие 2026 года превысил 890 терабайт в месяц, что втрое больше показателя 2024 года. Единая платформа мониторинга грузоперевозок, внедренная Министерством транспорта совместно с операторами связи и навигационными системами, позволила сократить время простоя подвижного состава на 23%, снизить порожний пробег на 17% и оптимизировать маршруты доставки с учетом дорожной ситуации, погодных условий и загрузки терминалов, что привело к общему сокращению логистических издержек в экономике на 310 млрд рублей по итогам первых двух кварталов 2026 года. Особого внимания заслуживает интеграция транспортных платформ с системами управления складами и производственными графиками промышленных предприятий, что создало эффект «цифрового конвейера», когда данные о готовой продукции автоматически формируют заявки на перевозку и оптимизируют маршруты доставки конечным потребителям, сокращая общее время исполнения заказа на 28%, и этот синергетический эффект уже оценивается экспертами как один из главных результатов национальной политики в сфере оборота данных. [5]

В энергетическом секторе платформенные решения для оборота данных стали базой для создания «умных» сетей и систем балансировки спроса и предложения, и на сентябрь 2026 года 68 региональных энергосистем подключены к единой платформе управления данными о генерации, потреблении и резервировании мощности, что позволило снизить потери при передаче электроэнергии на 6,5% и сократить количество аварийных отключений на 34% благодаря предиктивному мониторингу состояния оборудования. Новой точкой роста стали платформы оборота данных в распределенной энергетике, где данные о работе солнечных панелей, ветряных установок и накопителей агрегируются и используются для оптимизации режимов работы и прогнозирования выработки в зависимости от погодных условий, что в условиях роста числа домохозяйств с собственными энергогенерирующими установками (более 127 тысяч по состоянию на август

2026 года) становится критически важным для сохранения устойчивости энергоснабжения и снижения нагрузки на центральные сети. По оценке Системного оператора Единой энергетической системы, полномасштабное внедрение платформенных решений в электроэнергетике к 2028 году позволит сэкономить до 450 млрд рублей ежегодно за счет повышения эффективности генерации, снижения потерь и уменьшения необходимости в строительстве новых резервных мощностей, что подтверждает колоссальный потенциал цифровых платформ в капиталоемких отраслях.

Финансовый сектор, традиционно выступающий драйвером цифровых инноваций, использует платформенные решения для оборота данных как основу для создания новых продуктов и сервисов, и по данным Банка России, на конец первого полугодия 2026 года в финансовой сфере действуют 89 специализированных платформ обмена данными, охватывающих кредитные истории, платежную инфраструктуру, скоринг, страхование и рынок цифровых активов. Благодаря внедрению платформы «Цифровой профиль гражданина», обеспечивающей безопасный обмен верифицированными данными между банками, страховыми компаниями и государственными органами, среднее время принятия решения по потребительскому кредиту сократилось с 45 минут до 3,5 минут, а операционные затраты банков на проверку заемщиков снизились на 32%, что в масштабах всей системы дало экономию более 170 млрд рублей в первом полугодии 2026 года. [3] Кроме того, платформы оборота данных стали основой для развития рынка цифровых финансовых активов, где информация о базовых активах и юридических правах на них агрегируется в распределенных реестрах, обеспечивая прозрачность и снижая риски двойного учета, и благодаря этому за первое полугодие 2026 года объем эмиссии ЦФА превысил 920 млрд рублей, что в 2,5 раза больше, чем за весь 2025 год, и демонстрирует прямое влияние платформенных решений на рост нового сегмента финансового рынка. [4]

Сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, до недавнего времени остававшиеся аутсайдерами цифровой трансформации, в 2025-2026 годах совершили качественный скачок благодаря внедрению отраслевой платформы оборота данных «Цифровое поле», которая к сентябрю 2026 года объединила данные 9,2 тысячи сельхозпроизводителей, 340 поставщиков удобрений и семян, 180 перерабатывающих предприятий и 35 логистических операторов, обеспечив сквозное управление цепочкой от посева до прилавка. Платформа агрегирует данные о состоянии почв, погодных условиях, урожайности, ценах на сырье и готовую продукцию, используя алгоритмы машинного обучения для прогнозирования оптимальных сроков сева, внесения удобрений и сбора урожая, и по итогам уборочной кампании 2026 года первые 650 хозяйств, полностью интегрированных в платформу, продемонстрировали рост урожайности на 14-18% при снижении затрат на удобрения и средства защиты растений на 22%, что в масштабах отрасли дает потенциальную прибавку валового сбора зерновых на 3,2 миллиона тонн

ежегодно. Важно подчеркнуть, что платформа «Цифровое поле» создана на полностью отечественном программном обеспечении с использованием российских спутниковых систем дистанционного зондирования Земли «Глонасс» и «Метеор», что гарантирует технологическую независимость и безопасность оборота данных, и этот пример становится эталонным для тиражирования в другие аграрные регионы и смежные отрасли.

Институциональным фундаментом для развития платформенных решений в отраслях стали регуляторные «песочницы», созданные в рамках национального проекта «Экономика данных», которые к сентябрю 2026 года позволили протестировать 97 платформенных проектов в 8 отраслях, причем 54 из них уже вышли на коммерческую эксплуатацию, включая платформы для обмена медицинскими данными, данными о состоянии автомобильных дорог, экологического мониторинга и управления муниципальным имуществом.

Таблица 2. Результаты работы регуляторных «цифровых песочниц»

Отрасль	**Всего проектов, шт.**	**Успешно вышли на рынок, шт.**	**Эффективность, %**
Промышленность	22	12	54,5
Транспорт	15	8	53,3
Энергетика	12	7	58,3
Финансовый сектор	18	11	61,1
Сельское хозяйство	14	8	57,1
Прочие	16	8	50,0
ИТОГО	**97**	**54**	**55,7**

Особый интерес представляет внедрение единых стандартов форматов данных - так называемых «отраслевых словарей данных», утвержденных профильными министерствами и обязательных для использования всеми участниками платформ, что решило проблему «цифрового Вавилона», когда разные системы не могли обмениваться информацией из-за несовместимости форматов, и по оценкам Агентства стратегических инициатив, только унификация форматов данных в промышленности и транспорте сократила

затраты на интеграцию систем на 40% и ускорила внедрение новых платформенных решений в 2,3 раза по сравнению с 2024 годом. Кроме того, важнейшим институциональным решением стало введение с января 2026 года налоговых преференций для компаний, использующих отечественные платформы оборота данных и передающих анонимизированные данные в государственные информационные системы, что стимулировало более 1,8 тысячи предприятий к переходу на платформенные модели работы и создало дополнительный стимул для развития экосистемы сбора и обработки данных. [6]

Платформенные решения для оборота данных уверенно занимают позицию ключевого драйвера инновационного развития отраслей российской экономики, обеспечивая не только технологическое обновление производственных процессов, но и формирование новых институтов взаимодействия между субъектами экономики - прозрачных, эффективных и защищенных от внешних рисков. Учитывая, что российские платформенные решения все чаще используются не только внутри страны, но и в проектах международного сотрудничества со странами БРИКС и ЕАЭС, их вклад в укрепление технологического суверенитета выходит за национальные рамки, формируя конкурентные преимущества на глобальных рынках высокотехнологичных услуг и продуктов. Обеспечение дальнейшего системного развития платформенных решений, включая инвестиции в инфраструктуру данных, повышение цифровой грамотности, совершенствование нормативной базы и международную стандартизацию, должно стать приоритетом государственной политики на ближайшие годы, поскольку именно эффективный оборот данных, как новая производственная сила, будет определять конкурентоспособность и устойчивость российской экономики в условиях ускоряющегося технологического прогресса.

Литература

1. Агентство стратегических инициатив [Электронный ресурс]: Итоги развития цифровых платформ в субъектах РФ: отчет 2025–2026 гг. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://asi.ru (дата обращения: 27.08.2026).
2. Ассоциация разработчиков программного обеспечения [Электронный ресурс]: Оценка кадрового потенциала для платформенных решений: аналитическая записка. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://arpp.ru (дата обращения: 27.08.2026).
3. Банк России [Электронный ресурс]: Обзор цифровых финансовых активов и платформенных решений в финансовом секторе: I полугодие 2026 года. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://cbr.ru (дата обращения: 27.08.2026).
4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]: Отчет о развитии платформенных решений в отраслях экономики: I полугодие 2026 года. –

Москва, 2026. – Режим доступа: https://digital.gov.ru (дата обращения: 27.08.2026).
5. Министерство промышленности и торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]: О внедрении цифровых платформ в промышленности: аналитическая записка. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://minpromtorg.gov.ru (дата обращения: 27.08.2026).
6. Министерство транспорта Российской Федерации [Электронный ресурс]: Цифровая трансформация транспортной отрасли: отчет за I полугодие 2026 года. – Москва, 2026. – Режим доступа: https://mintrans.gov.ru (дата обращения: 27.08.2026).

УДК 69:005.8:004.9

Петрова Алёна Романовна
магистрант
Государственный университет управления
Россия, Москва

Шарипова Евгения Анатольевна
старший преподаватель
Государственный университет управления
Россия, Москва

Информационные системы как инструмент повышения качества управленческих решений в инвестиционно-строительной деятельности

Information systems as a tool for improving the quality of management decisions in investment and construction activities

Аннотация. В статье рассматривается применение информационных систем при подготовке и обосновании управленческих решений в инвестиционно-строительных проектах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оперативного согласования данных о сроках, стоимости, проектных изменениях, закупках и фактическом ходе работ. Показано, что использование разрозненных программных решений не обеспечивает требуемого качества управления без их интеграции и единого подхода к актуализации данных. Предложено формирование единого информационно-аналитического контура, объединяющего технологии информационного моделирования, системы управления проектами, ERP, электронный документооборот и BI-аналитику. Определены основные управленческие задачи, решаемые с использованием каждого вида цифровых инструментов. Сделан вывод о том, что интеграция плановых и фактических показателей позволяет своевременно выявлять отклонения, оценивать последствия изменений и повышать обоснованность корректирующих решений в инвестиционно-строительной деятельности.

Ключевые слова: инвестиционно-строительная деятельность, управленческие решения, информационные системы, цифровизация, ТИМ/BIM, управление проектами.

Abstract. The article examines the use of information systems in preparing and substantiating management decisions in investment and construction projects. The study focuses on coordinating data on schedules, costs, design changes, procurement and actual work progress. It is shown that separate software solutions do not provide the required management quality unless data are integrated and updated according to common rules. An integrated information and analytical environment combining BIM, project management systems, ERP, electronic document management and BI

analytics is proposed. The main management tasks supported by these tools are identified. The authors conclude that integration of planned and actual indicators helps reveal deviations earlier, assess the consequences of changes and improve corrective decisions.
Keywords: investment and construction activities, management decisions, information systems, digitalization, BIM, project management.

Инвестиционно-строительная деятельность характеризуется большим количеством взаимосвязанных данных и участников. В одном проекте одновременно формируются проектная документация, календарные планы, договоры, сведения о закупках, платежах и фактическом выполнении работ. При использовании нескольких несвязанных программ возникает риск того, что руководитель получает информацию различной актуальности. В результате решение может приниматься уже после того, как отклонение по срокам или стоимости стало существенным.

Цифровизация строительной отрасли закреплена и на уровне государственного регулирования. Стратегия развития строительной отрасли предусматривает развитие цифровой среды управления и сокращение продолжительности инвестиционно-строительного цикла [1]. Правила формирования информационной модели объекта капитального строительства задают основу системной работы с данными на этапах его жизненного цикла [2]. Поэтому информационные системы следует рассматривать не только как средство автоматизации отдельных операций, но и как элемент организации управления проектом.

В научных работах цифровые решения связываются с интеграцией процессов и участников инвестиционно-строительного проекта [3], при этом исследователи отмечают различия в уровне цифровой зрелости предприятий отрасли [4]. Информационные системы управления проектами позволяют повысить прозрачность деятельности заказчика [5]. Однако наличие нескольких программных продуктов само по себе не обеспечивает качество решения: календарные, финансовые и проектные данные должны быть согласованы между собой.

Под качеством управленческого решения в инвестиционно-строительном проекте можно понимать его обоснованность, своевременность и соответствие целям проекта по срокам, стоимости и качеству. Для этого руководителю необходима единая версия данных об отклонениях и причинах их возникновения. В связи с этим предлагается формировать единый информационно-аналитический контур, объединяющий технологии информационного моделирования, систему управления проектами, учётные решения, электронный документооборот и аналитические панели.

Особое место в таком контуре занимают технологии информационного моделирования. Они позволяют связывать характеристики объекта с проектными решениями и отслеживать изменения. В исследовании [6] отмечается, что внедрение цифровых технологий способствует улучшению

взаимодействия участников строительства, усилению контроля и снижению числа ошибок и задержек. Наибольшую управленческую ценность эти технологии приобретают при сопоставлении модели с календарными и стоимостными данными.

Таблица 1. Информационные системы и управленческие задачи проекта

Инструмент	Ключевые данные	Управленческая задача
ТИМ/BIM	Проектные решения и изменения	Контроль изменений и их влияния на объект
Система управления проектами	Сроки, задачи, фактический прогресс	Контроль графика и выявление отставаний
ERP и электронный документооборот	Бюджет, договоры, платежи, согласования	Контроль стоимости, обязательств и версий документов
BI-аналитика	Консолидированные показатели	Мониторинг KPI, рисков и отклонений

Работа информационно-аналитического контура может быть организована как последовательный цикл. Сначала фиксируются плановые параметры проекта: бюджет, график, договорные обязательства и контрольные показатели. Затем поступают фактические данные о выполнении работ, платежах, поставках и изменениях. Система сопоставляет план и факт, а руководитель получает перечень проблемных зон, ранжированных по влиянию на срок, стоимость и качество. После принятия решения результат корректирующего действия также фиксируется в системе.

Для инвестиционно-строительного проекта особенно важно совместно оценивать сроки, стоимость и физический прогресс. Процент выполнения работ сам по себе не показывает состояние проекта, если он не сопоставлен с календарным планом и фактическими затратами. Аналогично проектное изменение необходимо оценивать не изолированно, а с учётом его влияния на смету, закупки, график и договорные обязательства. Интеграция данных позволяет перейти от ретроспективной отчётности к оперативному управлению отклонениями и рисками.

Внедрение информационных систем целесообразно начинать с описания управленческих решений, а не с выбора программы. Для каждого решения следует определить исходные данные, их источник и ответственного за актуализацию; единые справочники позволяют использовать цифровые инструменты как систему поддержки решений.

Таким образом, повышение качества управленческих решений связано прежде всего с интеграцией данных, а не с количеством используемых программ. Единый информационно-аналитический контур позволяет быстрее выявлять отклонения, оценивать последствия изменений и выбирать корректирующие действия на основе согласованных данных. Предложенный подход может использоваться при совершенствовании системы управления у застройщика, технического заказчика или строительной организации.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.05.2024 № 614 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов».
3. Викторов М. Ю. Цифровизация процессов реализации инвестиционно-строительных проектов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2020. Т. 10. № 4 (35). С. 516–523. DOI: 10.21285/2227-2917-2020-4-516-523.
4. Кисель Т. Н., Прохорова Ю. С. Уровень цифровизации российских предприятий инвестиционно-строительной сферы // Вестник МГСУ. 2023. Т. 18. № 6. С. 971–987. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.6.971-987.
5. Ковалевская Н. Ю. Информационная система управления проектами как инструмент повышения эффективности деятельности государственного заказчика в строительстве // Baikal Research Journal. 2026. Т. 17. № 2. С. 480–495. DOI: 10.17150/2411-6262.2026.17(2).480-495.
6. Шарипова Е. А. Влияние внедрения цифровых технологий на эффективность строительной отрасли // Управленческий учет. 2025. № 8. DOI: 10.25806/uu-5368.

Физическая культура и спорт

Петрушин А.В., старший преподаватель
кафедры теории и методики
лыжных видов спорта
НГУ им. П.Ф. Лесгафта,
Санкт-Петербург

Значение и важность лыжного спорта в формировании здорового образа жизни

The significance and importance of skiing in shaping a healthy lifestyle

Аннотация. В статье рассматривается важность роли лыжного спорта, как доступного и эффективного средства формирования здорового образа жизни. Показано, что оздоровительный эффект достигается только при рациональной дозированной нагрузке, соблюдения правил безопасности и учете индивидуального состояния здоровья занимающихся.
Ключевые слова: Лыжный спорт, здоровый образ жизни.

Annotation. The article examines the importance of the role of skiing as an affordable and effective means of forming a healthy lifestyle. It is shown that the health-improving effect is achieved only with a rational dosed load, compliance with safety rules and taking into account the individual state of health of those involved.
Keywords: Skiing, healthy lifestyle.

Современная жизнь не представляется без воздействия на нее здорового образа жизни. Долгое время проведенное в статичном положении, снижение двигательной активности, может привезти к развитию хронических заболеваний. В связи с этим преобладают безопасные и эффективные двигательные активности, которыми можно заниматься на протяжении долгого времени, не причиняя вреда здоровью и формированию здорового образа жизни.

Лыжный спорт традиционно занимает высокое место в системе физического воспитания в регионах с продолжительным зимним периодом. В климатических условиях большей части России устойчивый снежный покров сохраняется в течении нескольких месяцев, что создаёт естественные предпосылки для использования лыжной подготовки как массового оздоровительного средства. Передвижение на лыжах доступно людям разного возраста и уровня подготовленности, а нагрузка может дозироваться в широком диапазоне: от прогулочной ходьбы до интенсивной циклической работы.

Лыжные гонки относятся к циклическим видам спорта, в основе которых лежит длительная работа умеренной и высокой интенсивности с вовлечением

большого числа мышечных групп. Такая нагрузка предъявляет высокие требования к системе обеспечения кислородом и энергетическому обмену, что определяет её преимущественно аэробную направленность и выраженное тренирующее воздействие на выносливость. Особенностью лыжной подготовки является сочетание нескольких факторов оздоровительного воздействия: длительной ритмичной мышечной работы, пребывания на открытом воздухе, воздействия низких температур и естественного природного окружения. Так же преимуществом лыжного передвижения является относительно невысокий уровень ударной нагрузки на суставы по сравнению с бегом, что расширяет круг лиц, которым может быть рекомендована данная форма активности, при условии врачебного допуска, использования правильной амуниции.

Важно подчёркивать, что оздоровительный эффект лыжной подготовки не является автоматическим следствием самого факта занятий, он достигается при рациональном планировании и распределении нагрузки, с учетом постепенного увеличения объема двигательной активности и интенсивности.

Систематические занятия циклическими видами спорта включая лыжные гонки, способствуют изменению сердечно-сосудистой системы. К ним относятся повышение экономичности работы сердца, снижение частоты сердечных сокращений в покое и при стандартной нагрузке, а так же улучшение регуляции сосудистого тонуса. У лиц, регулярно занимающихся лыжной подготовкой, как правило, отмечаются более высокие показатели аэробной работоспособности и функциональных резервов кровообращения по сравнению с людьми, ведущими малоподвижный образ жизни. Лыжные гонки в виде физической активности схожи со скандинавской ходьбой, научные исследования показывают, что регулярная ходьба для поддержания физической формы среди взрослых людей не только улучшает выносливость, но также вносит позитивные изменения в химический состав крови и тела. Снижается холестерин (ЛПНП), сокращается процент жира в теле, увеличивается мышечная масса тела [1].

Лыжный спорт традиционно занимает высокое место в системе физического воспитания в регионах с продолжительным зимним периодом. В климатических условиях большей части России устойчивый снежный покров сохраняется в течении нескольких месяцев, что создаёт естественные предпосылки для использования лыжной подготовки как массового оздоровительного средства. Передвижение на лыжах доступно людям разного возраста и уровня подготовленности, а нагрузка может дозироваться в широком диапазоне: от прогулочной ходьбы до интенсивной циклической работы.

Занятия лыжной подготовкой в условиях пониженных температур сопровождаются закаливающим воздействием, систематическое дозированное пребывание на холодном воздухе в сочетании с мышечной работой способствует совершенствованию механизмов терморегуляции и

может повышать устойчивость организма к неблагоприятным факторам внешней среды. При этом закаливающий эффект достигается только при постепенности, регулярности и дозированной нагрузки. Нагрузки при низких температурах и не в соответствующей экипировки противопоказаны.

Лыжные подготовка оказывает благоприятное влияние на психоэмоциональное состояние человека, двигательная активность умеренной интенсивности на открытом воздухе способствует снижению уровня психического напряжения, улучшению настроения и общего самочувствия. Важное значение

Имеет природная среда, в которой проходят тренировки, пребывание в естественной природной среде, смена обстановки и переключение от повседневной деятельности способствуют психологической разгрузке. Для людей испытывающих высокий уровень стресса и дефицит времени, доступные формы лыжной активности могут выступать средством поддержания психологического благополучия.

Одним из значимых преимуществ лыжного спорта является его сравнительная доступность, для оздоровительных занятий не требуется сложных спортивных сооружений, а базовый комплект инвентаря может использоваться в течении длительного времени. Возможность заниматься в парковых и природных зонах расширяет доступность лыжной подготовки для различных категорий населения. Существенным достоинством является широкий диапазон дозирования нагрузки. Лыжные занятия могут проводится в форме спокойных прогулок, оздоровительной ходьбы или интенсивной тренировки в зависимости от возраста, пола, уровня подготовленности и состояния здоровья. Это позволяет использовать лыжный спорт как средство физической культуры на разных этапах жизни человека. Вместе с тем доступность не отменяет необходимости методически грамотной организации занятий. Обучение технике передвижения, правильный подбор инвентаря и одежды, учет погодных условий и индивидуального состояния здоровья являются обязательными условиями безопасности и эффективной лыжной подготовки.

Любая физическая активность оказывает положительный результат на формирование здорового образа жизни. В зависимости от различных регионов преобладают свои виды спорта, например в условиях снежных регионов преобладают общедоступные и не дорогие зимние виды спорта, следует не забывать о своем здоровье и поддерживать его при помощи физической активности, особенно важно формировать полезные привычки у юного и подрастающего поколения. В наше время можно попробовать практически любой вид спорта, главное что бы было желание [2].

Библиографический список:

1. Информация с сайта Ассоциация скандинавской ходьбы: [Электронный ресурс]. URL http://rnwa.ru/poleznye-stati/issledovaniya-nordic-

walking/nauchnye-issledovaniya-skandinavskoj-hodby/ (дата обращения 01.10.2026).
2. Петрушин, А. В. Социальная роль зимних видов спорта в формировании здорового образа жизни / А. В. Петрушин // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации (шифр - МКАА) : сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, Москва, 2025 г. — Москва : [б. и.], 2025. — С. 47–51.

УДК 796.011

Михайлов Аркадий Павлович
студент,
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова
Россия, Санкт-Петербург;
Дудус А. Н.
Доцент кафедры "Физической и психофизиологической подготовки"
Забродин А. С.
Старший преподаватель кафедры "Физической и психофизиологической подготовки"
Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова.
Россия, Санкт-Петербург.

Спортивное плавание, прикладное плавание, прыжки в воду как эффективное средство развития вестибулярного аппарата

Аннотация. Данная работа посвящена анализу роли спортивного плавания, прикладного плавания и прыжков в воду как мощных инструментов для целенаправленного развития вестибулярного аппарата человека. В работе рассматриваются специфические двигательные режимы и уникальные условия водной среды, которые создают оптимальные стимулы для сенсорных систем, отвечающих за равновесие и пространственную ориентацию. Особое внимание уделяется тому, как ритмичные движения и смены положений тела в спортивном плавании, необходимость ориентирования в нестандартных ситуациях прикладного плавания и экстремальные нагрузки при многократных вращениях в прыжках в воду комплексно воздействуют на отолитовые органы и полукружные каналы. Обосновывается, что систематические занятия этими видами водного спорта способствуют значительному улучшению координации движений, повышению устойчивости к головокружениям и развитию высокоточной пространственной ориентировки, что имеет прикладное значение как в спорте, так и в повседневной жизни.
Ключевые слова: Спорт, плавание, прыжки в воду, вестибулярный аппарат.

Annotation. This work is devoted to the analysis of the role of sports swimming, applied swimming and diving as powerful tools for the purposeful development of the human vestibular apparatus. The paper considers specific motor modes and unique conditions of the aquatic environment that create optimal stimuli for sensory systems responsible for balance and spatial orientation. Special attention is paid to

how rhythmic movements and changes of body positions in sports swimming, the need for orientation in non-standard situations of applied swimming and extreme loads during multiple rotations in diving have a complex effect on otolith organs and semicircular channels. It is proved that systematic practice of these types of water sports contributes to a significant improvement in coordination of movements, increased resistance to dizziness and the development of high-precision spatial orientation, which is of practical importance both in sports and in everyday life.
Keywords: Sports, swimming, diving, vestibular apparatus.

Способность человека сохранять равновесие, точно ориентироваться в пространстве и координировать свои движения является фундаментальной для полноценной жизни и эффективной деятельности. Центральную роль в этих процессах играет вестибулярный аппарат – сложная сенсорная система, расположенная во внутреннем ухе. Его развитие и тренировка критически важны не только для спортсменов, но и для каждого человека, поскольку напрямую влияют на безопасность и комфорт в повседневной жизни. В условиях современной жизни, когда двигательная активность часто ограничена, целенаправленная стимуляция вестибулярной системы приобретает особое значение. Недостаточность этой стимуляции может приводить к проблемам с балансом, ориентацией и даже ухудшению внимания. Водные виды спорта, такие как спортивное плавание, прикладное плавание и прыжки в воду, предлагают уникальные и высокоэффективные возможности для развития этой ключевой функции.

1.Вестибулярный аппарат: Основы функционирования.

Вестибулярный аппарат состоит из двух основных компонентов:

• Отолитовые органы (мешочки): Отвечают за восприятие линейных ускорений (движение по прямой, ускорение/торможение) и положения головы относительно силы тяжести.

• Полукружные каналы: Воспринимают угловые ускорения, то есть вращательные движения головы. Взаимодействие этих структур обеспечивает постоянную информацию о положении и движении тела в пространстве, что критически важно для поддержания позы, ориентации и координации движений в ответ на изменение внешних условий. Недостаточно развитый вестибулярный аппарат может проявляться в головокружениях, неустойчивости, ухудшении координации и даже морской болезни. Более того, его оптимальное функционирование напрямую влияет на скорость реакции и способность к многозадачности, что важно не только для спорта, но и для ежедневной активности.

2. Уникальность водной среды для вестибулярной стимуляции.

Водная среда создает особые условия, которые существенно отличаются от земных и являются идеальными для тренировки вестибулярного аппарата. Здесь происходит снижение гравитационной нагрузки благодаря плавучести

воды, что частично компенсирует силу тяжести, позволяя телу совершать более свободные и разнообразные движения, а также принимать положения, невозможные на суше. Это снижает риск травм и делает тренировки более доступными, позволяя повторять сложные маневры чаще и безопаснее, чем на твердой поверхности. Одновременно вода оказывает повышенное сопротивление движениям, что требует от пловца большего мышечного усилия и более точной координации. Это сопротивление также дает дополнительную сенсорную обратную связь, усиливая проприоцептивные ощущения. Кроме того, изменяется вся поступающая сенсорная информация – зрительная, проприоцептивная и тактильная обратная связь в воде трансформируется, вынуждая вестибулярный аппарат активнее работать для компенсации этих изменений. В отличие от большинства наземных видов спорта, где движения преимущественно плоскостные, в воде тело постоянно находится в трехмерном пространстве, что требует непрерывной коррекции положения и высокоразвитого пространственного мышления.

3. Спортивное плавание.

Ритм, ротация и тонкая координация Даже базовые стили спортивного плавания, такие как кроль, брасс, баттерфляй и плавание на спине, являются мощным средством тренировки вестибулярного аппарата. В кроле и плавании на спине пловец постоянно совершает ритмичные вращения тела вокруг продольной оси. Это регулярно стимулирует полукружные каналы, отвечающие за угловые ускорения, способствуя их адаптации и повышению чувствительности. Каждый вдох в кроле сопровождается быстрым поворотом головы в сторону, что является интенсивным, но контролируемым воздействием на вестибулярную систему. Для эффективного продвижения в воде пловец должен постоянно поддерживать горизонтальное положение и обтекаемую форму тела, что требует тонкой работы вестибулярного аппарата в сочетании с проприоцепцией. Регулярные старты, повороты и финиши, а также ускорения и замедления стимулируют отолитовые органы, тренируя восприятие линейных ускорений и способность к быстрой перестройке. Систематические занятия спортивным плаванием развивают «вестибулярную память» и способность быстро адаптироваться к изменяющимся положениям тела, формируя автоматизм движений.

4. Прикладное плавание: Адаптация к непредсказуемости/

Прикладное плавание, включающее спасание на воде, преодоление препятствий, плавание в одежде или в неспокойной воде, предъявляет к вестибулярной системе более высокие и разнообразные требования. Необходимость буксировать человека, поднимать предметы со дна или переворачиваться в воде создает ситуации, когда тело принимает непривычные положения, требующие экстренной вестибулярной коррекции. Плавание в условиях ограниченной видимости, когда мутная вода или темнота уменьшают роль зрительного анализатора, заставляет вестибулярный аппарат работать с максимальной отдачей для поддержания ориентации и избегания

дезориентации. Воздействие внешних сил, таких как течение, волны и водовороты, вынуждает вестибулярную систему мгновенно реагировать на внешние воздействия и постоянно корректировать положение тела, что развивает ее адаптивные возможности и стрессоустойчивость. Наконец, сложные координационные задачи, требующие сочетания плавательных движений с удержанием предмета, нырянием или взаимодействием с другим человеком, тренируют высочайшую координацию и развитое чувство равновесия, развивая многозадачность вестибулярной системы. Прикладное плавание формирует не только базовые вестибулярные функции, но и способность к быстрому принятию решений и адаптации в критических ситуациях, устойчивость к дезориентации даже в условиях сенсорного дефицита.

5. Прыжки в воду: Экстремальная стимуляция и точность.

Прыжки в воду – это вершина тренировки вестибулярного аппарата, сочетающая грацию, силу и беспрецедентную пространственную ориентацию. Быстрые и многоосевые вращения, включающие сальто и винты с трамплина и вышки, вызывают мощнейшую стимуляцию полукружных каналов, доводя их до пика производительности. Все эти вращения происходят за считанные секунды в воздухе, требуя от спортсмена точнейшего ощущения положения тела в каждый момент времени и идеального контроля над движениями, что развивает мгновенную реакцию. Фаза входа в воду, с переходом из воздушной среды в водную и последующим полным погружением, является дополнительным стрессом для вестибулярной системы, требующим мгновенной адаптации и стабилизации. Прыгуны в воду доводят до совершенства способность "читать" пространство, предсказывать траектории и корректировать движения на микроуровне, что является прямым следствием развития вестибулярной функции и отточенного проприоцептивного чувства. Регулярные занятия прыжками в воду способствуют формированию уникальной устойчивости к перегрузкам, развитию феноменальной координации и пространственного интеллекта, что имеет трансферный эффект на многие другие сферы жизни.

Заключение

Спортивное плавание, прикладное плавание и прыжки в воду представляют собой не просто увлекательные и полезные виды спорта, но и исключительно эффективные средства для комплексного развития вестибулярного аппарата. От ритмичных и координированных движений в спортивном плавании, через адаптивные вызовы прикладного плавания, до экстремальной, но точной стимуляции в прыжках в воду – каждый из этих видов деятельности вносит свой вклад в формирование устойчивой и отзывчивой сенсорной системы. Систематические занятия водными видами спорта ведут к значительному улучшению координации, повышению устойчивости к головокружениям, более точной пространственной ориентации и, как следствие, к повышению общей физической подготовленности и безопасности в повседневной жизни.

Развитый вестибулярный аппарат снижает риск падений, улучшает баланс в динамике и статике, а также способствует более эффективному обучению новым двигательным навыкам. Таким образом, плавание и прыжки в воду можно смело рекомендовать как универсальный инс
трумент для поддержания и развития вестибулярного здоровья на протяжении всей жизни, что положительно сказывается на качестве движения и общей физической уверенности человека.

Литература

1. Булгакова, Н.Ж. *Плавание: Учебник для вузов.* Москва: Физкультура и спорт, 2018.
2. Вайцеховский, С.М. *Книга тренера.* Москва: Физкультура и спорт, 1985.
3. Катков, Л.П., Шелехов, С.И. *Прыжки в воду: Учеб. для ин-тов физ. культуры.* Москва: Физкультура и спорт, 1982.
4. Ершова, М.А., Завьялов, В.А. *Теория и методика обучения плаванию.* Учебное пособие. Москва: РУС "Олимпийский", 2015.
5. Смирнов, В.М. *Физиология человека.* Москва: Академия, 2012.
6. Платонов, В.Н. *Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте.* Киев: Олимпийская литература, 2015.

Лукьянова Карина Викторовна
Студент 3 курс,
Волкова Л.М., Профессор кафедры
"Физической и психофизиологической подготовки",
Санкт-Петербургский государственный
университет гражданской авиации
имени Главного маршала авиации А.А.Новикова

Влияние утренней зарядки на работоспособность студентов

Аннотация. В статье рассматривается влияние утренней гигиенической гимнастики на работоспособность и общее функциональное состояние студентов высших учебных заведений. Актуальность исследования обусловлена значительными умственными и психоэмоциональными нагрузками, характерными для современного образовательного процесса, а также недостаточной двигательной активностью студентов. Рассматриваются основные физиологические механизмы воздействия утренней зарядки на организм, включая активизацию кровообращения, повышение общего тонуса, улучшение деятельности нервной системы и поддержание опорно-двигательного аппарата. Особое внимание уделяется влиянию регулярных утренних физических упражнений на концентрацию внимания, снижение утомляемости и повышение готовности к учебной деятельности. В статье также представлены практические рекомендации по продолжительности, интенсивности, содержанию и регулярности утренней зарядки. Сделан вывод о целесообразности включения утренней гимнастики в повседневный режим студентов как доступного средства поддержания физического здоровья и повышения работоспособности.

Ключевые слова: утренняя зарядка, студенты, работоспособность, физическая активность, гигиеническая гимнастика, утомляемость, концентрация внимания, здоровье.

Abstract. The article examines the influence of morning hygienic gymnastics on the performance and overall functional state of university students. The relevance of the study is conditioned by the significant mental and psycho-emotional demands characteristic of the modern educational process, as well as the insufficient physical activity of students. The main physiological mechanisms of morning exercise on the body are discussed, including the activation of blood circulation, increase in overall tone, improvement of nervous system function, and maintenance of the musculoskeletal system. Special attention is paid to the impact of regular morning physical exercises on concentration, reduction of fatigue, and enhancement of readiness for academic activities. The article also presents practical

recommendations regarding the duration, intensity, content, and regularity of morning exercises. A conclusion was made regarding the advisability of including morning exercises in the daily routine of students as an accessible means of maintaining physical health and improving work capacity.

Keywords: morning exercise, students, performance, physical activity, hygienic gymnastics, fatigue, concentration, health.

Введение

В условиях современного образовательного процесса студенты сталкиваются с высокими умственными и психоэмоциональными нагрузками. Длительное пребывание в аудиториях, работа с большим объёмом информации, подготовка к семинарам и экзаменам требуют не только интеллектуальных, но и значительных физических ресурсов организма. В этой связи вопрос поддержания высокой работоспособности и сохранения здоровья студентов приобретает особую актуальность.

Одним из наиболее доступных и эффективных средств повышения жизненного тонуса и умственной активности является утренняя гигиеническая гимнастика, или зарядка. Несмотря на простоту и общеизвестность этого метода, его роль в жизни современного студента часто недооценивается. Цель настоящей статьи — рассмотреть влияние утренней зарядки на работоспособность студентов, выявить основные механизмы этого воздействия и определить практические рекомендации по организации утренних занятий.

Теоретические основы и механизмы влияния

Утренняя зарядка представляет собой комплекс физических упражнений умеренной интенсивности, выполняемых после пробуждения. Её основная задача — активизировать деятельность всех систем организма, подготовить его к предстоящим дневным нагрузкам.

С физиологической точки зрения влияние зарядки проявляется в следующем:

Активация кровообращения. Физические упражнения способствуют усилению работы сердца, увеличению скорости кровотока. Это обеспечивает лучшее снабжение головного мозга кислородом и питательными веществами, что напрямую влияет на скорость мыслительных процессов, концентрацию внимания и память.

Ускорение обменных процессов. Движение «запускает» метаболизм, способствуя более эффективному усвоению пищи и выработке энергии. Студенты, регулярно выполняющие зарядку, отмечают повышение бодрости и снижение утомляемости в течение дня.

Улучшение деятельности нервной системы. Физическая активность стимулирует выработку эндорфинов — «гормонов радости», которые улучшают настроение и снижают уровень стресса. Кроме того, происходит

активация коры головного мозга, что способствует более быстрому «включению» в учебную деятельность.

Тренировка мышечного аппарата и опорно-двигательной системы. Регулярные упражнения служат профилактикой гиподинамии — «болезни малоподвижного образа жизни», которая является бичом современной молодёжи.

Практическая значимость для студентов

Для студента работоспособность — это способность эффективно воспринимать, обрабатывать и воспроизводить учебную информацию. Снижение работоспособности проявляется в рассеянности, сонливости на лекциях, ухудшении памяти и замедлении реакции.

Проведённые исследования (в том числе наблюдения в вузах России) показывают, что студенты, уделяющие 10–15 минут утренней зарядке, демонстрируют более высокие показатели успеваемости по сравнению с теми, кто её игнорирует. Они легче концентрируются на сложных задачах, быстрее запоминают материал и реже жалуются на головные боли и усталость.

Особенно важно подчеркнуть роль зарядки в осенне-зимний период. Сокращение светового дня и дефицит солнечного света приводят к сезонному снижению тонуса организма. В этот период утренняя физическая активность становится одним из ключевых факторов поддержания иммунитета и профилактики простудных заболеваний.

Рекомендации по организации утренней зарядки

Для достижения максимального эффекта утренняя зарядка должна быть правильно организована.

Продолжительность: Оптимальное время — 10–20 минут. Этого достаточно для активации организма, но не вызывает переутомления.

Интенсивность: Упражнения должны быть умеренными. Не рекомендуется выполнять силовые упражнения с максимальным весом или изнуряющие кардионагрузки сразу после пробуждения.

Комплексность: В комплекс следует включать упражнения на все основные группы мышц: потягивания (для позвоночника), вращения (для суставов), приседания, наклоны, а также дыхательные упражнения.

Место проведения: Зарядку можно выполнять как в проветренной комнате, так и на свежем воздухе (в тёплое время года), что дополнительно закаливает организм.

Регулярность: Эффект достигается только при систематическом выполнении. Нерегулярные занятия не приносят устойчивого результата.

Заключение

Таким образом, утренняя зарядка является простым, доступным и научно обоснованным средством повышения работоспособности студентов. Её положительное влияние обусловлено комплексным воздействием на сердечно-сосудистую, нервную и дыхательную системы организма. Регулярное выполнение утренних упражнений способствует улучшению кровоснабжения

головного мозга, ускорению обмена веществ и повышению общего тонуса. Включение утренней зарядки в ежедневный распорядок дня студента позволяет не только повысить эффективность учебного процесса за счёт улучшения концентрации и памяти, но и служит важным элементом профилактики заболеваний и сохранения здоровья. Формирование привычки к утренней физической активности в студенческие годы закладывает фундамент здорового образа жизни на долгие годы вперёд.

Список использованных источников:

1.Виленский, М. Я. Физическая культура студента : учебник для студентов высших учебных заведений / М. Я. Виленский [и др.] ; под ред. В. И. Ильинича. — Москва : Гардарики, 2007. — 447 с.

2.Евсеев, Ю. И. Физическая культура : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ю. И. Евсеев. — 4-е изд. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. — 383 с.

3.Бароненко, В. А. Здоровье и физическая культура студента : учебное пособие для студентов учреждений среднего профессионального образования / В. А. Бароненко, Л. А. Рапопорт. — Москва : Альфа-М : ИНФРА-М, 2006. — 351 с.

4.Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры : введение в предмет : учебник для высших специальных физкультурных учебных заведений / Л. П. Матвеев. — 4-е изд., стер. — Санкт-Петербург [и др.] : Лань : ОМЕГА-Л, 2004. — 159 с.

5.Курамшин, Ю. Ф. Теория и методика физической культуры : учебник для студентов вузов / Ю. Ф. Курамшин [и др.] ; под ред. Ю. Ф. Курамшина. — Москва : Советский спорт, 2003. — 463 с.

6.Виленский, В. И. Физическая культура студента : учебник для студентов вузов / М. Я. Виленский, А. И. Зайцев, В. И. Ильинич [и др.] ; под ред. В. И. Виленского. — Москва : Гардарики, 2001. — 447 с.

Медицинские науки

УДК 613.956

Миронова Елена Владимировна, к.пед.н.,
доцент кафедры «Общая биология и биохимия»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
г. Пенза, Россия

Изучение информированности школьников об инфекциях, предающихся половым путем

Аннотация: проблема охраны репродуктивного здоровья тесно связана с уровнем информированности детей и подростков об инфекциях, передающихся половым путем. Данная возрастная категория является одной из наиболее уязвимых групп для заражения венерическими заболеваниями, вирусом иммунодефицита человека, гепатитами В и С. Интенсивное половое созревание подростков пробуждает сексуальный интереса, сопряженный с рискованным половым поведением. Целью работы было изучение информированности школьников об инфекциях, передающихся половым путем, и их влиянии на репродуктивное здоровье. Анкетирование обучающихся 9-х классов показало недостаточный уровень знаний в данном аспекте и обозначило основные направления дальнейшей работы по половому и гигиеническому воспитанию подростков. В многочисленных ежегодных публикациях авторы подчеркивают актуальность проблемы ИППП, недостаточный уровень информированности, предлагают новые способы первичной профилактики и доказывают эффективность подобных мероприятий.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, инфекции, передающиеся половым путем, половое воспитание

Mironova Elena Vladimirovna,
Candidate of pedagogical sciences,
Associate professor,
Department of general biology and biochemistry
Penza State University
Penza, Russia

Studying schoolchildren’s awareness of sexually transmitted infections

Annotation: The issue of reproductive health protection is closely linked to the level of awareness among children and adolescents about sexually transmitted infections. This age group is one of the most vulnerable to contracting sexually

transmitted diseases, human immunodeficiency virus, and hepatitis B and C. The intense sexual maturation of adolescents awakens sexual interest, which is associated with risky sexual behavior. The aim of the study was to examine schoolchildren's awareness of sexually transmitted infections and their impact on reproductive health. A survey of 9th-grade students revealed an insufficient level of knowledge in this area and identified the main areas for further work on sexual and hygiene education for teenagers. In numerous annual publications, authors emphasize the relevance of the problem of STIs, the insufficient level of awareness, propose new methods of primary prevention, and prove the effectiveness of such measures.

Key words: reproductive health, sexually transmitted infections, sex education

Сохранение репродуктивного здоровья, начиная с детского возраста, является одной из важнейших задач решения проблемы здоровьесбережения населения России. Уровень заболеваемости подростков инфекциями, передаваемыми половым путем, требует поиска и внедрения новых технологий, способствующих повышению эффективности первичной профилактики заболеваний [1, 4].

К инфекциям, передаваемым половым путем (ИППП), относят более тридцати различных бактерий, вирусов и паразитов, распространяющихся преимущественно при сексуальных контактах. ИППП вызывают различные заболевания мочеполовой системы человека. Особенностью данных патогенов является то, что человек может быть инфицирован одним из них, и при этом не иметь симптомов заболевания (не предъявлять жалоб на нарушение каких-либо функций его организма, не испытывать болей или любого рода дискомфорта), и в то же время представлять эпидемиологическую опасность, то есть иметь высокую вероятность передачи данного патогена половому партнеру.

В Российской Федерации ИППП, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), а также гепатиты В и С отнесены к социально значимым заболеваниям, а также заболеваниям, представляющим опасность для окружающих [2].

По данным ВОЗ [3] от этих инфекций ежегодно умирает более чем 2,5 миллионов человек. В 2020 году в мире было зарегистрировано 374 миллиона случаев заболевания сифилисом, гонореей, хламидиозом и трихомониазом среди людей в возрасте от 15 до 49 лет. На сифилис, гонорею, хламидиоз и трихомониаз приходится около одного миллиона случаев заболевания ежедневно.

Ученые отмечают, что для достижения целей по борьбе с ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами и ИППП к 2025 – 2030 годам необходимо расширить не только меры по диагностике, лечению и первичной

профилактике данных инфекций, но и повысить уровень осведомлённости населения.

Целью исследования являлось изучение информированности школьников об инфекциях, передающихся половым путем (ИППП), и их влиянии на репродуктивное здоровье.

Работа была организована на базе 9-х классов МБОУ СОШ № 69 г. Пензы.

Для реализации поставленной цели было проведено анонимное анкетирование обучающихся на предмет информированности по вопросам полового воспитания и ИППП, предполагающее выбор одного или нескольких вариантов ответа на вопросы. В исследовании приняло участие 44 школьника в возрасте 15-16 лет.

Все обучающиеся, принявшие участие в опросе (100%), знают, что такое болезни, передающиеся половым путем. Лишь 23% опрошенных знают о том, что такое инкубационный период болезни, при этом 42% детей считают, что данный период называется первичным, а 35% – скрытым.

Большинство респондентов (85%) правильно выбрали название венерических заболеваний из предложенного списка. В то же время, 12% опрошенных отнесли к данной группе инфекций чесотку и сибирскую язву.

Более половины школьников (56%) знают, что диагностикой и лечением ИППП занимается врач-дерматовенеролог, а 40% школьников считают, что с данными заболеваниями необходимо обращаться к гинекологу, что тоже является отчасти правильным ответом.

При анализе результатов проведенного анкетирования установлено, что большинство учащихся (71%) получают информацию по вопросам половой жизни и инфекциях, передаваемых половым путем из сети Интернет, а также в ходе обсуждения с друзьями (63,0%). Лишь 5% всех опрошенных респондентов используют в качестве источника информации о ИППП статьи в газетах и журналах. Наименьшей популярностью среди школьников пользуются беседы с родителями (3%) и педагогами (0%).

На вопрос об оптимальном возрасте начала половой жизни большинство школьников (59%) выбрали ответ «18-22 года». В то же время, 23% опрошенных выбрали вариант «16-18 лет». Это обусловлено тем, что в физиологическом плане организм развивается быстрее, чем в социальном и психологическом. Также раннее начало половой жизни у мальчиков негласно одобряется и поддерживается обществом. Это своего рода демонстрация мужественности. Именно это определяет желание подростков более раннего вступления в половую жизнь.

На вопрос об известных школьникам методах контрацепции 100% опрошенных назвали презерватив, 42% – пероральные контрацептивы, 12% считают методом контрацепции прерванный половой акт, 9% – тщательную гигиену, 3% – внутриматочную спираль.

Наиболее известными методами профилактики ИППП для школьников являются защищенный секс (92%), теоретические знания о венерических заболеваниях (52%), регулярные профилактические осмотры (24%), соблюдение правил личной гигиены (18%), ограничение половых контактов (12%).

Всего лишь 45% опрошенных школьников понимают, что ИППП могут стать причиной бесплодия и импотенции. Ни один школьник не считает, что данные инфекции могут быть опасны для жизни. Это свидетельствует о низком уровне информированности обучающихся о последствиях данных заболеваний. Школьники не соотносят отдаленные последствия таких смертельных болезней, как ВИЧ и гепатит С с половыми инфекциями. 21% опрошенных считает, что ИППП могут стать причиной внематочной беременности, а 23% считают негативным последствием дискомфорт и неприятные ощущения.

К группам риска, подверженным заражению ИППП, большинство опрошенных отнесли людей, имеющих большое количество половых партнеров (87%) и всех людей, занимающихся незащищенным сексом (91%). Лишь 21% информирован о том, что мать может заразить своего ребенка внутриутробно или при кормлении грудью, а также о возможности заражения через нестерильное медицинское оборудование.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что современные подростки недостаточно осведомлены о заболеваниях, передающихся половым путем. Это обусловлено тем, что значительную часть информации они получают из сети Интернет и от общения со сверстниками. Данные сведения часто содержат некорректную, антинаучную информацию, порой идущую вразрез с задачами нравственного воспитания. Все это снижает уровень половой безопасности подростков, повышает риск заражения ИППП и, как следствие, может привести к нарушениям репродуктивного здоровья. Более детальное изучение данных вопросов в курсе предмета «Биология», а также введение дополнительных курсов в образовательных учреждениях должно повысить осведомленность школьников в данном вопросе. Также необходимо усилить просветительскую работу с родителя, в том числе, с приглашенными специалистами.

Библиографический список:

1. Колмакова Т. С., Григорян Н. А. Половое воспитание подростков, проблемы ранней беременности и инфекций, передаваемых половым путем: «Биосфера и человек» : материалы Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2019.

2. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 дек. 2004 г. № 715 [ред. от

31.01.2020 г.] — URL: http://www.base.garant.ru (дата обращения: 19.08.2026). — Режим доступа: Гарант : [справ. правовая система], свобод.

3. Сводное руководство по профилактике, диагностике, лечению и помощи в связи с ВИЧ-инфекцией, вирусными гепатитами и инфекциями, передаваемыми половым путем, для ключевых групп населения. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро (2024). — URL: https://www.who.int (дата обращения: 19.08.2026)

4. Соловьева Ю. В. Медико-социальные проблемы репродуктивного здоровья современных школьниц // Российский вестник гигиены. 2023. № 1. С. 23–27.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XXXII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации» (шифр –МКАА) 2октября 2026 года
Ответственный редактор:
Подписано в печать 09.10.2026
Усл. печ. л. 13,5
mknmp@yandex.ru
Издательство АНО ДПО «Университет ИТБО»
107113, г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный округ Сокольники,
пл. Сокольническая, д. 4А, помещ. 12/4
https://anodpotsron@yandex.ru